ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.В. ЛОМОНОСОВА

НАУЧНЫЙ СОВЕТ АН СССР ПО КОМПЛЕКСНЫМ ПРОБЛЕМАМ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

ПОЛЕСЬЕ И ЭТНОГЕНЕЗ СЛАВЯН

Предварительные материалы и тезисы
конференции

Москва 1983

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.В. ЛОМОНОСОВА

НАУЧНЫЙ СОВЕТ АН СССР ПО КОМПЛЕКСНЫМ ПРОБЛЕМАМ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

ПОЛЕСЬЕ И ЭТНОГЕНЕЗ СЛАВЯН

Предварительные материалы и тезисы конференции

Издательство "Наука"
Москва 1983

Выбор Полесья как объекта исследования важнейших для славистики вопросов этногенеза, глоттогенеза и этнокультурной истории славян обусловлен не только чрезвычайной архаикой этой зоны в языковом и этнокультурном отношении, но и широко развернувшимся в последние десятилетия диалектологическим, археологическим, антропологическим и т.д. изучением Полесья, создавшим необходимую фактическую базу для первых комплексных обобщений.

Более 20 лет тому назад, в 1962 г., было положено начало регулярным экспедициям в Полесье, организованным Институтом славяноведения и балканистики АН СССР с участием Института языкознания АН БССР и других институтов. С 1974 г. в этих экспедициях активно участвуют студенты, аспиранты и преподаватели Филологического факультета МГУ, группирующиеся вокруг этнолингвистического семинара проф. Н.И. Толстого. Большую помощь в организации экспедиций оказывают заведующая кафедрой русского языка проф. К.В. Горшкова и заведующая диалектологическим кабинетом доц. О.Г. Гецова. Материалы полесских экспедиций публиковались в книгах "Полесье" (М., 1968), "Лексика Полесья" (М., 1968), "Лексіка Палесся ў прасторы і часе" (Мінск, 1971), а также в сборниках "Славянский и балканский фольклор" (М., 1978, 1981) и др. изданиях. В 1983 г. выходит из печати "Полесский этнолингвистический сборник", в котором подводятся первые итоги изучения традиционной духовной культуры Полесья.

Задача комплексного изучения Полесья совместными усилиями ученых академических и вузовских учреждений была выдвинута еще в 1961 г. на I всесоюзном Координационном совещании по актуальным проблемам славяноведения в Москве (см. КСИС, 33-34, с. 249). В марте 1978 г. на конференции в Звенигороде "Итоги и перспективы славяноведческих и балканских исследований: вопросы координации" были приняты рекомендации и определены основные направления в области изучения этногенеза славянских и балканских народов и в том числе названа "проб-

лема комплексного этнолингвистического изучения архаических славянских зон в языковом и этнокультурном отношении (белорусское и украинское Полесье, Карпаты, русский Север и др.)".

В соответствии с решениями Звенигородского совещания в июне 1981 г. в Ленинграде состоялся симпозиум "Вопросы комплексного изучения древней славянской культуры (этногенетический аспект)", организованный Научным советом АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики, филологическим факультетом Ленинградского университета и Институтом славяноведения и балканистики АН СССР.

Настоящая конференция является второй из намеченных Звенигородским совещанием. Как и в Ленинградском симпозиуме, в ней принимают участие лингвисты, фольклористы, этнографы, археологи, антропологи, музыковеды - представители научных учреждений и вузов Москвы, Минска, Киева, Ленинграда, а также исследователи, работающие непосредственно в Полесье - в Гомеле, Мозыре, Житомире, Глухове, Сумах, Луцке, Ровно и др.

При всем многообразии подходов и задач, специфике материала и научных традиций, представители разных дисциплин, работающие в Полесье или с полесскими данными, стремятся совместными усилиями подойти к решению общих вопросов этнокультурной и языковой истории и предыстории Полесья, выработать приемлемые для всех дисциплин критерии и методы реконструкции древнейших форм материальной и духовной культуры и их языковой и этнической атрибуции. Как видно из публикуемых здесь предварительных материалов и тезисов докладов, наиболее универсальным и объединяющим все дисциплины оказывается на современном этапе а р е а л ь н о е представление соответствующих диалектных, этнографических, антропологических и т.д. фактов, выявляющее определенное множество границ и ареалов внутри Полесья или связывающее Полесье с другими зонами славянского мира. Именно ареальная проекция, картографическое представление служат единым для разных дисциплин способом формулирования результатов и основой их дальнейшей этнической и хронологической интерпретации. Прогресс в области славянского этногенеза связан в настоящее время с возможностью последовательного комплексного изучения отдельных его составляющих - наиболее архаических славянских зон, не-

которых узловых проблем и т.п. Так понимал развитие этногенетических исследований покойный В.Д. Королюк, бывший одним из инициаторов этой конференции. Его светлой памяти она и посвящается.

1-3 111

I. ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛЕСЬЯ

Н.И. Толстой (Москва)

ПОЛЕСЬЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СЛАВЯНСКОЙ АРЕАЛОГИИ

Срединное положение Полесья в северной Славии и его принадлежность к трем современным языковым и этнокультурным ареалам – украинскому, белорусскому и южновеликорусскому делают во многом неповторимым лингво- и этногеографический статут Полесья. Такой статут, однако, не нарушает определенную этнокультурную и языковую гомогенность Полесья, сочетающуюся при этом с довольно устойчивым и, надо полагать, достаточно древним членением полесского языкового, народно-культурного и фольклорного диалектного континуума. Географически однородная лесисто-болотистая полесская низменность, благоприятствующая не в меньшей мере, чем гористая местность, консервации всех видов и форм народной культуры и языка, затем отчасти с ней связанная автохтонность большинства полесского населения и, наконец, континуантность, непрерывность развития полесской народной культуры и языка, дающая возможность последовательно, ретроспективно рассматривать полесский языковой, этнокультурный и особенно археологический и антропологический ландшафт, уходя в глубь веков, придает полесской зоне еще бо́льшую уникальность в пределах современной Славии. В зависимости от хронологических периодов или концепций исследователей территория Полесья, полностью или частично, рассматривается многими как компонент славянской прародины и даже как сама прародина, или во всяком случае, как регион, непосредственно либо близко к ней примыкающий, что делает этногенетический план полесских исследований очень важным для славистики в целом. Особенностью современного Полесья может считаться также отсутствие контактов с неславянскими этносами (resp. языками, культурами) равно как и "архи-архаический", по словам К. Мошинского, ха-

рактер всей народной культуры в целом. Все это дает возможность принимать в некоторых славистических историко-генетических исследованиях Полесье как модель праславянского существования, модель праславянской этноязыковой и этнокультурной ситуации в целом, а не в отдельных ее деталях. Архаичность полесского материала доказывается его характером и структурой не только на общеславянском уровне, но и на уровне индоевропейском и на уровнях еще более отдаленных (в частности, весьма интересны полесско-кавказские параллели). Последнее относится, естественно, уже не к языковым, а к мифологическим и этнокультурным показателям.

Полесье не следует считать единственным крупным славянским архаическим ареалом. Наряду с ним, можно выделить Карпаты, как ареал центральный для всей современной Славии, более гетерогенный, чем Полесье, структурно иной, характеризующийся активными славяно-неславянскими контактами, Русский Север, как ареал периферийный и моноэтничный, относительно новый, складывающийся в условиях славяно-финской интерференции, затем не очень четко очерчивающийся южнославянский шопско-торлакско-македонский континуум с прилегающими к нему зонами, как ареал весьма удаленный от славянской прародины, сложившийся в условиях относительно давних славяно-романо-греческо-албанских контактов, и другие ареалы. Важны наблюдения над ситуацией в отдельных, до недавнего времени в культурном и языковом отношении довольно замкнутых и архаических ареалах меньшего масштаба, к каковым можно отнести Родопы, отдельные части Словении (например, северо-запад), западную Сербию, чакавский регион, Кашубию, Вармию и Мазуры, Псковщину и Новгородчину и т.п. Вероятно, назрела необходимость создания "ситуативной типологии" славянских ареалов, выделяемых не только по языковым признакам, но и по признакам этнографическим, демокультурологическим, географическим и пр. Такая типология актуальна хотя бы потому, что нынешнее деление славянских языков, культур и традиций, сложившееся довольно поздно, по национальному, а не по ареальному или узко региональному принципу, во многих случаях либо не раскрывает, либо обходит ряд признаков и компонентов, релевантных для синхронных и диахронических штудий, в том числе проблемы реконструкции, хронологической приуроченности фактов, их

первоначальной дистрибуции и т.п.

Поставленная в 70-х годах проблема соотношения центральных и маргинальных зон Славии не снята с повестки дня. В ее решении Полесью принадлежит почетная роль. При этом особое значение будет иметь будущий Этнолингвистический атлас Полесья и Словарь славянских народных древностей, в котором полесскому материалу будет отведено много места.

Г.А. Хабургаев (Москва)

ОБ УСЛОВИЯХ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ СЛАВЯНСКОГО ЭТНОГЕНЕЗА

1. В исследовательской практике под праславянами обычно имеются в виду носители одного из индоевропейских языков, характеризовавшиеся относительно единым и свойственным только им комплексом культурно-этнографических особенностей. Для лингвиста такое понимание вполне определенно: речь идет о носителях индоевропейского языка, характеризовавшегося определенным набором признаков - тех, которые в своей совокупности отличают этот язык от других индоевропейских и вместе с тем так или иначе отражаются во всех современных славянских языках (и диалектах). Конечно же, носители такой (вполне определенной для лингвистов) языковой системы характеризовались и какими-то культурно-этнографическими особенностями. Но теми ли, которые были свойственны только носителям праславянского языка и так или иначе сохраняются (хотя бы реликтово) современными славянскими народами? Главным сегодня является ответ именно на этот вопрос.

2. Исследуя археологические культуры районов несомненного или предположительного пребывания праславян, археолог узнает почти все о местном населении древних эпох: знает, когда и в каких примерно границах жил тот или иной древний народ, как он строил дома, какой пользовался посудой, чем питался и какими промыслами занимался, как украшал свою одежду, как хоронил умерших и т.д. - вплоть до особенностей духовной культуры и международных связей этого народа. Зна-

ния эти как правило не вызывают разногласий. Споры разгораются тогда, когда ставится вопрос об исторических связях известного (по культурно-этнографическим особенностям) народа с более древними и более поздними народами и (в связи с чем этот вопрос обычно и ставится) при определении этнической принадлежности этого народа. В конечном счете дискутируется лишь один вопрос: на каком языке говорил хорошо известный (во всех остальных отношениях) археологу народ? Решение проблемы этногенеза, таким образом, сводится к разработке приемов (методов) языковой атрибуции носителей древних культурно-этнографических комплексов.

3. Удачный опыт определения этнической (языковой) принадлежности дославянского населения центральной лесной зоны и севера Восточной Европы на основании гидронимических данных нельзя универсализировать: в этих районах до распространения славянской речи (именно так: в значительной степени она распространялась за счет языковой ассимиляции аборигенов, а не только как результат колонизации) на протяжении очень длительного времени не было заметных перемещений населения, что и позволяет приписывать неславянские (балтийские и финские) названия местных водоемов носителям додревнерусских культур. По отношению же к тем районам, откуда распространялась славянская речь, этот опыт теряет силу, ибо там более или менее заметная смена культур (несомненно, сопровождавшаяся и языковым взаимодействием) вскрывается через каждые несколько столетий. А местная гидронимия, как бы отражая этот факт, оказывается достаточно пестрой в языковом отношении и не поддается "стратиграфии", чтобы можно было связать разные языковые характеристики с носителями конкретных культурно-этнографических комплексов разных эпох.

4. Языковеды из этого факта сделали необходимые выводы. Они отказываются от классической идеи выделения праславянского языка из индоевропейского как целостной системы и все настойчивее провозглашают тезис о праславянском языковом комплексе как о сформировавшемся на базе смежных индоевропейских диалектов, особенности которых и объединяют праславянский язык с рядом индоевропейских языков Центральной и Восточной Европы. Формировалось ли это языковое единство в среде населения с однородной культурой? Выработало ли оно

единую культуру носителей праславянского языка, остававшихся (как теперь ясно языковедам) не монолитными в диалектном отношении?

5. Другой вывод, неизбежный в указанных условиях, имеет методическое значение. Глотто- и этногоническая проблематика требует от исследователя и н о г о отношения к материалу, чем традиционные исторические исследования. Так, историк славянских (или одного из славянских) языков в глоттогоническом исследовании, конечно, использует результаты сравнительно-исторических реконструкций; но интересуют его в этом случае лишь те единицы, которые (независимо от их места и значимости в языковой системе) позволяют выделить пучки изоглосс синхронных по времени распространения языковых явлений. Именно изоглоссы в качестве географической проекции языковых переживаний и языкового взаимодействия разных эпох представляют собой величины лингвистического порядка, сопоставимые с подобными им величинами археологии и этнографии - границами синхронных культурно-этнографических комплексов.

6. Видимо, и археологии необходимо осознать несовпадение историко-этнографических интерпретаций с этногоническими задачами. В последнем случае, в частности, важна не степень зависимости одной археологической культуры от другой в плане их исторической преемственности, а сами связи разновременных и синхронных культур (в чем бы они ни выражались!), коль скоро любые из этих связей непременно сопровождались языковым взаимодействием, а интенсивность этого взаимодействия и его результаты не предрешают и не отражают результатов языкового взаимодействия.

В.В. Мартынов (Минск)

ЭТНОГЕНЕЗ, ГЛОТТОГЕНЕЗ И АРЕАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

I. Последние десятилетия характеризуются пристальным вниманием ученых-славистов к проблемам славянского этногенеза, среди которых особое место занимает этноязыковая доистория Припятского Полесья. Единообразие полученных в эти годы

данных не привело, однако, к единообразию научных результатов, что, естественным образом, объясняется различием принципов, не только лингвистических, этнографических, археологических, но и общенаучных. Последние относятся к целям и основным методам исследования. Что касается этногенеза, то главной целью остается ответ на вопросы: из чего возник? где возник? когда возник? Каждый этнос имеет предшественников, а его рождение стратифицировано в пространстве и времени. Возможность ответа на первый вопрос определяется возможностью установления непрерывности развития культуры и языка при переходе от старого к новому этносу. Возможность ответа на второй и третий вопросы определяется возможностью реконструкции отношений старого и нового этносов с соседними. Для определения этих возможностей должна быть предварительно проверена диагностирующая способность методов исследования. Такого рода проверка осуществляется на хорошо документированных данных, для которых ответы на поставленные вопросы заведомо известны. Само исследование следует проводить строго ретроспективно с постепенным переходом от хорошо известного к недостаточно известному, а от него к неизвестному.

2. Мы полагаем, что перечисленные выше общенаучные методы должны применяться в археологии, палеоэтнографии и палеолингвистике порознь с последующей проверкой на сопоставимость результатов. При этом лингвисты не должны отождествлять этногенез с глоттогенезом этноса, ибо известно, что ареалы культурные не всегда совпадают с ареалами языковыми.

3. Занимаясь глоттогенезом славян, мы установили, что западная граница распространения праславянского языка непосредственно после его возникновения пролегла по Одре, в нижнем и среднем течении которой осуществлялись славяно-германские контакты, а в верхнем - славяно-кельтские. Мы установили также, что территория распространения праславянского языка начального периода охватывала по крайней мере висло-одрское междуречье (ареалы иранского и италийского суперстратов).

4. Восточная граница территории распространения праславянского языка частично определилась результатами полесских исследований. Часть западнобалтийского ареала, не подвергшаяся ранней славянизации, указывает на восточную границу по

нижней Висле. Что касается средней Вислы, то на ее стыке с Бугом и Припятью граница уходит на восток, пролегая по Ясельде, Припяти между Ясельдой и Горынью и по Горыни.

5. В настоящее время задача заключается в том, чтобы определить южную границу распространения праславянского языка начального периода.

А.С. Герд (Ленинград)

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Разграничение между теорией этногенеза и археологией, лингвистикой, этнографией проходит прежде всего по объекту. Объект этногенеза - не история формирования диалектов, языков - это предмет истории языка, не история археологических культур - это сфера археологии, не география и история элементов живой материальной культуры - это поле деятельности этнографии. Объект этногенетических исследований - история формирования населения на данной территории во всем многообразии его этнических типов (демогенезис).

Этногенетическое исследование не обязано отвечать на вопрос о том, как сложилась данная археологическая культура, языковый или антропологический тип. Целью этногенетического анализа является определение только того, как шло формирование населения на данной территории, как шло становление того народа, который является (являлся) носителем такой археологической культуры или языка.

Краеугольным вопросом теории этногенеза сегодня является вопрос о <u>методах</u> анализа материала.

Специалист по этногенезу оперирует не столько с непосредственными объектами археологии, лингвистики, этнографии, сколько с их итоговыми описаниями. При этом он одновременно вырабатывает свою рабочую модель этногенетического анализа. И здесь крайне важным является вопрос об <u>эталоне</u> описания и о форме представления данных.

Вопрос о форме представления данных - это вопрос о ме-

таязыке научного описания в теории этногенеза. По-видимому, он не должен быть ни языком археологов, ни языком лингвистов или антропологов. Это должен быть простой, естественный язык описания новых форм представления фактов.

На сегодняшний день наиболее приемлемой для всех формой представления данных для этногенетических построений является карта.

Перспективно использование также моделей-матриц системно-сетевого представления данных, в особенности при изучении материалов по методу сопоставления локальных микрозон, узлов.

До определенного момента каждый исследователь работает на своем материале, но сама эта работа должна быть проблемно-ориентированной на решение именно этногенетических вопросов. Последнее условие как раз встречается довольно редко как среди археологов, так и среди лингвистов.

Разумеется и здесь остаются свои спорные вопросы: как долго представители каждой науки должны работать сами по себе, нужна ли вообще "стыковка" знаний, если нужна, то когда, на каком этапе.

Учитывая обилие материалов и уровень развития частных наук, очевидно, что подлинная история этнического формирования народа может быть сегодня достигнута только путем комплексных коллективных проблемно-ориентированных исследований.

Для таких регионов, как Полесье, наиболее перспективен, по-видимому, метод типологического сопоставления данных Полесья с микромоделями отдельных славянских локальных зон, изученных лучше других.

В.М. Мокиенко (Ленинград)

К РЕКОНСТРУКЦИИ АРХАИЧНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ

Полевые исследования диалектов Полесья и других восточнославянских регионов значительно обогатили наши представления о лексической системе этой части Славии. Диалектный материал нередко становится нитью, прямо связующей узко регио-

нальное с общеславянским. Преимущество диалектизмов при демонстрации такой связи – в детализированном отражении формальных и семантических переходов от общеславянской лексемы к ее региональным рефлексам. Именно эти переходы становятся важнейшим аргументом при реконструкции праславянской лексики во всем ее семантическом многоцветии.

При реконструкции общеславянской лексики исследователи сталкиваются с множеством трудностей. Не случайно поэтому даже статистика слов, причисляемых этимологами к праславянским, весьма различна: от 1120 (И. Леков) до 1700 (Т. Лер-Сплавинский) или 1990 (Ф. Копечны). Условность такой статистики очевидна уже потому, что многое здесь зависит от семантической однородности или преемственности, а по мнению некоторых этимологов (Ф. Копечны), лишь около 600 лексем обладают относительным единством значения. Кроме того, такая статистика в сильной степени зависит от фиксируемости той или иной лексемы и семемы во всех славянских языках, что, пожалуй, и не является обязательным условием для признания общеславянского характера слова.

Нередко при реконструкции праславянской лексики предметом сопоставления служат высокочастотные лексемы литературных языков, по крайней мере им отдается явное предпочтение. Диалектные материалы позволяют по-новому оценить значение маргинальных и периферийных фактов для такой реконструкции.

Ценным и недостаточно использованным источником реконструкции праславянской лексики остается диалектная фразеология, консервирующая немало архаичных элементов – как формальных, так и семантических. Причины этого – как общая неизученность славянской диалектной фразеологии, так и объективные языковые свойства фразеологизмов: размытость компонентного состава, активная варьируемость и затемненность внутренней формы. Учет специфичности фразеологии, тем не менее, позволяет объективно исследовать этот источник реконструкции и тем самым расширить представления о праславянском лексическом составе.

Возможности реконструкции архаичных элементов восточнославянской лексики на базе фразеологии демонстрируются материалом, отражающим одно из древнейших общеславянских соматизмов – <u>*korkъ(*krakъ, *karakъ</u>) "нога", не включенным Фр.

Копечным в свод "Основного общеславянского словарного запаса", видимо, потому, что он не сохранился в активном фонде некоторых (прежде всего восточнославянских) литературных языков. Тем не менее, масса диалектизмов, отраженных во фразеологии, дает все основания причислить лексему *korkъ к праславянизмам.

Она реконструируется из восточнославянского на карачках, имеющего массу вариантов, которые отражают постепенное "размывание" исходной корневой лексемы. Так, в северо-западных говорах Белоруссии зафиксированы такие варианты этого оборота: на кара́кучках, на карко́шкі, на ко́ркішках, на ко́рпушках, на кукара́чкі, на кукярэчках, на курки́шкі, на кіропачкі, на ку́рпішкі, на курпішках, на ку́ртачкі, на курцішках, на ку́рчыках, на ку́рачках. Ср. также полесск. (туровск.) карачкова́ты, карачунова́ты, карачова́ць, карачу́н и под. и рус. диал. на кукоре́шках, на кура́нках, ку́карач, о́карач, на́ корач, кара́кушки, кара́кушком и т.д.

Комплексный анализ вариантов и синонимов подобных оборотов позволяет этимологически связать сочетания на карачки, на корточки и на ку́корки (закорки, закукорки, сербохорв. на̀ крке, на крկаче, словен. na krkoc, болг. диал. кържач и под.) одним лексическим стержнем - *korkъ. Эта праславянская лексема успешно конкурировала со своим соматическим синонимом *noga, хотя в восточнославянском регионе архаизировалась и выпала во "фразеологический осадок".

В.Ф. Исаенко (Минск)

ПОЛЕСЬЕ В ПЕРВОБЫТНУЮ ЭПОХУ

После освобождения северного Полесья от московского (сожского) оледенения (100 тыс. лет назад) природные условия не являлись непреодолимой преградой на пути расселения человека. Похолодание во время валдайского (поозерского) оледенения, подтопление талыми водами, дебри первобытных лесов и непроходимость местных болот сильно преувеличивались. Особенностям речной сети и водоемов, чрезвычайно благоприятной для первобытного охотника и рыболова экологии Полесья не придавалось значения.

В результате обследований, начавшихся в 1961 году, выяснено, что Полесье, особенно западное, в первобытную эпоху было относительно плотно заселено. В дополнение к известным 120 памятникам выявлено еще 400, определены археологические культуры, их время, ареалы и взаимосвязи.

В мустьерскую эпоху (100–40 тыс. лет назад) человек проникал в Полесье с юго-запада, видимо, из бассейнов Днестра и Южного Буга по Стыри, Горыни и Южной Случи (Липа, Нобель, Тулятичи на Ясельде), а также вверх по Днепру (Житомир, Овруч, Обидовичи). Накануне максимума валдая, 26 тысяч лет назад, под Мозырем появилась Юревичская стоянка. В Брестской области и на севере Волыни выявлено 7 памятников конца палеолита (Нобель, Ополь, Пульмо, Бобровичи и др.), среди которых есть близкие к липской группе восточного мадлена, но с архаичными свидерскими наконечниками и топорами. В Западном Полесье и Волыни следует искать истоки свидерской культуры, которая распространилась отсюда в бассейны Вислы и Немана. На юге Пинского района найдена лопатка мамонта с обработкой (Жидче), Нобель – один из ключевых пунктов на пути первоначального расселения. Развитие свидерской культуры продолжалось в голоцене (IX тыс. до н.э.). Она переросла в макролитическую культуру мезолита со свидерской традицией,

изобилием рубящих орудий. Восточное Полесье еще 2-3 тысячелетия оставалось незаселенным, лишь в долине Днепра стали появляться поселения с инвентарем, напоминающим мезенский. Этнокультурное разделение сохранилось и после УП-УI тысячелетий до н.э., когда в восточном Полесье (до Турова) расселились племена, которые изготовляли микролиты, включили в свою культуру свидероидные изделия. Сплошного распространения свидера по всему Полесью не было.

В У тысячелетии до н.э. под воздействием мощного культурного импульса из буго-днестровской области начался переход к неолиту. Архаичным земледелием и керамическим производством овладели сначала племена Западного Полесья, а спустя тысячелетие - их соседи. Ранняя гребенчатая керамика была широко распространена лишь там. Преобразованная в процессе самобытного развития, она вошла в состав неманской неолитической культуры (верховье Припяти, Неман, Висла) и днепро-донецкой (центральное и восточное Полесье). К 2000-1800 гг. до н.э. первая трансформировалась в культуру бронзового века, а вторая исчезла. Решающую роль при этом сыграло распространение полесской культуры шнуровой керамики вниз по Припяти. Лишь в низовьях она сомкнулась со среднеднепровской. К 1500-1400 гг. до н.э. все Полесье вошло в ареал тшцинецкой культуры, восточный, левобережный вариант которой выделяют в сосницкую культуру, которую сменила лебедовская.

Следует отметить особое развитие в Западном Полесье до Ясельды и Бобрика, нижней Стыри и Горыни. О значительных западных влияниях здесь свидетельствует появление в палеолите и мезолите наконечников Лингби, аренсбургских, яниславицких, с поперечным лезвием, в неолите - воронковидных кубков, шаровидных амфор, в конце бронзового века - лужицкой культуры (Здитов, Островичи, Морочно). Заимствования у культуры воронковидных кубков в Полесье повсеместны, а у культуры ямочно-гребенчатой керамики (праугрофинской) только на севере и востоке Белоруссии.

Единого в этнокультурном отношении Полесья в первобытную эпоху не существовало.

Древнее население Западного Полесья в этническом отношении отличалось, видимо, высокой стабильностью и на протяжении ряда эпох было тесно связано с Волынью.

Л.Д. Поболь (Минск)

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕНЕЗА СЛАВЯН: АНАЛИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ

Археологически установлено, что территория Полесья никогда не была изолирована от внешнего мира. В железном веке (УШ–УI вв. до н.э. – IX в. н.э.) эти пространства непрерывно были заселены человеком, в эпоху раннего феодализма они входили в состав Древней Руси. Основным типом поселений были открытые поселения – селища, погребальными памятниками – бескурганные могильники с сожжением. Сооруженные здесь болотные городища в начале железного века являлись убежищами на случай военной угрозы, а также местами спасения людей, скота и основного имущества во время стихийных бедствий – паводков. Поселения и некрополи связаны с географическими особенностями Полесья. В иных естественно-географических местах Белоруссии на прилегающих территориях (хотя и здесь племена имели такую же материальную культуру) основными формами поселений являлись городища мысовые, возле них постепенно образовались бескурганные могильники.

Для племен культур железного века основными формами жилищ были сооружения двух типов: наземные столбовой конструкции и полуземляночные, их площадь в пределах 10–25 кв. м; печи каменные или глинобитные, а в отдельных местах в Полесье даже из железной руды. Основными отраслями хозяйственной деятельности обитателей всех культур железного века являлись земледелие, скотоводство, охота, различные домашние занятия: обработка дерева, глины, изготовление железа из местных болотных руд (а из него различных орудий труда, бытовых предметов, украшений), бронзолитейное дело на привозном сырье, обработка кости и рога. Погребальный обряд на протяжении железного века не подвергался существенным изменениям. Это свидетельствует о том, что здесь обитали в этническом отношении одни и те же племена.

Сложившись на базе местной позднебронзовой культуры, племена милоградского типа (IX–УШ – середина Ш в. до н.э.) в начале железного века вступили в период сложных этнокультур-

ных и экономических взаимоотношений. Началось постепенное разложение первобытнообщинных отношений, сооружались городища (Милоград, Горошков Речицкого, Чаплин Лоевского районов и др.). С некоторым опозданием такие же процессы происходили и у северных соседей - племен культур штрихованной керамики и днепро-двинской. Связи существовали в основном со скифами и в определенной степени с гальштатской культурой.

В период с середины Ш в. до н.э. на огромной территории лесной зоны Поднепровья, в том числе Полесья, сложилась зарубинецкая культура. На раннем этапе (сер. Ш в. до н.э. по нач. П в. н.э. - Велемичи I и П, Отвержичи, Ремель Столинского района Брестской области, Воронино, Семурадцы, Погост, ур. Казаргать Житковичского района Гомельской обл.) носители зарубинецкой культуры имели контакты с носителями позднескифской культуры, кельтами, греческими городами, на западе - с племенами культур восточнопоморской, позднелужицкой, раннепшеворской. На позднем этапе (П-У вв. н.э.) существовали связи с Римской империей. Сюда поступали монеты, вещи с эмалью, стеклянные сосуды и бусы, фибулы, глиняные и бронзовые сосуды (ур. Абидня, д. Тайманово Быховского района Могилевской обл.).

В УI-IУ вв. в пределах Белорусского Полесья сформировалась хотомельско-петриковская культура (предположительно дреговичи) пражского типа, на территории бассейна Днепра, Сожа - ей родственная быховско-колочинская (предположительно радимичи), в средней и северной Белоруссии - банцеровская (предположительно кривичи). Прослеживающаяся взаимосвязь ведущих черт и элементов материальной культуры на протяжении всего железного века в Полесье и на прилегающих территориях дает основание считать, что Полесье наряду с соседними территориями - один из древнейших регионов восточных славян.

Д.Н. Козак, Р.В. Терпиловский (Киев)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ПЛЕМЕН СЕВЕРНОЙ УКРАИНЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н.Э. (К ВЫДЕЛЕНИЮ ПРАСЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ОБЛАСТИ)

1. В последние годы с расширением источниковедческой базы археологических памятников первых веков н.э. открылась возможность выделения и сопоставления этапов этнокультурного развития племен Среднего Поднепровья и верховьев Западного Буга и Днестра на основе анализа керамического комплекса.

2. В середине - второй половине I в. н.э. в Среднем Поднепровье классическая зарубинецкая культура сменяется древностями типа поздних комплексов Оболони, Лютежа, Девич-Горы, в той или иной мере сохранившими элементы зарубинецкой культуры. Для них характерны корчаги и горшки с высокими раструбообразными шейками, украшенными по венчику пальцевыми вдавлениями или насечками, с округлыми или ребристыми очертаниями плечиков, расположенных в верхней части корпуса. Столовая посуда представлена почти исключительно лощеными мисками эсовидных очертаний или цилиндроконическими ("почепскими"). Зарубинецкий личный убор средне- и позднелатенского круга в целом сменяется металлическими изделиями раннеримского времени, в т.ч. сильнопрофилированными и глазчатыми фибулами. Изменения коснулись и домостроительства - вероятно, чаще стали применяться срубные жилища, судя по четким очертаниям котлованов, лишенных столбовых ям. Поселения и городища, расположенные на мысах коренного берега, сменяются селищами на дюнах или на краю низкой надпойменной террасы.

3. В I-II вв. сильно расширяется по сравнению с зарубинецкой культурой и территория: активно заселяется вплоть до верховьев Псла и Северского Донца Днепровское Левобережье, а также Южное Побужье. Такой зарубинецкий "взрыв", вероятно, произошел под натиском сарматов.

Одновременно начинается зарубинецкое проникновение на территории пшеворской и липицкой культур в верховьях Днестра и на Западной Волыни. На смену характерному позднелатенскому комплексу пшеворских поселений Чижиков, Черепин, Пасеки-Зубрецкие приходят сосуды, не имеющие местных прототипов и свя-

занные с наследием зарубинецкой культуры. Такая посуда составляет около половины среди керамики поселений Пидбирцы, Зубра, Хоров, Пидрижье. Зарубинецкое воздействие заметно также в изменении плановой схемы построек.

4. В середине II в.н.э. ситуация еще более усложняется с появлением в восточной части рассматриваемого региона памятников типа Грини – Вовки, связанных с продвижением на юг верхнеднепровских зарубинецких племен. В итоге изживание классических зарубинецких элементов пошло еще быстрее. Для памятников данного типа характерны широкогорлые сосуды со слабо выраженными плечиками, часто покрытые расчесами гребенкой.

5. На основе местных групп позднезарубинецких древностей и памятников типа Грини – Вовки в конце II – начале III вв. в Киевском и Левобережном Полесье, а также в смежных районах лесостепи и в Юго-Восточной Белоруссии складываются ранние памятники киевского типа, еще не отмеченные влиянием черняховской культуры (Сушки 2, Казаровичи и др.). Для них типичен небогатый ассортимент посуды, в котором видное место занимают корчаги с максимальным расширением тулова в верхней части, а также биконические и округлобокие горшки. Отдельные формы горшков и высокие подлощенные миски при этом имеют аналоги среди пшеворо-зарубинецких древностей междуречья Днестра и Припяти. Здесь в это время формируется группа памятников типа Сокольники I – Давыдов, более однородная, чем памятники I–II вв. той же территории. Теперь уже почти невозможно выделить специфически зарубинецкие или пшеворские формы посуды.

6. Таким образом, в I–III вв. наблюдается тенденция к унификации культуры в пределах данной пшеворско-зарубинецкой области, четко отличающейся от пшеворской культуры Висло-Одерского междуречья, где ярко выражены германские элементы, от культур восточных балтов, фракийцев, сарматов и др. Возможно, это свидетельствует о начавшемся процессе формирования в ее пределах единого этноса, приостановленном в результате инвазии племен вельбарской культуры и сложения черняховской культуры. В ареал последней вошли южные и западные районы складывающейся области, вследствие чего местные черняховские памятники отличаются от остальных широким распро-

странением полуземлянок, содержащих керамику, близкую раннесредневековой славянской. В более чистом виде развитие местной культуры происходило в дальнейшем в восточных районах Полесья, где оно было связано с киевской культурой Ш–У вв. После распада черняховской культуры в конце IУ – начале У вв. сложение данной культурной области продолжилось, завершившись образованием культур исторических славян (пражской, пеньковской, колочинской).

Б.В. Седов (Москва)

ПРИПЯТСКОЕ ПОЛЕСЬЕ В СЛАВЯНСКОМ ЭТНОГЕНЕЗЕ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Представляется несомненным, что Припятское Полесье было частью праславянской территории. К УI–УП вв. относятся памятники археологии, характеризуемые лепной керамикой пражских типов, жилыми постройками со славянским интерьером и трупосожжениями, которые в большом количестве известны в Полесье. Весь ареал этих древностей обширен – от Эльбы на западе до междуречья среднего Днепра и Дона на востоке. Это был период широкого славянского расселения и последний период праславянского языкового состояния.

В отличие от многих других районов славянской территории древности УI–УП вв. Полесья выделяются значительной однородностью и плавной эволюцией. Вне Полесья типично славянские элементы материальной культуры на одних и тех же поселениях в той или иной мере перемежаются с иными типами домостроительства, глиняной посуды, украшений, а иногда и погребальной обрядности. Полесские материалы в этой связи позволили археологам создать надежные хронологические таблицы развития глиняной посуды и погребального ритуала.

Чем объяснить такую "чистоту" материальной культуры раннесредневековых славян Полесья? Прежде всего, возникает предположение, не является ли этот регион исходным, т.е. прародиной славян, откуда они начали широкое расселение. Осваивая новые земли, славяне в той или иной мере смешивались

с иноэтничным населением, поэтому их культура в новых регионах не так однообразна, как в Полесье. Для обоснования этого положения необходимо найти истоки материальной культуры славян самого начала средневековой поры в культурах предшествующей поры. Как известно, предшественниками славян в западной части Полесья были носители вельбарской культуры, датируемой здесь второй половиной II–IУ вв. н.э. и надежно отождествляемой с восточногерманскими племенами. Славянские древности УI–УП вв. настолько серьезно отличаются от вельбарских, что не может быть речи о какой-то генетической связи между ними. Очевидно, в западном Полесье славяне в начале средневековья были пришлым населением. В восточном Полесье славянским древностям УI–УП вв. предшествует зарубинецкая культура, которая, по Ю.В. Кухаренко, доживает здесь до рубежа I и II вв. н.э. Таким образом, оказывается, что восточное Полесье накануне славянского расселения не было заселено. Некоторые исследователи полагают, что зарубинецкая культура функционировала здесь и позднее. Серьезных оснований для такого предположения у нас нет. Однако и в этом случае невозможно найти точек соприкосновения между зарубинецкой и раннесредневековой пражской культурой. Различны домостроительство, формы глиняной посуды и другие элементы материальной культуры. К тому же позднезарубинецкая культура отлична от раннесредневековой славянской в территориальном отношении. Исходя из археологических фактов следует отказаться от мысли о том, что Полесье было заселено славянами уже в первой половине I тысячелетия н.э.

"Чистота" славянской культуры УI–УП вв. Полесья очевидно объясняется тем, что эта область накануне славянской миграции была не заселена. Среди археологических материалов нет таковых, которые бы противоречили этому выводу. В пользу такого заключения говорят и данные гидронимии.

Анализ археологических материалов УI–УП вв. других славянских регионов подтверждает этот вывод. Всюду, где славяне осваивали незаселенные участки, наблюдается такая же картина, как в Полесье. Наоборот, в тех регионах, где славяне заставали иноэтничное население, в материальной культуре появляются новые элементы, являющиеся результатом славянизации субстратного населения или внутрирегионального культурного

взаимодействия.

Отдаленное от крупных миграций и изолированное от значительных культурных влияний Полесье с начала средневековья стало своеобразным "хранилищем" древних славянских этнографических элементов материальной и духовной культуры.

В.Д. Дяченко (Киев)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛЕССКОГО КОМПОНЕНТА СЛАВЯН СРАВНИТЕЛЬНО С ДРУГИМИ КОМПОНЕНТАМИ

Вычленение компонентов и палеоантропологический анализ восточноевропейской специфики (а порой и палеомезолитической морфологической реликтовости, исчезнувшей в Западной Европе в основном в эпоху неолита-бронзы) средневековых славянских популяций дает антропологии редкую возможность наметить (при учете данных по современности, а также по другим наукам) основные периоды этнической истории славян.

I. Палеоевропейский период (продолжался приблизительно до последней трети Ш тыс. до н.э.), характеризуется существенными реликтами протоевропейского свидероидного - "полесского" - компонента в физическом типе (а отчасти, видимо, и этнографии) протославян. У средневековых славян древнейшие этнические связи фиксируются с некоторыми финнами - и те, и другие, в определенной мере - далекие (хотя, безусловно, не прямые) потомки расселившихся в лесной зоне Восточной Европы кроманьонцев-свидерцев, что подтверждают: а) антропология (близкие средневековые неоладога-днепровский и полесский типы славян Полесья и финнов зоны Ладожского-Чудского озер и др. происходят от кроманьонского ладога-днепровского типа), б) гематология (полесский тип с минимальной резус-отрицательностью, I-7% и несколько повышенной группой Б - у ряда групп украинцев и белоруссов Полесья, а также русских поморов, карел, вепсов, мордвы-эрзи), в) дерматоглифика (полесско-поморский тип) - дельтовый индекс минимальный, Камминса - пониженный; характерен для украинцев и белоруссов Поле-

сья, русских поморов, карел, вепсов, юго-восточных эстонцев; г) этнография (плахта-понева-хурстуксет, языческие реликты, видимо, общность в некоторых сказках, играх при умерших и др.); д) археология – с раннего неолита на базе керамики с гребенчатыми и накольчатыми орнаментами выявляется этнокультурная общность (реликты которой доживают порой до среднебронзового периода) в Восточной Прибалтике, Белоруссии, Сев. Украине, Вост. Польше. Южная часть этой территории (где, как и в северной части, в ІУ-Ш тыс. до н.э. фиксируется кроманьоидный тип), видимо, была прародиной антропологических предков славян, северные районы – прибалтийских финнов. Этой, висло-днепровской "прародине" славян, следует отдать предпочтение перед висло-одерской или другими "прародинами", учитывая данные антропологии и последние археологические исследования Б. Рыбакова, В. Даниленко, В. Барана, Р. Терпиловского, Д. Козака и др. (Два последних археолога выделили славянские материалы І-Ш вв. н.э. в большом лесостепном и полесском ареале Украины, откуда с середины І тыс. началось широкое расселение славян на запад и в других направлениях). Относительная широконосость славян – и в первую очередь восточных – в сочетании с прогнатизмом некоторых их групп, очевидно, влияние носителей оковского типа (верховья Волги и Днепра) потомков древних северных (европейских) "австралоидов".

2. <u>Шнуро-тшинецкий период</u> (шнуровой – в какой-то мере "лесостепной" – компонент, близость и соседство с прабалтами), конец Ш – конец П тыс. до н.э. Но еще с середины Ш тыс. до н.э. на праславян начались как центральноевропейские влияния относительно узколицых носителей культуры воронковидных кубков, а затем – шаровидных амфор (очевидно, индоевропейцев), так и древних угро-финнов. Последние заселили Сев.-Вост. Белоруссию до линии оз. Нарочь-Орша-Гомель (их следы прослеживаются там и в раннем железном веке, видимо, посему эта граница примерно разделяет и современных белоруссов на две основные этнографические, диалектные и популяционно-генетические зоны), а Левобережную Украину – до линии Гомель-Чернигов, Полтава и далее на восток (реликты их исследователи отмечают в бондарихинской культуре). Чрезвычайно существенна роль восточных шнуровиков в этногенезе славян и балтов и,

предположительно, тохар. Восточные шнуровики принадлежали не к двум, а, по нашим данным, к трем долихокранным типам: относительно высоко- и широколицему висло-днепровскому, располагавшемуся севернее - сев.-вост. Польша, Восточная Прибалтика (прабалты), Верхняя Волга (фатьяновцы); очень близкому к нему, но низколицему уже упоминавшемуся ладога-днепровскому типу - более восточный ареал - бассейн Клязьмы (фатьяновцы), Чувашия; третий тип - днестро-дунайский, узколицый, размещался, в общем, южнее - Чехословакия, Южная и Средняя Польша, Правобережная Украина, включая Полесье (видимо, праславяне), Чувашия (пришлые балановцы). Носители первого и третьего типов имели, очевидно, относительно высокие, общеевропейские значения как индексов дельтового и Камминса, так и резус-отрицательности. В рассматриваемый период широко распространились ряд общеевропейских мифов и поверий, прямой тип плетения лаптей и др. У праславян восточнотшеницкой культуры, археологически связанной со шнуровиками и неолитическим населением этой же территории, на Правобережной Украине (как и в Польше) преобладал зафиксированный и у шнуровиков днестро-дунайский тип. На Нижнем Сейме есть находки ладога-днепровского типа.

3. Иллиро-индоиранский период (центральноевропейско-балканский и степной компоненты славян, конец II тыс. до н.э. - пятый в. н.э.). Очень значительная роль центральноевропейско-балканского, иллиро-венетского компонента, о чем свидетельствует не только антропология (карпатский тип), археология (культуры лужицкая, высоцкая, подклошевых погребений), лингвистика (иллирийская гидронимика верховий Вислы и Днестра, Правобережной Украины, сходство в этнонимах и, видимо, в ремесленной терминологии иллирийцев и славян), но и традиция родства славян и иллирийцев, дошедшая до эпохи Нестора Летописца уже в очень прямолинейном виде - как их тождество. Очевидно, часть среднедунайских иллирийцев - норийцев - "нарцев", невров, переселилась в северо-западную Украину - нач. VI в. до н.э. по Геродоту (и была впоследствии ассимилирована славянами, отсюда, видимо, и возникло записанное Нестором мнение о дунайской "прародине" славян), спасаясь от наступавших кельтов - "змей" в изложении сколотских - или связанных с ними - информаторов Геродота. Приме-

чательно, что и вероятные потомки геродотовых сколотов – восточные славяне – представляли южных степняков-захватчиков в образе "змия", "змей". Степные древнеиндийский (мезогнатный индо-днепровский антропологический тип, элементы орнаментики, гидронимики и этнонимики, реликты индоарийского языка в Северном Причерноморье рубежа н.э. и др.) и перекрывший его иранский компонент (ортогнатный понтийский тип, иранские языковые и культурные влияния) вошли в состав славян как в этот, так частично и в следующий, 4 период (УI – XП вв. н.э.) – широкого расселения славян, образования их средневековых народностей и ассимиляции ряда неславянских элементов.

С.П. Сегеда (Киев)

ДЕРМАТОГЛИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНСКОГО ПОЛЕСЬЯ

I. В настоящее время бесспорно установлено, что межгрупповая изменчивость многих дерматоглифических признаков обнаруживает устойчивую тенденцию к образованию комплексов, дифференцирующих человечество на разных уровнях: от больших расовых стволов до рас второго порядка и еще более мелких единиц антропологических классификаций. Выделение и анализ этих комплексов позволяют получить очень ценные, а подчас – незаменимые сведения об антропологическом составе и генетических взаимоотношениях древних и современных популяций.

2. Основу предлагаемого сообщения, цель которого – дать общую дерматоглифическую характеристику населения Украинского Полесья на фоне других этно-территориальных групп Восточной Европы – составляет материал, собранный автором во время экспедиционных поездок I973–75 гг. на территории УССР, Белоруссии и европейской части РСФСР. Изучено 23 группы, из которых I6 украинских, 3 русских, 2 белорусских, I польская и I молдавская. Коллекции отпечатков обработаны в соответствии с методикой, принятой в советской антропологии.

3. Для межгруппового анализа использованы следующие

признаки: дельтовый индекс, индекс Камминса, осевые карпальные трирадиусы, узоры на гипотенаре, межпальцевые добавочные трирадиусы. Эти антропологические характеристики кожного рельефа не связаны взаимной морфологической зависимостью, четко дифференцируют "западный" и "восточный" стволы человечества и, по данным Г.Л. Хить, образуют на территории Восточной Европы исторически сложившиеся региональные комплексы.

4. В результате проведенного исследования выяснилось, что все изученные группы украинского народа относятся к одному - восточноевропейскому дерматоглифическому типу, общему для восточных славян. В то же время на территории УССР выделяется несколько локальных дерматоглифических вариантов, различающихся между собою по комбинациям основных признаков и степени выраженности особенностей "западного" ствола. Одним из таких вариантов (комплексов) является полесско-волынский, представленный среди населения Ровенской, Житомирской и Черниговской обл. Выделение полесско-волынского дерматоглифического комплекса хорошо согласуется с данными по другим антропологическим системам (исследования В.Д. Дяченко, Е.И. Даниловой, Р.А. Старовойтовой), а также историко-этнографическими и лингвистическими сведениями.

5. В масштабе большой европеоидной расы население Украинского Полесья обладает весьма своеобразным сочетанием "западных" (очень низкий и низкий дельтовый индекс, высокая встречаемость добавочных межпальцевых трирадиусов) и "восточных" (пониженный индекс Камминса, средневысокое количество осевых карпальных трирадиусов) черт кожного рельефа. Кроме того, среди полесских групп преобладает средняя частота узоров на гипотенаре. Судя по некоторым косвенным данным, особенности полесско-волынского дерматоглифического комплекса сложились в глубокой древности и сохранились до наших дней в условиях относительной изоляции населения северных регионов УССР, имевшей место в прошлом.

6. По многим основным дерматоглифическим характеристикам украинцы полесской зоны обнаруживают отчетливое сходство с северо-западными русскими, южными белорусами и некоторыми финскими группами (например, карелами и вепсами). Полученные данные свидетельствуют в пользу общности происхождения и тесных генетических связей восточнославянских народов.

Г.И. Веренич, В.Л. Веренич (Минск)

О РАЗЛИЧИЯХ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОГО И ВОСТОЧНОГО ПОЛЕСЬЯ ПО РЯДУ ГЕНЕТИЧЕСКИХ И МОРФОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ

Припятское Полесье, представляя собой единый природно-географический и этнический комплекс, делится в то же время на две основных части: западную и восточную. Граница этого деления установлена на основе многих археологических и лингвистических фактов (Ю.В. Кухаренко, 1968; В.В. Мартынов, 1968; Лексіка Палессся у прасторы і часе, Мн. 1972). Неоднократно указывалось на необходимость дополнительной проверки гипотезы о членении Полесья путем привлечения данных из области этнографии и антропологии. Фундаментальными работами белорусских антропологов установлены определенные различия по ряду дерматоглифических, одонтологических, изосерологических и других наследственно детерминированных признаков между изученными ими группами взрослого населения восточной и западной части Полесья (Л.И. Тегако, А.И. Микулич, И.И. Саливон, 1978).

В данном докладе нами предпринята попытка рассмотреть различия населения Западного и Восточного Полесья по ряду антропогенетических и морфофизиологических признаков. Основанием для этого послужили материалы Белорусского НИИ охраны материнства и детства, где в последние годы проводятся динамические наблюдения за ростом и развитием детских популяций Полесья. Как показали исследования И.К. Кузьменковой (1980, 1981), новорожденные западной зоны Полесья, по сравнению с восточнополесскими, имеют меньшие показатели физического развития, более высокий процент содержания в периферической крови гемоглобина; у их матерей меньше длина и масса тела, более раннее половое созревание, чем у матерей новорожденных из Восточного Полесья ($p < 0,01$).

Результаты комплексного генетикоантропологического обследования 5500 школьников в возрасте 7-17 лет из 13 районов Припятского Полесья (Брестской, Гомельской и юга Минской областей) показали определенную географическую изменчивость ряда признаков в направлении с запада на восток (Г.И. Вере-

нич 1979, 1980, 1982). Отмечено, что западнополесские подростки в более ранних возрастах достигают конечных стадий развития вторичных половых признаков - оволошенности подмышечных впадин, лобка, менархе у девушек наступает также раньше ($p < 0,05$, $< 0,001$). Во всех возрастах, как у мальчиков, так и у девочек из западного региона больше толщина подкожножировых складок под лопаткой, на груди, на животе ($p < 0,001$), у них выше уровень гемоглобина в крови ($p < 0,01$). О распределении некоторых наследственно обусловленных признаков судили по таким изученным нами показателям, как окраска радужины, цвет и толщина волос, степень обволошенности средних фаланг пальцев рук, форма мочки уха.

У западнополесских подростков, по сравнению с восточнополесскими, преобладает ген светлоглазости ($p < 0,001$), у них же наблюдается и тенденция к потемнению волос. Различия по толщине волос, хотя и не во всех возрастах достоверны, но однонаправленность этого показателя у всех детей обоего пола дает основание говорить о большей толщине волос у детской популяции Западного Полесья. Достоверно больше процент необволошенности средних фаланг пальцев рук в восточной зоне ($p < 0,05$). Свободная мочка уха значительно чаще встречается в западном регионе ($p < 0,001$).

Всеми исследователями, изучавшими распространенность групповых факторов крови как у детей всех возрастов, так и взрослого населения Полесья, выявлено достоверное преобладание 0 (I) группы крови в западной его зоне по сравнению с восточной. Это свидетельствует о повышенном числе гомозигот 00 в популяции, что можно объяснить ограничением круга брачных связей в условиях Западного Полесья. Подтверждают этот факт и данные И.К. Кузьменковой (1982) о значительном преобладании монолокальных браков в Западном Полесье - 46,2% по сравнению с Восточным - 34,5% ($p < 0,001$); число же гетеролокальных браков, наоборот, достоверно выше в восточнополесской части - 42,4% (против 33,6% в западной).

Таким образом, полученные нами данные по ряду генетико-антропологических показателей у детских популяций Полесья свидетельствуют о том, что различия между населением западного и восточного его регионов имеют место уже на ранних этапах онтогенеза.

Ф.Д. Климчук (Минск)

СЛЕДЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ГРАНИЦ В СОВРЕМЕННОМ ДИАЛЕКТНОМ ЛАНДШАФТЕ ПОЛЕСЬЯ

Основные регионы и диалектные единицы Полесья: а) в БССР: Брестско-Пинское Полесье (говоры брестско-пинские и севернобрестские), Туровско-Мозырское Полесье (говоры туровские, или западногомельские, и южная часть слуцко-мозырских), район Гомеля (юго-восточная часть среднебелорусских говоров); б) в УССР: Волынское Полесье (говоры волынско-полесские), Житомирское и Киевское Полесье (говоры восточнополесские украинские), Черниговское или Черниговско-Сумское Полесье (говоры восточнополесские украинские); в) в РСФСР: Брянское, Калужское и Курское Полесье (говоры западнобрянские, верхнедеснинские и межзональные типа "А" южного наречия). В современном диалектном членении Полесья отражены исторические границы разных эпох.

Древнейшее деление Полесья "трехчленное": западная часть - до р. Горынь, средняя - между Горынью и Днепром, восточная - к востоку от Днепра. Такое деление наметилось еще при первоначальном заселении Полесья в эпоху палеолита и мезолита, продолжалось с перерывами вплоть до эпохи Киевской Руси. На большей части Полесья были распространены родственные археологические культуры с конца У до конца П тыс. до н.э., в конце I тыс. до н.э. - начале I тыс. н.э. (зарубинецкая культура), с УI-УШ вв. С У тыс. до н.э. до середины I тыс. н.э. Полесье испытывало большое влияние южных, главным образом юго-западных культур. Влияние северных (расположенных севернее) культур на Полесье было наиболее значительным в I тыс. до н.э. - I тыс. н.э.

Южные и северные влияния, очевидно, привели к тому, что к концу I тыс. н.э. большая часть Полесья (к востоку от Горыни) оказалась разделенной на северную и южную части: граница дреговичей и радимичей с древлянами, полянами, северя-

нами близка к современной границе УССР с БССР и РСФСР. Западное Полесье в X в. некоторое время разделялось на северную и южную части границей Киевской Руси. С середины ХУI до конца ХУШ вв. Полесье было разделено на северную и южную части границей тогда уже автономного Великого княжества Литовского с другими землями Речи Посполитой.

Нашли повсеместное отражение в современном диалектном ландшафте Полесья границы между племенами "Повести временных лет", феодальными землями и княжествами, государствами. Часто пучки изоглосс соответствуют историческим границам нескольких эпох.

Для некоторых регионов Полесья в определенные периоды была характерна разреженность населения, например, в Брестско-Пинском Полесье в Ш-УП вв. н.э. (по археологическим данным), в части Черниговского Полесья в ХП-XIУ вв. При дозаселении таких регионов на формирование их этнического состава существенную роль могли оказать выходы из разных областей.

Колонизационные потоки славянского населения из Причерноморья на север и северо-запад под давлением кочевников с конца IX и включая ХШ вв., вероятно, коснулись Полесья. С XIУ в. начинается дозаселение восточнославянского юго-востока. Это происходило за счет некоторого отлива населения из других областей, в том числе из Полесья.

А.С. Соколовская (Минск)

СООТНОШЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ, ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ГРАНИЦ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИПЯТСКОГО ПОЛЕСЬЯ

I. Статистический анализ названий одежды и обуви Припятского Полесья с помощью методик Ю. Тарнацкого, Я. Чекановского и Ю.И. Левина[I] и последующее картографирование полученных данных позволили установить степень лексической близости говоров друг к другу внутри изучаемой диалектной зоны. Говоры с наибольшим средним показателем степени лексической близости расположены по Припяти от Петрикова до пересечения Припятью границы БССР и УССР. Лексика этих говоров

имеет наибольшее количество лексем, общих с другими говорами. На западе Припятского Полесья расположены говоры с наименьшим показателем степени лексической близости. Их лексика является более специфической по отношению к лексике остальных изучаемых диалектов.

2. Изучение данных "Дыялекталагічнага атласа беларускай мовы", в частности, фонетических изоглосс, дает возможность разделить Припятское Полесье на две зоны с границей, проходящей вдоль Ясельды, Припяти на протяжении между Ясельдой и Горынью и вдоль Горыни.

3. По утверждению этнографов[2], Белорусское Полесье в XIX - нач. XX в. характеризовалось некоторой консервативностью бытового уклада и сохранением архаических черт в культуре: рогатого и полотенчатого женского головного убора, войлочных и соломенных мужских широкополых шляп-капелюшей, плетеной из лыка обуви, верхней суконной одежды с неотрезной спинкой и боковыми клиньями "вусами" и т.п. Белорусские этнографы выделяют четыре комплекса полесского костюма[3]: западнополесский комплекс (между Западным Бугом на западе и Ясельдой на востоке); пинский (между Ясельдой и Случью и Горынью); давид-городокский (на восток от рек Птичи и Уборти); восточный или мозырский (от Турова до границы с Россией). При этом отмечается, что пинский комплекс одежды в основных чертах не отличается резко от западнополесского.

4. Археологически Полесье членится на две самостоятельные культурно-исторические области: западную и восточную[4]. Граница между ними также проходит по рекам Ясельде и Горыни.

5. Языковые (лексические и фонетические), этнографические и археологические границы, делящие Полесье на две зоны и свидетельствующие о его этнической разнородности, близки к древней границе между славянами и балтами.

---

[1] Соколовская А.С. Опыт определения лексической близости диалектов. - Сб. "Полесье", М., 1968.

[2] Молчанова Л.А. Материальная культура белорусов, Минск, 1968, с. 228.

[3] Беларускае народнае адзенне, Мінск, 1975, с. 39.

[4] Кухаренко Ю.В. Полесье и его место в процессе этногенеза славян. - Сб. "Полесье", М., 1968, с. 35-36.

О.А. Купчинский (Львов)

ДРЕВНЕЙШИЕ СЛАВЯНСКИЕ ТОПОНИМЫ ПОЛЕСЬЯ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ КРАЯ

Изучение процессов исторической географии славян на современном этапе невозможно без применения системно-комплексного анализа данных многих наук. Значительное место в этом принадлежало и принадлежит топонимике, в частности, ее структурно-семантическим и стратиграфическим исследованиям. Среди топонимических названий разного типа ценнейшим материалом для ретроспективного анализа вопросов исторической географии ранних славян являются названия на *-itj-i, *-ane/*-jane, *-jь, *-ьskъ, *-ьnъ и *-ьno, функционирующие в многих регионах, в том числе и в зоне Полесья.

Неоднородные по способу образования, степени продуктивности и типу деривации топонимические формации, распространенные на территории Полесья, имеют свои системно-ареальные проявления. Каждому ареалу топонимов этой зоны присущи определенная структура распределения, пространственная конфигурация и изоглоссы, имеющие типологические соответствия в других славянских регионах. Вместе с тем для Полесья характерны некоторые локальные особенности, а также отдельные реликтные черты. В рамках своего происхождения они, однако, не идентичны.

Характер размещения объектов названий на *-itj-i, *-ane/*-jane тесно связан с геотектоникой и плодоносностью почв, а характер размещения названий на *-jь, *-ьskъ, кроме того, и с обороноспособностью объектов, что указывает на непосредственную связь раннего славянского заселения Полесья с их топонимическими ареалами. Сравнение данных стратиграфии исследуемых названий с общей хронологией топонимических типов свидетельствует об обширном присутствии славян в Полесье уже в первые века I тысячелетия.

Историческое развитие топонимических ареалов *-itj-i, *-ane/*-jane, *-jь, *-ьskъ, *-ьnъ и *-ьno Полесья проливает свет на внутреннюю структуру заселения территории. Основываясь на данных письменных источников начиная с X в. и особенно источников, относящихся к ХУ-ХУI вв., центральное и южное

Полесье можно считать районами самого большого и наиболее архаичного заселения славянами.

Параллельно анализ производных основ топонимов и динамика распространения их объектов информирует о возможных направлениях расселения славян в Полесье. Эти направления удается проследить внутри зоны, а также вне границ обжитых славянами старых племенных территорий и вне границ зоны. Установление направлений расселения позволяет воспроизвести наряду с локальными особенностями карты заселения и генетическое единство зоны с другими регионами ареалов, и, таким образом, возможные ранние территориально-межплеменные взаимосвязи.

Стратиграфия всех названных типов топонимов раскрывает в целом и плотность заселения Полесья, его территориальное членение, и выделение этноплеменных формаций, и, наконец, границы предполагаемых летописных племен.

Названные выше топонимические типы представляют неодинаковые исторические категории объектов. Если названия на *-itj-i, *-ane/*-jane (в некоторых случаях также на *-ьnъ и *-ьno) давались родовым сельским поселениям, то названия на *-jь, *-ьskъ "характерны для древних "градов". Динамика образования и функционирования названных объектов дает возможность наблюдать социальное деление населения в ранний период истории славян, взаимосвязь и дифференциацию между селом и "градом".

При стабильном внутреннем членении территории зоны в рамках исследуемых ареалов топонимов создаются предпосылки для исследования административно-территориального деления Полесья в ранний период его истории, для реконструкции его древних сухопутных и водных путей сообщения.

В территориальной диахронии топонимических типов *-itj-i, *-ane/*-jane, *-jь, *-ьskъ, *-ьnъ и *-ьno как этногеографического явления отражается в известной степени формирование отдельных локальных культур и диалектов.

В.И. Наулко (Киев)

ОБ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ РАЙОНИРОВАНИИ ПОЛЕСЬЯ

В научных публикациях заметны значительные расхождения в критериях и определении ареальных зон Полесья. В работах географов Полесье представлено как часть зоны смешанных лесов, разделенная на физико-географические области, совпадающие с административно-территориальным делением (Волынское Полесье, Житомирское, Киевское, Черниговское, Новгород-Волынское - по А.М. Мариничу, 1982). Языковеды в одних случаях следуют той же классификации (Н.В. Никончук, 1970 - Житомирское Полесье), в других разделяют Полесье на Западное, Восточное и Центральное (Л. Оссовский, 1971; С.П. Бевзенко, 1980) или же придерживаются других критериев (Правобережное Полесье - Н.В. Никончук, 1978). Этнографы ограничивают пределы Полесья Волынским, Киевским и Черниговским (Г.Е. Стельмах, 1958). Согласно общепринятому экономическому районированию Полесье входит в обширный Юго-Западный район, что мешает, на наш взгляд, учесть специфику естественно-географических условий Полесья.

Ориентация на административное деление в историко-этнографических исследованиях нам представляется неверной. В еще большей мере неприемлемо рассмотрение этого региона как монолитного, игнорирующее наличие в Полесье многочисленных этнографических и диалектных групп - полещуки, литвины, горюны и пр., устойчивость этноспецифических черт, многие из которых имеют давнее, нередко праславянское происхождение и пр.

В настоящее время есть возможности для разработки более объективного историко-этнографического районирования Украины, вследствие завершения работ по созданию историко-этнографического и лингвистического атласов. Однако при этом необходим комплексный подход, т.е. учет данных смежных наук, в частности антропологии и археологии (известно, например, что наиболее выразительные изоглоссы отделяют западный массив, по Горыни-Ясельде, что совпадает с археологическими данными - "Полесье", М., 1968, с. 14.).

При разработке историко-этнографического районирования

следует учесть и опыт комплексного районирования, проведенного в последние годы советскими экономгеографами (Саушкин, 1976), в котором учитывается динамика экономического развития районов (районы давнего хозяйственного освоения, районы развития промыслов, районы, находящиеся в зоне влияния бурного промышленного подъема и пр.).

Н.К. Гаврилюк (Киев)

ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ РАЙОНИРОВАНИИ УКРАИНСКОГО ПОЛЕСЬЯ И ПОЛЕССКО-КАРПАТСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ

По материалам картографирования явлений и комплексов традиционной родильной обрядности украинцев зона Полесья делится на волынскую, киевскую, северночерниговскую, южночерниговскую и восточночерниговскую подзоны, южная граница которых с запада на восток проходит примерно по линии Владимир-Волынский – Новоград-Волынский – Киев – Путивль. Сходную картину районирования украинского Полесья дают карты, посвященные комплексам жилища, комплексам орудий уборки и обработки зерновых, а также местным названиям некоторых явлений упомянутых разделов духовной и материальной культуры.

При сопоставлении карт обнаруживается, что отдельные этнографические и лексические факты, относящиеся к Полесью, повторяются в украинских Карпатах. Причем наибольшее число таких повторений насчитывают восточночерниговская и волынская подзоны. Кроме того, явления, характерные для восточночерниговской, волынской подзон и Карпат, в ряде случаев (обусловленных наличием имеющегося у нас материала) находят себе соответствия в различных, изолированных с давних пор, местах славянского мира. Все это позволяет говорить о существовании на украинском Полесье двух своеобразных – западного и восточного этнографических (и лексических) ареалов, которые, вероятно, имеют древнеславянское происхождение. Их дальнейшее исследование будет способствовать освещению проблем, связанных с локальными особенностями этногенеза славян полесского и соседних регионов.

К полесско-карпатским параллелям относятся: А. обрядовые и др. этнографические реалии – I) ритуальное употребление пищи во время посещений роженицы женщинами: деление и съедение каши – Полесье, вост. Карпаты (а также у русских, белорусов, латышей), каши и хлеба – сев. Черниговщина (хлеба-"питы" у болгар, "погачи" у народов Югославии); 2) пострижение ребенка в младенческом возрасте (до года) – вост. Черниговщина, вост. Карпаты и смежные прикарпатские р-ны (а также у народов Югославии); 3) способ обращения с первыми состриженными волосами ребенка, имеющий отношение к дереву: закапывание под дерево – Черниговщина, подвешивание на дерево – центр. и вост. Карпаты (а также у болгар и народов Югославии); 4) обычай класть в постель роженицы и новорожденного нож, серп и др. металлические предметы от воздействия злых сил – волынск. и киевск. Полесье, вост. Карпаты (а также у болгар и народов Югославии); 5) тип сошной и полусошной конструкции крыши хаты – волынск. Полесье, Карпаты (а также у поляков, словаков, в долинных р-нах Югославии); Б. наименования: I) повитухи: бабка – вост. Черниговщина, вост. Прикарпатье (а также у русских, чехов, словаков), гебабка – вост. Карпаты; 2) злых сил, могущих повредить роженице и новорожденному на протяжении первых шести недель: выражение щоб щось не навiяло (пiдвiяло) – южн. участки волынск. Полесья, вост. Карпаты, термин нявка – вост. Карпаты (а также наве, навия у народов Югославии, болгар), ношницi – вост. и южн. Черниговщина и ночнице у народов Югославии; 3) рабочей части цепа: цiпень – вост. Черниговщина, центр. Карпаты (у болгар цепило как общ. название цепа); 4) кольца, соединяющего части цепа: звъязь, завезка и т.п. – вост. Черниговщина, центр. Карпаты (а также увище у болгар); гуж – волынск. и киевск. Полесье, центр. Карпаты (а также у чехов, словаков, поляков); 5) жердей, которыми прижимают гребень соломенной крыши: оповзена, повзина и т.п. – киевск. Полесье, сев. и вост. Черниговщина, пауз, повз и т.п. – Карпаты; 6) соломенных снопов, используемых для устройства крыши: китицi – волынск. и киевск. Полесье, центр. и вост. Карпаты (а также у поляков, китницi у словаков); и др.

Ф.Д. Климчук (Минск)

ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОЛЕШУКОВ (ЗАПАДНОЕ ПОЛЕСЬЕ ДО 1939 г.)

Вхождение с 1939 г. Западного Полесья в состав БССР (Брестско-Пинское Полесье) и УССР (Волынское Полесье) сказалось на этническом самосознании его жителей. До 1939 г. в этногеографических представлениях коренного населения этой области сохранялось много специфического.

В качестве основного самоназвания употреблялся термин русские (в его фонетических вариантах). Так называли восточных славян. "Русских" делили на несколько групп. Имелись определенные различия в членении восточного славянства жителями отдельных полесских регионов.

Носители брестско-пинских говоров выделяли следующие "русские" группы населения и области: 1. Местные ру́сские – носители брестско-пинских и северноволынских говоров. 2. Поле́сье – область к востоку от Горыни и низовьев Ясельды. Нередко границы Полесья отодвигали к западу. Так, в районе Кобрина помещали его иногда "где-то за Пинском", в районе Каменца – "где-то за Кобрином" и т.д. "Полесьями" называли также небольшие лесные микрорегионы. Такое, например, "Полесье" в Кобринском районе размещали к югу от р. Тростяницы, в Пинском районе – к северо-востоку от р. Ясельды, в Столинском районе – к юго-востоку от р. Львы. Полешуками жители Брестско-Пинского Полесья, включая носителей севернобрестских говоров, сами себя почти нигде не называли (такое самоназвание выявлено нами только в некоторых селах Пинского и Столинского районов). 3. Загоро́дье, загоро́дцы (знали немногие, кроме населения части Пинщины) – область в Западном Полесье и ее жители. Границы Загородья в разных микрорегионах определялись неодинаково. 4. Волы́нь, волы́нцы, волыня́ки – южная Волынь и ее жители. Иногда эти названия распространяли и на северную Волынь. 5. Хапуны́ (отмечено в Дрогичинском, Пинском, Столинском районах), литвины́, поля́ки, поляхва́ (отмечено в Кобринском районе) – носители говоров, для которых характерен переход д',т' > дз',ц'. 6. Белору́ссия, белору́сы – область, расположенная севернее и северо-восточнее Западного

Полесья, и ее жители. Иногда эти названия распространяли и на Полесье. Порою их ограничивали только Брестско-Пинским и Волынским Полесьем. 7. Подо́лия (знали немногие) - область, расположенная юго-восточнее Волыни. 8. Австри́йцы - галицкие, буковинские и закарпатские украинцы. В 20-30-е годы XX в. знали и о Закарпа́тской Руси́. 9. Укра́ина, укра́инцы - область, расположенная к юго-востоку от "Волыни", к югу от "Полесья", и ее жители. Иногда относили к "украинцам" жителей "Волыни" и носителей тех полесских говоров, которым свойственно твердое произношение д,т перед рефлексами е,и. 10. Россе́йцы, Россе́я - великорусы и области их преимущественного расселения. 11. Коза́ки́, Коза́ччина - казаки и районы их расселения. Неэтноопределяющие названия: Лесовы́е люди - жители деревень, примыкающих к лесу; люди из боло́т, багнюки́ - жители заболоченных местностей; полевы́е люди, полевики́, полюхи́, пульвина́ - жители безлесных местностей. Другие примечательные представления: самые высокие "русские" горы - Карпаты, самая большая "русская" река - Дунай, самое "близкое" к Полесью море - Черное.

Отметим некоторые восточнославянские группы населения и области, выделяемые жителями других регионов. В районах, прилегающих к Западному Полесью с севера (окрестности Ружан, Коссова, Ивацевичей, Барановичей) пользовались названиями: белору́сы - основное самоназвание; Поле́сье, полещуки́ - область, расположенная к югу от линии: р. Нарев, Выгоновское озеро, Ганцевичи, и ее жители; волы́нцы - жители Волыни и южной части Брестско-Пинского Полесья. Ареал севернобрестских говоров: белору́сы - одно из самоназваний (основное самоназвание - русские); Литва́, литвины́ - область, расположенная севернее Брестско-Пинского Полесья, и ее жители; волы́нцы - жители Волыни и части Полесья (носители говоров с твердыми д,т перед рефлексами е,и); гидуны́, хохлы́ - носители брестско-пинских и верхнеясельдских говоров. Ареал верхнеясельдских говоров (окрестности Березы, Пружан): Гидуны́ - носители брестско-пинских говоров. Микроареал северо-восточных загородских говоров на юге Березовского района: Гидуны́ - носители среднезагородских, южнозагородских и тороканских говоров. Восточная часть брестско-волынского пограничья (сс. Радостово, Повить, Ветлы и др.): Литва́, литвины́ - территория, рас-

положенная севернее (район Антополя, Дрогичина, Янова), и ее жители. Северная Волынь: Волы́нь, волы́нцы, волыня́ки – южная Волынь и ее жители.

С.Е. Никитина (Москва)

РУССКИЕ В ПОЛЕСЬЕ
(к проблеме этнолингвистических контактов)

В северо-восточном районе Украины, в окружении полесских деревень расположены русские старообрядческие поселения, основанные еще в конце I7 – начале I8 вв. – Добрянка и Радуль. Представляет определенный интерес исследование способа сосуществования и культурных взаимоотношений старообрядцев с исконными жителями Полесья.

Идеологически обусловленная обособленность старообрядчества сделала эту культуру своеобразным островом народно-книжного христианства в море устных, во многом дохристианских представлений полесских крестьян. Не угасавшее на протяжении веков стремление представителей "древлего благочестия" отгородить себя от никониан способствовало сохранению говора, резко отличающегося от окружающих говоров Полесья – недаром полещуки называют Радуль за "разговор" "второй Москвой", хотя южно-русский радульский говор с диссимилятивным яканьем, мягким т' в глагольных окончаниях 3-его лица ед. числа очень далек от норм литературного языка. Образ жизни, тип занятий мужских и женских, ритуальная и праздничная еда, одежда и обувь – все это до недавнего времени отделяло русских слобожан от полесских земледельцев. Различны свадебные и похоронные обряды, репертуар свадебных и лирических песен, у русских отсутствуют песни календарного цикла, бытующие в окружающих селах.

Однако культурные контакты были неизбежны, начиная с хозяйственной сферы, например, покупки русскими коровы в полесском селе – операции, сопровождавшейся рядом охранительных действий, – так просачивались элементы духовной культуры Полесья в замкнутый суровый мир старообрядчества. Обширная

брешь в культурной отгороженности русских была пробита в 19 веке с утверждением единоверия. И если до недавних пор духовный мир радульских беспоповцев оставался непроницаемым, то в единоверческой среде уже давно бытуют многие обряды и представления, характерные для Полесья (связь сельскохозяйственных работ с фазами луны, пятничные запреты, поверья, связанные со скотом, способы лечения некоторых болезней, заговоры, рассказы о порче, об "обмираниях", детские щедровки; в связи с этим в русский говор проникает соответствующая лексика). В этом смысле этнолингвистический вопросник Института славяноведения, ориентированный на Полесье, оказался незаменимым инструментом полевого исследования русской старообрядческой духовной культуры - и не только в Полесье. Разумеется, встает вопрос, являются ли те или другие элементы культуры заимствованными или независимыми общими (например, легенда о хлебном колосе).

Интересны совпадения в репертуарах лирических песен: одна и та же песня может существовать в русском и полесском языковом вариантах (например, песня об убитом солдате и коне, прибежавшем домой - "Що во поле огонь горит"). Собственно русское ядро лирических песен у старообрядцев очень невелико - многие песни забыты.

То же самое мы можем сказать об устной традиции духовных стихов: мы присутствуем при ее исчезновении. Благодаря одаренности отдельных представителей старшего поколения старообрядцев не совсем стерлись в памяти эпические стихи о двух Лазарях, Алексее - божием человеке, Егории и змее, расставании души с телом. Часть русских текстов имеет белорусские параллели в сборниках Е.Р. Романова и П.П. Чубинского, но не имеет никаких соответствий в окружающем полесском духовном репертуаре. Последний, в свою очередь, в традиционной устной части очень беден, зато несколько десятков поздних псальм, записанных в школьных тетрадках, активно циркулируют в письменной и устной форме не только среди полесских певиц, но в некоторой своей части проникают в среду радульских единоверцев (но не беспоповцев), образуя тем самым общий репертуар духовных стихов. Источниками сегодняшних рукописных "псальменников" служили печатные издания духовных стихов (фрагменты этих изданий можно увидеть в домах полешуков),

более старые рукописи и записи с голоса, причем среди псальм достаточно много поздних старообрядческих стихов, распространенных в старообрядческих поселениях Ветки и Стародуба.

Итак, в обычаях и обрядах, фольклоре и языке русских старообрядцев Полесья мы можем отметить очевидное влияние духовной культуры исконного населения. Интенсивность же контактов определяется уровнем проницаемости тех духовных преград, которые старообрядцы различных согласий воздвигли между собой и миром.

Ю.Ф. Лащук (Львов)

РАЙОНИРОВАНИЕ УКРАИНСКОГО ПОЛЕСЬЯ ПО ДАННЫМ НАРОДНОГО ИСКУССТВА

Народному искусству Украинского Полесья свойственна ясность образного строя, простота композиционных решений, сдержанность колоритной гаммы и отсутствие чисто декоративных решений, а также сохранение исконно славянской лексики и терминологии.

Для народной керамики характерна общая производственная технология (ножной гончарный круг и двухкамерная печь), отсутствие подглазурных росписей, господство геометрических орнаментов, выполняемых лощением, гравированием либо цветной росписью, общая терминология. По форме изделий можно установить две зоны полесской керамики: западную - от Буга до Горыни и восточную - от Уборти и среднего течения Случи до Днепра. Западной зоне свойственна шаровидность горшков, кувшинов, кубышек, округленность и приземистость мисок, которым присущ четко выраженный коленчатый изгиб и широкие горизонтальные венчики. Названные признаки, наблюдаемые также в средневековом материале, восходят ко времени летописных дулебов и волынян. В восточной зоне господствует вытянутость и конусовидность нижней части сосудов и мисок. Верхняя часть мисок округлена и плавно переходит в узкие венчики. Силуэты сосудов этой зоны восходят к традициям производства древлян.

В строительстве общим признаком следует считать быто-

вавшее еще в XIX в. однокамерное жилье типа клети, чаще других встречающееся ныне в междуречье Горыни и Уборти. Реликты срубного строительства позволяют считать характерными для западной зоны удлиненные сооружения, состоящие из избы, сеней, кладовой и сарая. В восточной зоне сарай обычно строился отдельно, а дом со стороны улицы ограждался плотным забором, в котором находились ворота с балкой и калиткой, что не свойственно западной части Полесья. На востоке наличники зачастую оформляются треугольным фронтоном, на западе в оформлении окон преобладает горизонтальная доска, украшенная филенками.

Народная резьба западного Полесья представлена в виде несложных мотивов (зубцов, врезов), венчающих конструктивные части бытовых предметов и деталей деревянных сооружений. Выполнены они плоским долотом, пилой, сверлом и удивительно похожи на украшения в народном строительстве Бойковщины (Карпаты). Встречаются и мотивы, созданные гравированием: треугольники, крестики, надписи. В восточной зоне, наряду с этим, бытует трехгранно-выемочная резьба, свойственная также Черниговщине и Полтавщине. Ей присущи геометрические элементы и растительные мотивы. Встречаются очертания зверей, птиц, женских фигур.

Для ткачества характерно применение горизонтального станка, изготовление тканей из нитей двух оттенков: белого и серого. В Полесье сохранилось производство древнейших видов тканей (напр., на редкой основе и петельчатые ткани). По технике тканья различаются три зоны: западная, восточная и переходная (междуречье Горыни и Уборти). Браная техника свойственна в основном западной зоне, здесь преобладают геометрические элементы. Особенностью восточной зоны, в частности селений поречья Ужа, является закладная техника, при которой создаются своеобразные, несвойственные другим зонам Полесья декоративные мотивы, состоящие из геометрических, зооморфных и антропоморфных элементов красно-черно-белой расцветки.

В народной вышивке западной зоны преобладают красно-синие цвета, геометрические элементы выполняются техникой занизывания. В восточной господствует один из двух цветов – красный либо белый. Красный часто сочетается с черным. Пре-

обладает техника креста и геометрические мотивы, которые в поречье Ужа дополняются зооморфными и антропоморфными элементами.

Каждая из основных зон народного искусства Украинского Полесья имеет еще локальные отличия, присущие северной и южной их частям, а также территориям в поречьях и междуречьях.

А.Т. Нестер (Львов)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАРОДНОГО ТКАЧЕСТВА ПРАВОБЕРЕЖНОГО УКРАИНСКОГО ПОЛЕСЬЯ

В ткачестве правобережья украинского Полесья выделяются две основные зоны: западная и восточная. Западная простирается от р. Зап. Буг до Горыни-Случи; восточная - от Горыни-Случи к Днепру. Междуречье Горыни-Случи является переходной полосой, сохраняющей особенности двух основных зон, но имеющей и свои локальные черты. Кроме того, выделяются северная, центральная и южная полосы. В северной полосе (бассейн р. Припять) наблюдается ряд стабильных черт. Однако здесь выделяются своим своеобразием районы, расположенные между Случью и Убортью, Горынью и Стыром, Стыром и Стоходом. Ткачество южной полосы более однородно.

Особенная сложность локальных образований наблюдается в центральной полосе, в которой заметно отличаются западный и восточный регионы. В западном регионе (притоки р. Припяти) прослеживаются некоторые аналогии с ткачеством Западного Подолья, Черкащины, юго-запада Белоруссии, России, Прибалтики, Польши, Чехии, Болгарии, Сербохорватии, Румынии. В восточном регионе (бассейн р. Уж) наблюдается своеобразный сплав славянской, восточной и тюркской культур, что особенно проявляется в технологии, орнаментальной символике и терминологии. В этом регионе выделяются северные районы Киевской области, где выступают смешанные элементы, имеющие связь с отдельными районами бассейна р. Припяти, Горыни и Ужа, а также, левобережья Днепра.

И.Я. Яшкин (Минск)

О ГЕОГРАФИИ НЕКОТОРЫХ ПОЛЕССКИХ ТРУДОВЫХ ПРИЕМОВ

В Полесье отмечены в ряде случаев специфические традиционные методы и приемы труда.

Прать пла́тье 'полоскать белье'. На северо-востоке, северо-западе Белоруссии и в Литве (сообщила Е.И. Гринавецкене) белье пало́шчуць в глубоком водоеме сначала сверху вниз, а потом взмахом справа налево и слева направо. В Полесье процесс полоскания белья называется праць пла́цье, пра́ты шма́ття. Метод полоскания здесь иной. Одну штуку белья многократно опускают в воду и вынимают из воды, затем складывают к ногам складками в виде "гармоники", после чего на эту кипу складок нажимают руками. Выжав воду, женщина снова и снова в быстром темпе повторяет этот прием. На севере полесской зоны (Солигорский, Осиповичский, Копыльский районы) этот же процесс полоскания так и называется жмаць, жмакаць, выжымаць.

Мыть пла́тье 'стирать белье'. В Полесье стирали рука об руку, захватив в руку часть ткани, или о поперечную часть корыта пе́люсць. Деревянную "стиральную машину" валю́шки в виде жолоба с рубчатым дном и зубчатым вальком обнаружили в 1974 году Е.М. Раманович и Е.И. Чеберук в д. Ковгары Осиповичского района Могилевской области. А на северо-западе Литовской ССР (населенный пункт Плунге в Жемайтии, сообщила Е.И. Гринавецкене), на Витебщине (Городокский, Толочинский районы), на Могилевщине (Осиповичский район), как отмечается в воспоминаниях местных жителей, стирка белья производилась ногами. Женщина, стоя в корыте, захватывала ногой часть штуки белья и ногами ниже щиколоток стирала. Обычно такой прием применялся для стирки постилок и прочих больших вещей.

Мять про́со. В Полесье, на юго-западе Гомельщины и юго-западе Могилевщины просо молотили ногами, перетирая ветки снопа частями ног ниже щиколотки. На остальной части республики просо обмолачивали вальком, трепалом для льна.

Мять лен. В д. Воротынь Бобруйского р-на сначала беремо сухой льнотресты топтали ногами, а потом мяли на мялке, получая чистое волокно. Только ножную обработку льна для Литвы

предполагают и литовские этнографы (Вишнявскайтэ). В Полесье широко известен метод мять ногами льноволокно перед пряденьем. Здесь же мяли ногами и тресту пеньки.

<u>Трепáть лен</u>. В Полесье (д. Дворец Житковичского р-на) отмечен прием трепать лен трепалом "на колено" (левое полусогнутое), а также при помощи разного рода подставок (как самый распространенный и, видимо, новый). На севере и в центре республики обычным является прием трепать лен "на руку" (ударяя трепалом наперевес по жмени мятой льнотресты в левой руке).

<u>Копáть бýльбу</u>. Принято считать, что уборка картофеля сидя на коленях и только руками или при помощи мотыги характерна была для юго-запада Белоруссии, а на северо-востоке ее копали согнувшись, стоя на ногах. Культивируется картофель на территории Белоруссии с ХУШ века.

Собранные сведения картографированы.

IУ. ДИАЛЕКТОЛОГИЯ. ОНОМАСТИКА

А.Н. Залесский (Киев)

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ В ИЗУЧЕНИИ УКРАИНСКИХ ПОЛЕССКИХ ГОВОРОВ

I. При освещении генезиса любого полесского явления следует исходить из изначальной бипартиции украинских говоров на северное (полесское) и южное наречие, из которого лишь впоследствии выделилось (в результате многовековой интерференции с полесскими говорами, а также миграционных процессов, шедших на восток и с севера и с юга) юго-западное и юго-восточное. Это замечание представляется важным для обоснования выдвигаемых ниже положений: I) все явления, имеющие общий полесско-юго-восточный ареал, генетически связаны с Полесьем: будь то субстратные (в среднеподнепрянском говоре) или адстратные (в остальных юго-восточных говорах); 2) тот факт, что ряд полесских изоглосс, многие из которых несомненно древнейшие, напр., различная рефлексация ę, ě и о, е в новозакрытых слогах в зависимости от ударения, флексия -е существительных типа жит':е, -у дат. пад. ед.ч. существительных муж. р. (сину, брату) и др., проходит не только вблизи Киева, но и значительно южнее его (некоторые из них почти совпадают с южными границами Киевской Руси X-XI вв.) безусловно свидетельствует (вопреки мнению отдельных исследователей) о принадлежности говора полян к той древнерусской группе, из которой сформировались позже северные, а не южные говоры; 3) южный характер среднеподнепрянского говора, ставшего ядром образования юго-восточного наречия, представляет собой результат начавшейся еще в древнерусский период многовековой интерференции полесского диалектного субстрата с юго-западным адстратом; 4) наметившаяся в последнее время тенденция к пересмотру южной границы полесских говоров, проводимой традиционно по линии Владимир-Волынский - Луцк - Ровно - Новоград-Волынский - Житомир - Фастов - Переяслав-Хмельницкий - Прилуки - Конотоп - р. Сейм и совпадающей на

Правобережье с географической границей Украинского Полесья, в сторону передвижения ее значительно севернее линии Житомир – Киев неадекватно отражает и современное состояние говоров, и, тем более, их историю. Говоры эти представляют собой полесский тип с большими или меньшими напластованиями элементов южных говоров, издревле экспансирующих на север, чему способствует и близость южных говоров к литературному языку. Уместно напомнить, что критерием размежевания говоров на северные и южные является не наличие/отсутствие дифтонгов, а различная рефлексация ę, ě̆, totъ(ь), tetъ(ь) в ударных и безударных слогах.

2. Из нескольких гипотез, пытающихся объяснить причины различного развития украинского икавизма на севере и юге, логически наиболее безупречной представляется гипотеза В. Курашкевича, считающего, что первоначально в результате заменительного удлинения долгими, а затем суженными и/или дифтонгическими становились o, e в позиции totъ(ь), tetъ(ь) независимо от ударения и в южных, и в северных говорах, и лишь позже, примерно в XIУ в., в северных говорах под влиянием соседних белорусских, переживших редукцию безударных гласных, которая привела к возникновению аканья, долгие гласные безударных слогов сократились. Однако и эта гипотеза вызывает ряд сомнений. I) В некоторых говорах Брестской обл. отмечается отсутствие каких-либо признаков фонетической редукции, однако дистрибуция рефлексов totъ(ь), tetъ(ь) в говорах этих сел типично полесская (собств. наблюдения и данные М.И. Лекомцевой и С.М. Толстой). 2) Развитие totъ(ь), tetъ(ь) нельзя рассматривать изолированно от развития ę, ě̆, 'a, рефлексирующихся также по-разному в ударных и безударных слогах, хотя с заменительным удлинением они никак не связаны. 3) Типология восточнославянских редуктивных фонологических нейтрализаций, обусловленных фонетической редукцией гласных безударных слогов, свидетельствует об элиминации в безударных слогах гласных среднего подъема в пользу гласных крайних подъемов (ср., напр., аканье, уканье, сужение е и). В Полесье же как раз наоборот: в безударной позиции обобщаются гласные среднего подъема за счет гласных крайних подъемов, напр.: íе/ế/~é>e, ýо/ố/~ó>о, 'a~e>e (имеющиеся случаи, как правило, нерегулярного замещения безударных а, у, и, гласны-

ми о, е несомненно контактно-гиперического происхождения).

3. На связь современной оппозиции север-юг со специфической для обоих диалектных массивов трансформацией былых просодических отношений в монотоническое экспираторное ударение указывают и наличие только в южных говорах т.наз. вокальной ассимиляции и связанные, по-видимому, с этим особенности консонантной подсистемы: сохранение на севере звонких согласных перед паузой и перед согласными, развитие и сохранение геминат в отличие от юго-западного ареала, где произошло оглушение звонких и устранение геминат (юго-восточные говоры представляют собой в этом отношении соединение юго-западного вокализма с северным консонантизмом).

А.А. Кривицкий (Минск)

ПОЛЕССКИЕ ГОВОРЫ БЕЛОРУССИИ И СОВРЕМЕННЫЙ БЕЛОРУССКИЙ ДИАЛЕКТНЫЙ ЯЗЫК

С конца прошлого века и до 70-х годов нашего столетия говоры белорусского Полесья квалифицировались или как говоры украинского языка, или как переходные от белорусского к украинскому языку. Однако ясного представления о диалектном ландшафте этого региона Белоруссии и об особенностях его диалектных формаций в науке не было.

Наиболее значительные сведения о полесских говорах Белоруссии были получены в результате работ по созданию "Дыялекталагiчнага атласа беларускай мовы" (ДАБМ, Мн. 1963). Материалы ДАБМ показали, что говорить о едином массиве полесских говоров на территории БССР в генетическом или в каком-либо ином отношении (например, в культурно-историческом), видимо, нельзя. Белорусские диалектологи выделяют две группы говоров белорусского Полесья - западную, или брестско-пинскую, и восточную, или мозырскую, группу.

Брестско-пинская группа говоров по своим особенностям резко противопоставлена всем остальным говорам на территории БССР. Эти говоры отличаются иной реализацией тех явлений, которые в остальных говорах на территории БССР выступают

одинаково и представляют собой характерные зональные особенности белорусского диалектного языка.

Уже по материалам ДАБМ была видна структурная неоднородность говоров брестско-пинской группы. Однако в густом и разнонаправленном переплетении изоглосс в этом диалектном регионе разобраться должным образом было трудно. Очень полезная работа по типологии фонетических систем западных полесских говоров и по территориальному распределению основных типов была проведена в 70-е годы Ф.Д. Климчуком. Он выделяет в этой группе четыре основных типа говоров, которые находятся в очень сложном ареальном распределении. Однако для уточнения диалектного ландшафта этой территории необходимо создание регионального лингвистического атласа.

Формирование западной полесской группы говоров на территории Белоруссии, ее истоки и родственные связи еще не изучены. Однако ее резкая и глубокая структурная противопоставленность соседним говорам на территории БССР, а также пестрота диалектного ландшафта свидетельствует об ее относительно позднем формировании.

Мозырская группа говоров рассматривается белорусскими диалектологами с полным основанием как составная часть юго-западного белорусского диалекта. Она объединяется с говорами двух других его групп не только по особенностям, общим у юго-западного диалекта с северо-восточным, но и по особенностям, свойственным говорам этих двух других групп юго-западного диалекта. Очень существенно также и то, что особенности, характерные для мозырской группы говоров, не образуют в своем распространении в пределах юго-западного диалекта заметного и узкого пучка изоглосс, резко отделяющего эту группу говоров от остальных говоров юго-западного диалекта, а заходят в пределы других говоров. В связи с этим говоры Мозырщины рассматривают иногда не как отдельную группу, а только как часть более обширной слуцко-мозырской группы говоров в составе юго-западного белорусского диалекта. И не без оснований. Говоры слуцкой группы отличаются от мозырских лишь разного рода инновациями (недиссимилятивное аканье, употребление только глухих согласных в конечной позиции в слове и перед глухими и т.п.).

Мозырская группа объединяет более однородные по струк-

туре говоры. Но различия между ними существуют и кое-что об этом известно, хотя типология мозырских говоров еще не ясна и районирование их не проведено. Предпринята попытка изучить диалектный ландшафт западной окраины мозырских говоров - микрорегиона "замшуков", где проводились работы по сбору лексики для "Туровского словаря", а также ближайших окрестностей этого микрорегиона (А.А. Крывіцкі, І.Я. Яшкін. Лінгвагеаграфічнае вывучэнне Тураўшчыны. "Народная словатворчасць", Мн. 1979). Очень нужно было бы провести по небольшой анкете обследование говоров всей мозырской группы, необходимое для ориентации при различных выборочных исследованиях. Важно это и в связи с тем, что здесь в 50-х - 60-х годах обнаружены уникальные островные говоры, отличающиеся от остальных мозырских говоров своеобразно интонированной позиционной долготой предударных гласных. Размещение здесь этих говоров еще до конца не изучено.

Ф.Т. Жилко (Пушкино Моск. обл.)

ВОКАЛИЗМ ПОЛЕССКИХ ГОВОРОВ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА

I. Полесские говоры (северная диалектная группа) украинского языка противопоставлены южной диалектной группе на всех уровнях языковой стратификации и, в частности, на фонологическом (фонетическом).

2. Микросистемы вокализма полесских говоров сформировались в результате трансформации фонем ê, ô , а также о, е (в новых закрытых ударных слогах) и конвергенции *і, *ы. Микросистемы вокализма полесских говоров являются звеньями диахронического преобразования в ареальном развертывании.

На основе различия фонем /ê/ : /ô/ восточнославянского вокализма, а затем в протоукраинских диалектах и заместительного удлинения ê (< *е, *еС), ô (< *о, *еС) можно определить исходную модель микросистем вокализма полесских говоров: I. і̯е-и-е-у -у̯о (у̯ô, у̯е, у̯и) -о-а, распространенную в большей части право- и левобережных полесских говоров, а также в массиве юго-западных говоров белорусского языка.

Следующими основными звеньями в диахронических преобразованиях являются модели: П. i-и-е-у-$\widehat{уи}$ ($уи^{i}$, $уi$) -о -а; Ш. i-ў-и-е-у-о-а; IУ. i-и-е-у-о-а (характерная для большинства говоров южной диалектной группы и литературного языка). В результате образования интерферентных ареалов говоров в западном Полесье возникла модель микросистемы вокализма: У. i-$и^{i}$-и ($и^{е}$) -е-у-о-а.

3. Синтагматические виды фонем различаются отношениями контраста в структурах морфем и лексем. Дифтонги и напряженные ê, ô синтагматических видов фонем находятся в свободном варьировании или дополнительном распределении. Конвергенция *i, *ы в синтагматических видах фонем выражена звуками [и] или [$i^{и}$], [$и^{i}$].

В окраинных полесских говорах, в западном Полесье и на границах с говорами белорусского языка в синтагматических видах фонем имеют место нейтрализации следующих фонологических оппозиций: I) $/а/_{I}$: $/о/_{2} \rightarrow$ $[а]_{I}$, $[а]_{2}$, в зонах интерферентных диалектных отношей - гиперическая (интерферентная) нейтрализация $/а/_{I}$: $/о/_{2} \rightarrow$ $[о]_{I}$, $[о]_{2}$; 2) $/у/_{I}$: $/о/_{2} \rightarrow$ $[у]_{I}$, $[у]_{2}$ и гиперическая нейтрализация $/у/_{I}$: $/о/_{2} \rightarrow$ $[о]_{I}$, $[о]_{2}$; 3) $/и/_{I}$: $/е/_{2} \rightarrow$ $[и]_{I}$, $[и]_{2}$ и гиперическая нейтрализация $/и/_{I}$: $/е/_{2} \rightarrow [е]_{I}$, $[е]_{2}$.

4. В структурах морфем и лексем полесских говоров распространено чередование дифтонгов $\dot{у}$о, $\dot{у}$е, $\dot{у}$и или монофтонгов - напряженных ê, ô в ударных закрытых слогах с фонемами е, о в безударных и открытых (независимо от ударения) слогах. Чередование дифтонга $\breve{i}$е и соответствующих монофтонгов зависит от ударности или неударности слогов.

5. Ареалы микросистем вокализма и синтагматические виды гласных, чередование рефлексов ě в зависимости от ударения слогов полесских говоров в корреляции с диалектными особенностями других уровней языковой стратификации в некоторой степени отражают измененные границы диалектов племенных союзов древлян и частичнс северян, а также свидетельствуют о дозаселении западного Полесья с территории западной части южной диалектной группы украинского языка.

Н.А. Дорошко (Минск)

ДИСПАЛАТАЛИЗАЦИЯ ДЗ', Ц' < [Д', Т'] > ДЗ, Ц В ТУРОВСКИХ ГОВОРАХ

Процессы отвердения ц', дз' < [т', д'] > ц, дз в Полесье исследовались белорусскими, польскими и украинскими лингвистами (работы Н.В. Бирилло, В.Н. Чекмана, Л. Оссовского, В. Курашкевича, Т.В. Назаровой и др.). Распространение отвердения согласных дз, ц в островных говорах Правобережного Полесья (Т.В. Назарова), в белорусском западном Полесье (дд. Люсино и Мальковичи, Ганцевичского р-на) и восточном (д. Снедин, Петриковского р-на), в словацких говорах на границе с украинскими и польскими говорами (карты 248-249, 251, Atlas slovenskego jazyka, t. 1, Vokalismus a konsonantismus. Bratislava, 1968) дает основание полагать, что это явление древнее.

Туровские говоры относятся к мозырской группе и расположены в междуречье Припяти, Горыни, Ствиги и Моствы, на стыке западнополесской и восточнополесской зоны, а на юге граничат с северноукраинской - сарненской - группой говоров. До последнего времени здесь не обнаруживалось диспалатализации дз', ц'.

Между тем в говоре г/п Турова твердое ц на месте [ц' < т'] отмечается в позиции конца слова: а) в форме 3-го л. ед.ч. у глаголов II спряжения: гово́риц, воз'и́ц, кричи́ц, ку́риц, п'и́л'иц, ро́б'иц, сп'иц; б) в форме 3-го л. мн.ч.: ва́рац, крича́ц, па́рац, спи́ац, стойа́ц, хо́дз'ац; жнуц, иду́ц, п'еку́ц, по́л'уц, росту́ц, с'п'ева́йуц, ц'в'иту́ц; в) в неопределенной форме: б'ел'и́ц, кос'и́ц, корм'и́ц, молоц'и́ц, нос'и́ц, роб'и́ц, шиц; д) в числительных: дз'е́вйац, дз'е́с'ец, пйац, шесц и т.д.

Идентичное произношение согласного ц существует в д. Запесочье (рядом с Туровом). Однако отметим, что твердое ц произносится здесь непоследовательно. Сами жители объясняют это тем, что [ц] произносят твердо только выходцы из Турова. На остальной территории Туровщины диспалатализации [ц' > ц], кроме Давид-Городка, нами не отмечено.

В говоре г. Давид-Городка у жителей старшего поколения

мы находим отвердение ц', дз' < [т', д'] > дз, ц. В 1937 г. эту особенность здесь наблюдал Л. Оссовский[1]. По мнению польского исследователя отвердение губных и согласных ц, дз, с, з в позиции перед гласным е объясняется украинским влиянием, которое началось после присоединения Давид-Городка вместе с Туровом в 1566 г. к Брестско-литовскому воеводству.

Твердость согласного дз в давид-городокском говоре сохраняется в следующих позициях: а) перед ударной гласной е: дзе́рево, дзе́ци, заведзе́нцийа (обычай), идзе́, л'удзе́й, упадзе́; б) перед безударной гласной е: бу́дзеш, дзен'о́к, дзеру́га, дз'а́дзе (зв. ф.).

Мягкий согласный ц' отвердел в следующих позициях: а) перед ударной гласной е: це́н'ето, це́рн'ица, це́рл'и л'он; б) перед безударной гласной е: е́сцека, н'ема ма́цер, пйа́церо, уцека́е, скацерс'ц'е́, цен'ета́, цеп'е́р, цереб'е́ц'е, Церебл'и́чи (назв. д.); перед согласными в, к, с: ба́цко, цв'и́нтар, п'ерецв'ила́, п'ецсо́т; г) во флексиях 3-го л. мн.ч.: но́с'ац, ро́бйац, хо́дз'ац, в'езу́ц, с'еку́ц. Однако в этой форме наряду с твердым ц возможно и мягкое ц' у одних и тех же информаторов. Аналогичное произношение отмечено в д. Лядец[2] (недалеко от Давид-Городка). Л. Оссовский в 1937 г. последней особенности че отметил, указав, что мягкость согласных дз', ц' в давид-городокском говоре сохраняется в позиции конца слова: дз'ержа́ц', едз'а́ц', хапа́ц'. Вероятно, отвердение ц в данной позиции развилось позже.

Диспалатализация дз', ц' в туровских говорах аналогична диспалатализации д', т', характерной для брестско-пинских и южных говоров Гомельской обл. и, видимо, является результатом того же процесса утраты палатализации, захватившего полесские говоры.

---

[1] Асоўскі Л. Старажытныя і пазнейшыя сувязі Давыд-Гарадка з Чорнай Руссю і Валынню. - В кн.: Беларускае і славянскае мовазнаўства. Мінск, 1972, с. 50-57.

[2] Чэкман В.М. Гісторыя працэпастаўленняў па цвердасці-мяккасці ў беларускай мове. Мінск, 1970, с. 110.

Н.В. Никончук (Житомир)

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Известно, что полесская лексика содержит большое число балто-славянских соответствий, которые чаще всего квалифицируются как древние балтизмы, сохранившиеся в полесских говорах. Однако не во всех случаях такая интерпретация убедительна. Сошлемся на один пример. Слово ку́льша́ считается балтизмом. Однако на славянской почве оно этимологизируется лучше, чем на балтийской, о чем говорит его семантическое поле: 'кость (уничижит.)': волынск. ку́л'ша; 'бедро, ляжка, бедренная кость': русск. ку́л'ша, ку́л'жа, блр. ку́л'ша, укр. ку́л'ша; 'лопатка на спине','плечо', 'локоть', 'копчик': полесское ку́л'ша; 'ягодица': полесск: ку́л'ша; 'седалищная кость': польск. kulsza; 'выступ на стопе возле большого пальца': полесск. ку́л'ша;'косточка на ноге': волынск. ку́л'ша, полесск. gу́л'ка; 'шишка на теле от удара': полесск. ку́л'ша, gу́л'а, gу́ла, гу́л'а, гу́ла, варgу́л'а, верgу́л'а, морgу́л'а, блр. скула́, полесские ску́ла, скула́; 'нарост на теле, на дереве': полесск. ку́л'ша, укр. gу́л'а, полесск. марgу́л'а, варgу́л'а, верgу́л'а, gараgу́л'а, караку́л'а, блр. вургу́л', блр.-полесск. gули́gа; 'искривление пальца': полесск. ку́л'ша, верgу́л'а;'угол, выпуклость или кант стога': полесск. ку́л'ша, кул'ша́, блр. ку́л'ша; 'хромой человек': укр. ку́л'ша, кул'ша́, кул'шу́н, кул'га́, кул'га́вий, кул'а́вий, русск. кульга́, кульга́вый, куля́вый, блр. ку́льша, кульга́вы, польск. kulawy, kulas, чеш. kulhavý, словен. kuljav; 'кривая нога': полесск. ку́л'ша; 'нога (уничижит.)': полесск. кул'ша́; 'кривоногий человек': полесск. ку́л'ша; 'культя': полесск. ку́л'ша, ку́л'шоjу йак кул'шне́!, русск. кульша́, култы́га, култы́ш, культень, культя́, культя́пка; 'калека - безрукий человек': полесск. ку́л'ша, русск. кульпа́, культя́па; 'закрученные волосы': полесск. ку́л'ша, укр. gу́л'а, полесск. верgу́л'а; 'сапожная колодка': полесск. кул'ша; 'гребень, конек крыши': полесск. ку́л'ша.

Кроме того, полесск. верgу́л'а, вергу́л'а, укр. gу́л'а, русск. скула́, укр. ску́ла, блр. ску́ла, словен. skȗla 'опу-

холь, нарыв', болг. скýла 'рана'; полесск. кýл'шат', укр. кул'гáти, русск. кульгáть, култыхáть, кульпáть, блр. кульгáць, польск. диал. kulgać, чеш. kulhati, слвц. kulhat', kul'hovat' 'хромать', словен. kulj 'с искалеченными рогами', блр.-берестейск. накул'áтис'а 'надеть много одежды'. Предположительно, kul-/gul- - обозначали 'кость' и 'нарост, выступ', и прав был А.С. Мельничук, который считал слово кýлышá славянским.

Вернее было бы считать его общим для северославянских и балтийских языков.

И.И. Лучиц-Федорец (Минск)

ПОЛЕССКО-БАЛТИЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ОБЛАСТИ СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

I. Список лексических балтизмов в белорусском языке, в том числе в говорах Полесья, включает ряд названий, относящихся к строительной терминологии. Имеется немало примеров, свидетельствующих о связи полесской строительной лексики с инославянской и балтийской. Так, полесские названия гребня крыши (апоўзіны, верх, вільчык, гара, грэбень, грыва, калдубцы, карыта, канёк, коні, конік, напяг, пакрыццё, пашёўля, параклад, піўзыне, сабачка, спіна, строп, сцэп, хрэбест, хіб, чубок, шчабялек, шчэбет, шчыт) можно соотнести с лексемами из следующих славянских зон: верх - польск. луков., силез. wierzch, в.-луж. wjerch, слц. тренч. vrch, укр. вершок, черногор. површница; вільчык - белор. вільчык, минск. ваўчок - укр. лемк. вовки; гара - смол., пск. гора крыша; грэбень - рус., укр. гуц. гребень, польск. мазов., малопольск. grzebień, слц. hrebeň, чеш. hřeben, болг. гребен; канёк - белор. канёк, витеб. конь, рус. конек; коні - слц. koni; строп - мазов. strop; контаминированное хрэбест (из хрыбет + грэбет, ср. полес. дрыбызьдзе, лит. grebẽstai обрешетка) - хорв. (Крас) hrbat; чубок - польск. лэнч. czub, czubek; шчыт - силез., малопольск. szczyt. Некоторым из них соответствуют балтийские семантические параллели. Ср. спіна-

лит. gūbrỹs 'конек крыши', 'шея у лошади'; грыва, хі́б (< хі́б 'передняя часть хребта у свиньи', 'щетина на хребте') – лит. čiùkuras 'гребень крыши' < čiùkė 'свинья', латыш. čukurs и лит. šerỹs 'конек', 'щетина'. С другой стороны, обращает на себя внимание и родство лексем: лит. sketerà 'холка лошади' и латыш. šķeteri, šķetestra, šķesta 'тонкие жерди на соломенной кровле' с рус. щетина (Фасмер, IУ, 505). Полес. со́лам'е 'бревна на сохах под гребнем крыши' (ср. сев.-белор. шаламя́ 'конек крыши') связано с лит. šelmuõ 'то же' и с серб.-хорв. шљем, сљѐме, шљеме, слн. slême, болг. слемя.

2. В строительной терминологии в названиях жилища (дома) балтизмы отсутствуют; мы их находим в названиях хозяйственных построек и их элементов. Кроме уже упоминавшихся в научной литературе лексем клуня, даржнік, пуня и др., можно отметить такие семантические параллели, как полес. и белор. вышкі 'чердак' – лит. aũkštas 'то же', полес. сторона, старана 'закром', 'сторона' – лит. šalìnė 'то же'.

3. Некоторые из балтизмов или их словообразовательные варианты, возникшие уже на славянской территории (например, кулік, кулык, кулёк плоский снопок соломы, связанный из 3–5 пучков, служащий для покрытия соломенной кровли) занимают Западное Полесье, четко проходя по границе, разделяющей Полесье на две зоны: западную и восточную. Примечательно в этом случае то, что по технике покрытия крыши Западное Полесье тяготеет не к северу, а к западу и юго-западу, входя в ареал, занимающий частично Украину, Польшу и Чехословакию, который, однако, имеет другие названия снопка.

4. Лексическая близость Полесья и Мазовии (Ю. Тарнацкий) сопровождается аналогичным соответствием или близостью народных обычаев и верований, связанных с домом (с выбором места, закладкой дома, новосельем, печью и очагом, с предметами домашнего обихода) у сельского населения Западного Полесья и восточной Мазовии.

Т.М. Судник (Москва)

К СИНОНИМИИ "БЫТЬ" И "ЖИТЬ" В ПОЛЕССКИХ ГОВОРАХ БЕЛОРУССИИ

Синонимия "быть" и "жить", выраженная взаимозаменяемостью этих слов, в пределах белорусского ареала представлена всего отчетливее именно в Полесье. Ее отражают диалектные словари и исследования по диалектной лексике, многочисленные примеры отмечены в материалах Полесских экспедиций Института славяноведения. Толкования "быть" и "жить" совпадают, ср.: бу́ты I. быть, бывать, иметься; 2. жить. Побра́лыс'а, то бу́дут' бу́ты. Чы вмру́, чы бу́тыму. Ja була́ (жила) в Брэ́сц'и; жы́ты I. жить; 2. быть, бывать, иметься. И в на́шуј ла́вцы ровыр'и́ дэ́колы жыву́т'. Молоко́ жывэ́ завси́ды би́лэ. Хлиб чы пы́шка жыву́т' пу́хкы. Ja жыву́ (бываю) ч'а́сто в Брэ́сц'и. (Климчук Ф.Д. Специфическая лексика Дрогичинского Полесья. - В кн.: Лексика Полесья. М., 1968, с. 23, 33). Ожидается и полная взаимозаменимость в одних и тех же контекстах.

Но как раз дистрибутивный критерий обнаруживает характерную особенность этого случая синонимии: невозможность взаимозамены для форм настоящего времени. Неслучайно, что все примеры на "жить" в значении "быть" даются обычно в настоящем времени, ср.: Я часто жыву́ [бываю] ў Туровi. Завшэ так жыве́: орэцца на двое гоней. Весной вода скрозь жывэ́ тут. Мясоед жыве дзевець недзель. Мабуць, вон і жыве ў капліцы, той крэст и т.д. (Крывіцкі А.А., Цыхун Г.А., Яшкін І.Я. Тураўскі слоўнік. Т. I, 2. Мінск, 1982). В этих и подобных контекстах невозможна подстановка е́сцека (наст. вр. от буць): формы от жыць передают дуративное значение, форма же е́сцека семантическим признаком длительности не обладает. Наблюдается, таким образом, дополнительное распределение, когда формы от "жить" включаются в парадигму "быть", где тем самым создается оппозиция длительных форм настоящего времени. Ср. также другое ограничение субституции - "жить" не заменяет "быть" в копулятивной функции.

Это явление может быть сопоставлено с другой диалектной особенностью функционирования глагола бытия в белорусском - использование "быть" в значении "жить" в некоторых северо-

западных говорах, соседящих с Литвой (Островецкий и Сморгонский р-ны Гродненской обл., Мядельский р-н Минской обл.). В этих говорах в последнее время выявлена особая супплетивная парадигма глагола быць – наряду с обычной, обобщенной для всех лиц презентной формой есць здесь употребляются спрягаемые формы настоящего времени от основы буд-, имеющие ударение на флексии: I ед. буду́, 2 ед. будзе́ш, 3 ед. будзе́ (-ць), I мн. будзё́м, 2 мн. будзіцё́, 3 мн. буду́ць. (настоящее и будущее различаются акцентной альтернацией ударение на флексии ~ ударение на корне, ср. буд. вр.: бу́ду, бу́дзіш, бу́дзя, бу́дзім, бу́дзіця, бу́дуць). Ср., например: буду́ пры дацчэ 'живу при дочери'; буду́, як гарох пры дарозе 'живу, как горох при дороге'; мядзведзь у мярлагу́ будзе́ 'медведь в берлоге находится'; рабіны ягады буду́ць дробныя 'ягоды рябины бывают (обычно) мелкие'; хлеб на стале будзе́, то німа чаго бога ў лес гнаць 'хлеб на столе есть (постоянно), так нечего бога в лес гнать' (Гервяты Островецкого р-на Гродненской обл.). Оппозиция ёсць: наст. вр. от буд- сводится к следующему функционально-семантическому распределению: ёсць выступает в роли связки и **verb. subst.**, тогда как формы от буд- только в роли **verb. subst.**; бытийные значения этих форм различаются по признаку длительности/недлительности.

При смежности указанного ареала с литовским и, тем более, при наличии живых языковых контактов (белорусско-литовское двуязычие в ряде относящихся сюда пунктов) можно не сомневаться в прямой связи этого явления с литовской парадигмой глагола бытия. Формальное противопоставление двух функционально-семантических планов быць в белорусском, выраженное супплетивной парадигмой настоящего времени, представляет точное типологическое соответствие соотношению **yrà** (связка или **verb. subst.** без значения длительности) и форм презенса от основы **bū- (verb. subst.** со значением длительности): **bū-vù, bū̃vì, bū̃vam, bū̃vat, bū̃va** (Гервяты и др.). (Ср. схожее соотношение в ст.-лит. между **yrà** и **ẽsti**, по наблюдениям Станга).

Полесская парадигма глагола бытия может рассматриваться как продолжение указанной северо-западнобелорусской. Она сохраняет ту же грамматическую модель супплетивных отношений, выражающих видовые различия в плане настоящего времени (и

оппозицию verb. subst.: copula), вводя лексическую инновацию – длительные формы от синонимичного экзистенциального глагола.

А.Е. Супрун (Минск)

ИЗ ПОЛЕССКО-ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ИЗОЛЕКС

1. Уже обращалось внимание на наличие интересных схождений между лексикой Полесья и лексикой южнославянских языков (Н.И. Толстой, Г.А. Цыхун). К описанным изолексам можно добавить еще некоторые.

2. В Полесье зафиксирована лексема <u>зýбéль</u>, <u>зýбяль</u>, <u>зýбля</u>, <u>зýблэнь</u>, <u>зубúло</u>, обозначающая приспособление для подкуривания пчел. Соответствующие лексемы засвидетельствованы на славянском Юге: серб.-хорв. <u>зу̏бља</u> и словен. zúblja 'факел'. Еще Миклошич сравнивал эти слова с лит. žiburỹs, связанным с žibéti 'блестеть, излучать свет' (Безлай). Скок указал германские параллели: ст.-исл. kafli 'полено', нем. Kabel 'приготовленное дерево', возводя к и.-е. *g'ebh- 'кусок дерева'. Однако для объяснения славянского *u ожидалось бы и.-е. *ou. Независимо от и.-е. этимологии полесско-южнославянское схождение представляет интерес для реконструкции праславянского лексического фонда.

3. Полесск. <u>зорúты</u> 'сжечь зерно на солнце', <u>зорúтысь</u> 'доспевать', 'загорать' тоже имеет южнославянские параллели: серб.-хорв. <u>зòрити</u> 'стать зрелым', словен. zoríti 'делать спелым'; имеется и русская диалектная параллель <u>зóрить</u> 'оставлять на корню для дозревания'. Здесь ясно, что речь идет о том же корне, что и <u>зреть</u>, но с иным вокализмом (*zьr-/*zor-), восходящим к и.-е. *g'er-. Полесско-южнославянская изолекса интересна отражением аблаута в этом корне.

4. Некоторые полесско-южнославянские параллели имеют лексические соответствия и на других славянских территориях, в частности, русской, украинской, чешско-словацкой. Таков характер лексем <u>жэнь</u> 'приспособление для подъема бортников на ствол дерева', <u>задарга</u> 'край', <u>зноіць</u> 'подстрекать' и некот. др.

5. Полесско-южнославянские параллели следует рассматривать в контексте соображений о представленности праславянского лексикона в различных регионах современной Славии.

Г.Ф. Вешторт (Минск)

СВЯЗЬ ПОЛЕССКОЙ ЛЕКСИКИ С ИНОСЛАВЯНСКОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ ПИЩИ)

I. Приблизительно II% названий пищи, зафиксированных на территории Припятского Полесья, составляет общеславянская лексика и лексика, реконструируемая как праславянская. Подавляющее большинство общеславянских лексем является общеполесскими: абед[I], полудзень, каша, пшано, крупа, поліўка, хлеб, каравай, калач, акраец, прэсны, малако, малозіва, смятана, сыр, юха, варыва, квас, расол, боршч, сала, лой, тук и др. Из общеславянских лексем известны только в западном Полесье - палющіна, западно-центральном - палютка, центрально-восточном - сыта, патака, прасол, цэд, в центральном - сера. Часть общеславянских лексем в группе лексики пищи представляет собой семантические инновации, одни из них можно отнести к праславянским - верх 'сметана', галава 'кочан капусты', другие являются более поздними - ропа, скрыль, скрыдзелак, гушча. Некоторые лексемы, реконструированные как праславянские, отсутствуют в говорах Припятского Полесья: *juzinъ, *za(j)utrъkъ, *kruxъ, семантический праславянизм *zelje 'капуста'.

II. Северославянские лексемы составляют сравнительно небольшую группу: снеданне, крупнік, кісель, смажыць, тварог, бабка, пірог, налíснік, юшка, палойка. Ряд лексем относится к польско-восточнославянским: скорам, здор, лямешка, паляніца, падпалак, саладуха, булка, локшыны, паска, саламаха, клецкі. В основном это общеполесские названия, но сюда

[I] Полесские лексемы здесь приводятся в варианте, приближенном к литературному белорусскому.

же относится и западно-центральная лексема балабуха, и центрально-восточная кваша. Лексемы зацiрка, верашчака, западнополесские тлустасць и шчолак известны белорусским и польским говорам. Особо следует назвать группу польско-украинско-белорусских лексем среди общеполесских: засмака, выскрабак, патрава, скалка, рошчына, кiндюк и др. и среди западно-центральных: каплун, асушак, падвячорак. Только в центрально-восточных и восточных полесских говорах известны некоторые лексемы из польского языка, проникшие сюда из других белорусских говоров: пернiк, лазанкi, ворак, руляда, вянглiна и др.

В западных и западно-центральных говорах отмечено наибольшее количество соответствий с польскими, западнобелорусскими и западноукраинскими говорами: кiшка 'кровяная колбаса', студзянец, кашанка, кроiць, вендзолiна, шперка, акраса и др.

В западнополесской лексике зафиксирована польско-словацкая параллель асушак 'сухой блин' - польск. osuch - словацк. osuch 'то же' и словацкие: вобмачка 'мочанка из творога' - словацк. omačka, скрыль 'половина кочана' - словацк. skrižal 'то же', скрушак 'обрядовая булка' - словацк. skrušok 'то же', печанка 'буханка хлеба' - полабск. picán слова́цк. peceň 'то же'. Центральнополесское название аколiца 'кусок хлеба' имеет соответствие в словацком и нижнелужицком языках, западнорусское аколка 'то же'.

Общие с восточнославянскими лексемы в основном являются общеполесскими: перапечка, галубцы, кiпяток, аладка, вылiвак, зносак, падонкi, свежына и др. Среди общеполесских лексем отмечается ряд общих с белорусскими (закраса, картаплянiк, крышан, паранка, хрушчык, салёнiкi) и украинскими (аcяленец, рэзанка, глiзавы, патапцы). По количеству лексем в общеполесской лексике большая доля общих с белорусскими, чем с украинскими. В центрально-восточных и центральных говорах выделяется группа восточнославянских лексем: затаўка, каўрыга, скавароднiк и др. Из восточнославянских языков следует отметить белорусский язык по связям с центрально-восточными и восточными полесскими говорами (дранiк, падмазка, рулi, сечанка, [illegible]iзы, паронкi, пастаялка, канюшы, абертка и др.). Часть из этих лексем известна и северным украинским говорам.

Большей близостью к украинским говорам отличается центральнополесская группа.

Ш. Лексемы, общие с южнославянскими языками в большинстве случаев реконструировались как праславянские. Приведем отдельные параллели с южнославянскими языками: западнополесские: агульнік 'каша из тертого картофеля' - болг. гульник 'пирог с капустой', гібанік 'род пирога' - словенск. gibanica 'пирог' - болг. макед банища 'то же', стругаць 'тереть картофель на терке' - чешск. strouhati - сербск. стругати, болг. стържа 'то же'; центральнополесские: плячо 'лопатка туши' - сербск. плећка 'то же', валога 'взвар из конопляного семени' - словенск. vlága 'суп, соус',ператоп 'топленое свиное сало' - сербск. претоп 'то же' и др.; центрально-восточнополесские: глізавы 'непропеченный (о хлебе)' - болг. клисав 'недопеченный или неукисший (о хлебе)' - укр. жит. глизький 'то же'; для центрально-восточных полесских говоров следует отметить ряд семантических параллелей с южнославянскими языками.

В.В. Шур (Мозырь)

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПОЛЕССКОЙ ЖИВОТНОВОДЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ

В животноводческой лексике белорусского Полесья представлены слова русского происхождения: нецель, пасьбішча, патбішча, перадойка, первацёлка, свінаматка, стрыгун, храк; тюркизмы: баран, бугай, вогір (огер), кабан, кабанец, лаша, лашак, лашаня, лашачок, лашыцка, чарга, тавар, таварына, табун; полонизмы: быдла (будло), быдліна, кнораз, кнур, мацёра, стаднік, рошняк (рочняк). Еще в начале нашего столетия известный исследователь Полесья Ч. Петкевич обратил внимание на дифференцированный характер употребления слов бугай и стадник в говорах восточного Полесья: полонизм стадник наиболее характерен для языка шляхты и почти не употребляется в речи крестьянства. Дифференциация в употреблении слов бык, бугай, стадник наблюдается и теперь: стадником, как правило,

называют племенного быка, который постоянно находится в стаде, а бугай употребляется для обозначения племенного быка, которого содержат взаперти, на цепи. Подтверждением того, что слово стадник – заимствование, служит его семантическая разноплановость в белорусских говорах: 'племенной бык' (Глусчина, Мозырщина), а в витебских и могилевских говорах – 'человек, ухаживающий за стадом', а также 'собака, помогающая пастуху' (Носович, Добровольский). В древнебелорусском языке стадник также употреблялось в двух значениях: 'племенной бык' и 'племенной жеребец'.

В польском и украинском языках стадник выступает в двух значениях: 'производитель' (бык или жеребец) и 'пастух'. В говорах русского языка стадником называют человека, ухаживающего за скотом, а также пастуха (Даль).

Тюркизм бугай в восточнославянских языках имеет значения: 'племенной бык' и 'птица, обитающая на болоте, выпь'. О проникновении слова бугай из тюркских языков в белорусский через посредничество русского и украинского языков свидетельствует его лингвогеография: оно широко известно в юго-восточных (полесских) говорах Белоруссии, которые непосредственно соприкасаются с русскими и украинскими говорами, и менее употребительно на западе и севере республики.

Тюркизмы лаша, лашаня, лашак, лашачок, лашыца, вытеснившие в полесских говорах Белоруссии славянские названия жеребенка (жереб, жеребец), также не встречаются в центральных белорусских говорах и на севере республики.

В.М. Куриленко (Глухов)

К ДИАЛЕКТНОЙ СПЕЦИФИКЕ ВОЛЫНСКОГО ПОЛЕСЬЯ
(на материале животноводческой лексики)

При определении области формирования славянской этнической общности многими исследователями отводится особое место западным районам Полесья. Их восточная граница по Горыни – Припяти – Ясельде установлена еще в 1939 году на базе лексики (И. Тарнацкий), а позже подтверждена археологическим материалом (Ю.В. Кухаренко).

Проведенное нами картографирование животноводческой лексики украинского Полесья выявляет для многих терминов значительно более узкий ареал, ограниченный районами, непосредственно примыкающими к верховьям Припяти, и бассейном ее волынских притоков (Выжевка, Турья, Стоход). На востоке границей их распространения является русло Стыри.

Этот регион характеризуется целым рядом лексических и словообразовательных особенностей на полесском диалектном фоне: го́мочка – р'а́жанка, ра́жанка, ра́д'анка, па́ренка, па́ранка, пару́ха, парену́ха, запа́ранка, паро́ха, пару́нка 'квашеное топленое молоко'; ла́йа, ле́йа – т'е́чка, ти́чка, гайн'а́, го́йн'а, гу͡онка, ро́йа 'свора собак'; шчи́тка, шче́тка, шчо́тка – ми́чка, ме́чка, му́чка 'прядь волос над задней частью копыта у лошади'; ц'о́н'а – ко́с'а, ко́ник 'лошадь' (детские названия); рего́че, рого́че, реготе́т', гоготе́т' – рже, риже́, ржет', рж'ет' 'ржет' (о лошади); хро́кче, хро́кайе, гро́кайе, хре́кайе, хре́кайец'ц'а, хро́кайец'ц'а, хру́кайе, хр'у́кайец'ц'а – гуде́, гуд'е́, гуд'е́т', гу́кайе, гу́кайец'ц'а (о свинье); хребе́сниц'а, хрибе́сниц'а, хриб'е́сниц'а, хриб'а́сниц'а, хробйа́сниц'а – хребе́т, хрибе́т, хриб'е́т, хрепе́т, хребе́р 'позвоночник'; костома́ха, костама́ха, костума́ха, кустума́ха – кост', кист', кисц', ку͡ост', ку͡осц', ко́стка, ки́стка, ку́стка, к'е́стка, ку͡остка, ку́истка 'кость'; пе́рси, пе́рса, перс' – пе́рсти, персти́, пе́рста, перста́, перст', пе́рсц', пе́рстен', спе́рсти, запе́рсц'а, п'ерсн'а́ 'передняя часть туловища лошади'; жваку́йе – жуйе́ жу́йку, жуйе́ жйа́ку, жуйе́ жуйа́ку, жуйе́ жва́ку, жуйе́ жва́чку, жуйе́ жова́ку, жуйе́ жува́чку, жуйе́ жва́йку, жве жва́чку 'вторично пережевывает пищу' и т.д. (первая часть каждого противопоставления волынско-полесская).

Ярко выраженная диалектная обособленность верховьев Припяти и ее притоков, расположенных в междуречье Западного Буга и Стыри, свидетельствует об особой роли этой территории в процессе этногенеза славян независимо от того, было Полесье их прародиной или являлось только примыкающей к ней периферийной зоной.

О.А. Могила (Киев)

ПОЛЕССКИЕ РЕГИОНАЛИЗМЫ В МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ

I. Среди специфической метеорологической лексики украинского Полесья часть лексем имеет небольшие, но четко выраженные ареалы, другие – фиксируются в говорах отдельных пунктов. Например, названия гололеда: о́бл'іве́н' (северные районы Киевской области, спорадически восточнополесские говоры), обліва́ка (восточное Полесье); туч: па́ма, па́мег, по́мйах (север Житомирского Полесья, территория вдоль Горыни), скви́ра (восточная часть среднего Полесья), пламе́та (западнополесские говоры), су́хмарок (Копачи Кв), пу́тхмарок (Кузьмовка Рв), бу́хмарок (Щедрогор Вл), пере́хмарк'і (Новые Боровичи Кв); 'радуга': коро́ми(і)сло (спорадически среднее Полесье), гра́дов'іца (Олевский р-н Жт), гра́духа (Залазье Вл), водопо́й / вод'ан'і́к (Берестье Рв); 'сосулька': цу́рбалка, цу́рка, цуру́балок, цуру́л'ка (Овручский р-н Жт), ка́пеж (северо-восточная часть среднего Полесья), ке́т'ах (Залазье Вл), пац'о́рки (Емильчинский р-н Жт); 'лед на речке': суто́н (север Житомирского Полесья), пйа́тро (среднеполесские говоры вдоль границы с БССР); 'молния с громом': скала́ (Жеведь Чнг, Карпиловка Кв, Пульмо Вл); 'зима, когда снег падает на незамерзшую землю': пр'і́сна зима́ (территория вдоль Горыни, север среднего Полесья). Многие из этих лексем, не известных в других украинских говорах, имеют параллели в белорусских полесских диалектах, например, о́бл'івен'; па́мёг, по́мйах, пере́хмарки, су́хмарок; гра́давица, граду́ха, коро́мис'ел; ка́пеж, цу́рка; скала́. Некоторые названия имеют параллели в южнославянских языках: схв. суто́н 'сумерки', цу́рити 'течь, вытекать'.

2. Многие метеорологические названия мотивированы народными верованиями и могут быть объяснены лишь на их основе. Например, названия вихря: в'і́д'ма іде́ (Савинки Чнг), в'і́д'ма за́муж іде́ (Чернобыль Кв), змейа́ кру́тит (Савинки Чнг), чорт кру́тит (спорадически среднее и западное Полесье), чорт хвосто́м кру́тит (Трояновка Вл), чорт йі́де об'і́дати (Шепель Вл), чорт схвати́йус'а / чорт полет'і́у (Залазье

Вл), недобрий летит (Карпиловка Кв), лихач (Доротище Вл); названия радуги: смок, цмок (спорадически западное Полесье), св'атка (Старая Мощаница Рв), короми(і)сло (спорадически среднеполесские говоры). Как правило, указанные названия в системе того или иного говора функционируют параллельно с другими, шире распространенными терминами вихор, веселка, райдуга.

3. В основе номинации ряда метеорологических терминов лежат народные приметы. Особенно много таких примет связано с молнией без грома. Представлением о том, что такая молния предвещает сухую теплую погоду, мотивировано восточнополесское название сухав'ей, а также словосочетания маланка сухав'ейнайа, суха маланка, суха мигаука. Согласно народным верованиям, молния без грома выпаливает целые посевы гречихи, а также ядра орехов: маланка палит'гречку або ць'іетит', бо вана мигайе тод'іе, коли цв'іте гречка (Зметнев Чнг), ориехи[і] попали[і]ла маланка (Стольное Чнг). Отсюда и названия ар'іхава маланка (Гнатовка Чнг), гречкосмал (Слоут Сум). Ср. также семантическую трансформацию, свойственную полесским говорам: зиговиця, маланка 'молния без грома' > зиговиця, маланка 'пустой орех'.

Ф.И. Бабий (Луцк)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ СРЕДНЕГОРЫНСКОГО БАССЕЙНА
(на материале названий одежды и обуви)

Лингвогеографическое исследование названий одежды, обуви (162 карты с сеткой - 199 нас. пунктов) выявляет в среднегорынском бассейне (территория современной Ровенской обл.) следующие изоглоссные зоны: I. правобережногорынская, 2. левобережногорынская, 3. стырская (северо-западная), 4. припятско-ствижская (северная), 5. горынско-случская, 6. иквостубельская (северо-западная) и др.

Эти зоны выделяются на основании следующей терминологии: I зона: ластка и др. названия с корнем ласт 'заплата'; моршчуни 'плетеная обувь из кожи'; пе[и]тел'ка 'петля'; 2 зо-

на: подбиўўка 'подкладка'; складка 'сборка'; круже^и во 'кружево'; обрус 'скатерть'; 3 зона: наложити 'надеть'; спідн'а 'юбка из холста'; нагавиц'і 'мужские брюки'; прорізка 'петля'; закручуванка 'женский платок больших размеров'; коленшчина 'домотканое полотно'; однополка 'самодельная простыня'; маціок 'зимний черный шерстяной платок'; покри^е вало 'покрывало'; партовина 'полотняная скатерть'; разкач 'полотенце, сделанное из последнего куска полотна'; горен' 'разноцветные вышивальные нитки'; 4 зона: андарак 'юбка из особого домотканого сукна'; домоткан 'разновидность женской полотняной юбки'; кацавейка 'женская безрукавка'; с'ірак 'пиджак из домотканого сукна'; курта то же; обуў - общее название обуви: деревйанки 'обувь на деревянной подошве'; рез'іноўци 'резиновые сапоги'; истопки 'комнатные тапочки'; козирка 'картуз'; косник 'цветная ленточка'; п'ірнач 'перина'; зачав'ес-ка 'занавеска для окон'; йас'ік 'маленькая вышитая подушечка': 5 зона: к'ідл'а 'юбка из домотканого полотна'; гл'адо 'маленькое зеркальце'; майна 'женское летнее платье'; козат'ін 'женская вышитая безрукавка'; зас'т'ожка 'петля'; кутаси 'бахрома'; заматанка 'большой женский платок'; сирник 'мешочек для сыра'; 6 зона: димка 'женская юбка из полотна'; рабчак 'рядно'; карал'і 'бусы'; мул'іне 'цветные нитки для вышивания'; ворок 'мешочек для сыра' и др.

Кроме того, есть карты, которые показывают четкое размежевание северной (полесской) и южной части Ровенской обл.: обуў - взут':е; п'ірнач - пе^и рина 'перина, пуховик'.

Третья и четвертая зоны на севере имеют свое продолжение в соседних белорусских говорах (см. ДАБМ, карты №№ 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330), а на востоке - в говорах житомирского Полесья (см. лингвистический атлас Никончука Н.В.), четвертая зона - в говорах Закарпатской обл. (см. Атлас И.А. Дзендзелевского, I-II, карты №№ 153, 155, 157, 158, 159, 162, 163). Однако основные пучки изоглосс проходят в направлении из севера на юг по р. Горынь (иногда с некоторым отклонением влево или вправо), разделяя белорусское и украинское Полесье на две части - западную и восточную. Кроме этого, р. Горынь членит украинское Полесье на среднее (правобережное) и западное (волынско-надбужское).

И.А. Дзендзелевский (Ужгород)

ТРАДИЦИОННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЛЕКСИКЕ ГОВОРА С. ЗАЛЕСЬЕ КОБРИНСКОГО Р-НА, БРЕСТСКОЙ ОБЛ.

Берестейские говоры в силу известных обстоятельств (как говоры давней формации, латеральные, издавна контактирующие с соседними восточнославянскими и польскими, а в прошлом и балтийскими говорами) представляют большой интерес для славистики во многих отношениях и планах.

Одной из важных проблем изучения этих говоров является выявление их древних лексических пластов с учетом общеполесского и общеславянского архаического лексического фонда.

Предлагаемый доклад подготовлен на материалах, собранных автором в июле 1964 г.

I. Традиционные лексические элементы: ве́род 'небольшой прыщ' (др.-рус. вєрєдъ, врѣдъ); ви́шки pl. t. 'чердак в сарае' (др.-рус. вышька); войе́ с. р. 'дышло, главная часть сохи од ручек до ярма' (< прасл. *oje); жеребйа́, р. ед. жеребйа́ти 'жеребенок' (др.-рус. жєрєбѧ); коло́шва 'штанина'; л'í́т'ус', л'í́тос', вл'í́т'ӱс', вл'í́тус'а 'в прошлом году' (др.-рус. лѣтось 'в этом году'); мни́го 'много' (др.-рус. мъного); ні́ґде 'никогда' (др.-рус. нигдѣ, никъде); попри́ц'а 'железная планка в верхнем жорнове, в лунку которой входит верхний конец веретена, вращающего жорнов'; пӱ́жн'а 'стерня' (др.-рус. пожьня 'нива, пашня, луг, сенокос'); свíст' ж.р. 'жена сестры' (др.-рус. свѣсть); скӱп, р. ед. скопа́ 'кастрированный баран' (др.-рус. скопьць 'скопец, оскопленный); хоро́ми pl.t., р.п. ко́ло хорӱ́м 'хозяйственные помещения (клӱ́н'а, хл'íв и др.)' (др.-рус. хоромъ 'дом, строение'); этимологически связано с хоронити; ср. предположение М. Фасмера, что хоромъ, *xormъ в древности означало 'деревянное строение' и др. Сюда же, вероятно, следует отнести и лич м. р. 'свиное рыло'; кал 'грязь, болото после дождя'; кали́ти 'белить, делать побелку'; сото́ка 'соединение, место соединения' и др. По-видимому, еще совсем недавно в исследуемом говоре употреблялось слово шолом со значением 'шлем', 'шапка' (?); ср. бытующее здесь шоломо́к, р. ед. шоломка́ 'колпачек в керосиновой лампе (др.-рус. шеломъ, шоломъ) и широко извест-

ное в других украинских говорах ша́почка 'колпачек в керосиновой лампе' и др.

П.А. Михайлов (Минск)

О ПРИНЦИПАХ СОСТАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ОНОМАСТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

I. До сих пор ономастической лексикографии не уделялось достаточного внимания (Р. Шрамек. Теоретические и методологические принципы составления славянских ономастических словарей). При составлении ономастиконов вошло в практику перенесение методов апеллятивной лексикографии на ономастическую (к примеру, обычное алфавитное расположение имен). Однако это создает немало проблем, особенно при практическом пользовании словарем.

2. При сборе диалектного материала для "Туровского словаря" и будущего диалектного микроатласа Туровщины большое внимание уделялось ономастике - регистрировались микротопонимы, гидронимы, антропонимы и другие собственные имена.

3. В соответствии с проспектом ономастический материал не включается в корпус апеллятивной лексики, а будет дан отдельно в заключительном 5-ом томе словаря. Ономастическую часть словаря предполагается разделить на два раздела: топонимический и антропонимический. Кроме того, решено расчленить названные разделы ономастики на более мелкие структурно-тематические группы собственных имен, каждая из которых соответствует географическому типу объекта (т.е. названия озер, рек, полей, лесов, болот и т.д.). Внутри этих структурно-тематических групп имен материал будет расположен в алфавитном порядке.

4. Словарная статья будет иметь следующую структуру: I) заглавное слово и его варианты (в той упрощенной транскрипции или транслитерации, в какой это принято для всего словаря в целом); 2) грамматическая характеристика (часть речи, род); 3) различные сведения об объекте (характеристика объекта, легенда, объяснение происхождения имени, записанные

от местных жителей и т.д.); 4) населенные пункты, в которых зарегистрировано собственное имя.

5. В заключение будет дан общий индекс всех зафиксированных собственных имен. Такой способ представления ономастики в словаре, на наш взгляд, наиболее рационален и удобен. Словарь может послужить базой для создания общенационального ономастического словаря.

Е.А. Черепанова (Сумы)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ СОСТАВНЫХ МИКРОТОПОНИМОВ ЧЕРНИГОВСКО-СУМСКОГО ПОЛЕСЬЯ

Доклад основан на материалах составленного автором словаря микротопонимов Черниговско-Сумского Полесья, насчитывающего 7600 названий. Обследовано 295 сел.

В микротопонимии Черниговско-Сумского Полесья представлены все известные в восточнославянских языках способы образования микротопонимов. Около 50% микротопонимов составляют наименования - словосочетания.

Ниже рассматриваются лишь микротопонимы-словосочетания, включающие местные географические термины. Они представлены следующими моделями: "прилагательное + существительное" (Рудоманський Шлях, Грузький Яр, Зобове Провалля, Глибокий Став и др.), "числительное + существительное" (Перший Поділ, Другий Поділ, Перший Кут, Другий Кут), "прилагательное + прилагательное + существительное" (урочища Дальній Петрушин Яр, Ближній Петрушин Яр), "существительное + предлог + существительное" (болото Імшара на Розкосах), "прилагательное + прилагательное" (урочище Забродне Маленьке, Забродне Велике), "числительное + прилагательное" (урочища Перше Високе, Друге Високе) и др.

В словосочетаниях "прилагательное + существительное" выделяются две разновидности: в одних существительное - географический термин указывает на называемый объект (Велике Болото, Малий Лог, Горілий Ліс, Крута Гора, Гришаїв Покіс, Веселі Бугри); в других - существительное не определяет ви-

довой принадлежности объекта (болото Гусова Лоза, лес Хомутові Лужи, поле Давидові Бугри и т.д.). В словосочетаниях первого типа адъективный компонент выполняет дифференцирующую функцию (ср.: названия болот в Н. Яриловичах Репинск. р-на Топило, Довге Топило, Велике Топило, Мале Топило). В словосочетаниях второго типа адъективный компонент может быть прилагательным качественным (поле Густі Верби, урочище Довгий Шпиль, озеро Великий Кружок), относительным (урочище Березове Болото, поле Запольний Клин, озеро Глиняний Верх) или притяжательным (луг Павлушина Стінка, болото Перекопів Закоп и др.), а субстативный компонент может указывать на характер грунта (урочище Білий Пісок), характер растительного покрова (болото Горбачова Лоза, Зелений Мох, Горілий Мошок, лес Дегтярівський Альох и др.), рельеф местности (луг Глибока Лощина, урочище Сорокин Бугор, лес Дегтярський Лог и др.), гидрорельеф местности (луг Дякова Забока), форму объекта (лес Косий Клин, луг Бульдонові Штани и др.), способ возделывания почвы (поле Мамонтів Розтереб, лес Денисів Поруб и др.).

Как правило, определяемому слову предшествует определение (Попова Уруга, Царский Уборок, Кругла Амшара), обратный порядок наблюдается реже (болото Амхуні Великі, Амхуні Малі, поле Гора Цішана, лес Сукач Великій, Сукач Малій). То же наблюдаем в сочетаниях существительного с порядковым числительным (Перша Загорода, Друга Загорода, Третя Загорода; но Рудочка Перша, Рудочка Друга, Рудочка Третя и др.).

Названия-ориентиры, построенные на модели "предлог + прилагательное + существительное" находятся в стадии перехода из нарицательных в собственные имена (поля Коло Великого Кружка, Коло Малого Кружка, Коло Солонівського Ярка, Коло Козловского Ярка). Составные наименования с существительным в родительном падеже (собственным именем или нарицательным) немногочисленны: Кружало Синичина, Ямка Гузейкина, Долина Смерти, поле Шия Івана Івановича Климова.

Р.М. Козлова (Гомель)

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ГИДРОНИМОВ БАССЕЙНА ДНЕПРА

В докладе предпринята попытка обосновать исконность происхождения некоторых гидронимических названий бассейна Днепра (Кичета, Кокоть, Чечера, Чечотка, Корма, Корса, Скородка, Череса, Щерек и др.), квалифицированных или как неславянские или как не вполне ясные.

Анализ славянских производных от индоевропейских корней *(s)ker- 'крутить, вращать, сгибать' и *(s)kek- 'гнуть, сгибать' позволил выявить ряд лексических единиц, с которыми можно соотнести многие ономастические названия, в том числе и гидронимические. Данные корни в праславянском языке реализовались в различных апофонических вариантах е-ряда и о-ряда и распространялись детерминативами -d-, -k-, -m-, -s- и др. В основе семантики апеллятивов с этими корнями лежит признак изогнутости, разветвления, выступа, что объясняет перенесение их в сферу гидронимии.

I. К гидронимам, включенным в гнездо *(s)ker-, принадлежат, на наш взгляд, Корма, Корочка, Корса, Корсунка, Корчик, Корчинка, Скородка, Череса, Щерек и др. Рассмотрим подробнее один из них.

Гидроним Корма (на территории Белоруссии слово широко известно как ойконим и микротопоним[1]) бесспорно, продолжает праслав. *kъrma, генетически связанное, по мнению И.П. Петлевой, с и.-е. *(s)ker- 'резать', для которого восстановлено первичное значение 'часть ствола, жердь, палка' с последующей эволюцией 'рулевое весло' ⟶ 'корма'[2] и с которым словообразовательно связаны праслав. *kъrmyslъ и *kъrmyga[3]. Однако праслав. *kъrma можно истолковать иначе: это слово является продолжением ступени редукции *kr- < и.-е. *(s)ker- 'крутить, вращать, сгибать', расширенной детерминативом -m-. Генетическую прикрепленность данного праславянизма к и.-е. *(s)ker- 'крутить, вращать, сгибать' доказывают многие его рефлексы, в семантической структуре которых содержится признак изгиба, ответвления, выступа: блр. диал. карма 'заводь в форме рукава', 'выступ суши в виде полуострова, который

врезается в болото' (Яшкін, 89), русск. диал. кормица 'гибкий прут, из которого делают петлю', кормыш 'название большой косы в реке' (СРНГ, I4, 337, 340) и др. Предложенное этимологическое истолкование, как и факт перенесения подобных апеллятивов в сферу гидронимии, подтверждается названиями типа Ветка, Билы, Рассоха, Соха и др.

2. Ряд гидронимических названий днепровского бассейна включается в гнездо *(s)kek- 'гнуть, сгибать': Кичета < праслав. *kyčeta, Кокоть < праслав. *kokotь, Кочерга < праслав. *kočerьga, Кочережье < праслав. *kočerьžьje, Чеча < праслав. *čeča, Чечена < праслав.*čečьna, Чечера < праслав. *čečera, Чечотка < праслав. *čečetъ, Щекотовка < праслав. *ščekotь и др. Данные названия соотносились с апеллятивами с исходными значениями 'изгиб', 'нечто согнутое, скрюченное, крюк' и под.

---

[1] Яшкін І.Я. Беларускія геаграфічныя назвы. Мінск, 1971, с. 90; Рапановіч Я.Н. Слоўнік назваў населенных пунктаў Мінскай вобласці. Мінск, 1981, с. 127.

[2] Петлева И.П. Этимологические заметки по славянской лексике. IV. - В кн.: Этимология. 1974. М., 1976, с. 29.

[3] Трубачев О.Н. Наблюдения по этимологии лексических локализмов (Славянские этимологии. 48-52). - В кн.: Этимология. 1972. М., 1974, с. 40-41.

У. ЭТНОЛИНГВИСТИКА

П.Е. Гриценко (Киев)

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАСОСТОЯНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ

При изучении лексики Полесья внимание преимущественно уделялось денотативному значению лексем; до недавнего времени вне поля зрения оставалось многообразное функционирование лексем как вторичных номенов, как элементов обряда, в фольклорно-мифологических контекстах. Учет этнолингвистического аспекта семантики лексем дает иную картину ареального членения исследуемой языковой области. Традиционно за ареальной лексической оппозицией видят прежде всего дифференциальные особенности оппозитов; интегральные особенности не исследуются или же элиминируются как несущественные, хотя последние зачастую вскрывают новые отношения между диалектными зонами.

Так, зап.-полесск. ро́сит' 'цветет (о ржи)', стоящее особняком среди ареальных соответствий цвiте́ (+варианты производных от květ-), красу́йеца (+ варианты от kras-), ма́йе, ро́бит', ру́нит', брини́т', становится ясным в отношении мотивированности, если учесть этнолингвистический фон ареальных оппозитов. Связи между понятиями (-семемами) цветет рожь - полудница / русалка - радуга - реалии свадебного обряда (символы целомудрия, продолжения рода) реализованы в основе kras- и прослеживаются в принадлежности к единому деривационному гнезду ряда производных (кра́снi 'русалки', кра́с'а, кра́ска, красу́ха, красу́на́, кра́сна дiвка, кра́сна па́нi 'радуга', крас 'целомудрие', покра́са 'ржаной сноп, отложенный до свадьбы, который на свадьбе кладут в красный угол, а обмолачивают после брачной ночи', краси́ти рiд 'извещать родственников о целомудрии невесты'). Эти деривационные связи подтверждаются и типичными для славян комплексами представлений: цветет рожь - появляются полудницы / русалки; радуга - гадание об урожае; радуга - свадьба; радуга - изменение пола, плодородие; ржаной сноп/ обсыпание - свадьба, плодоро-

дие. Отрывочные сведения вост. слав. диалектов позволяют восстановить основной репертуар лексем и значений, восходящих к ros-: роса́лка, руса́лка 'русалка', роса́лка, росе́лка, руса́л(ў)ка 'радуга', роса, ряса 'целомудрие' (А. Потебня - для вост. и юж. слав.), росу сеять 'игры молодежи - выбор невест' (русск. Поморье - Т. Бернштам), зрясит' коровай - то же, что и красити ріл. Параллелизм семантического и деривационного развития основ kras- и ros- свидетельствует о значительной интегральности этих ареальных оппозитов. Этнолингвистический аспект анализа ро́сит' 'цветет (о ржи)' дает основания причислить эту лексему к полесско-южнославянским параллелям.

П.Ф. Романюк (Житомир)

ОБРЯДОВОЕ ДЕРЕВЦЕ В ПРАВОБЕРЕЖНОПОЛЕССКОЙ СВАДЬБЕ

Один из атрибутов свадебного обряда правобережного Полесья (как и вообще украинской свадьбы) - небольшая ветка или верхушка дерева, украшенная цветами, колосьями, лентами и пр., которая встречается в подавляющем большинстве сел региона. Украшение свадебного деревца в одних населенных пунктах происходит у невесты, в других - у жениха, в третьих - и у жениха, и у невесты, причем делают его всегда девушки или женщины.

На исследуемой территории употребляются разные лексемы для названия этой реалии. В зависимости от корневой морфемы их можно разделить на 4 группы: I. в'іл'це́, в'іе́л'це, вие́л'це, вил'це́, в'і́л'чик, в'іле^и^чко; 2. йо́лка, йо́л'це, йел'і́нка, йо́лочка, йали́нка; 3. г'іл'це́, гил'це́; 4. ши́шки́. Происхождение этих терминов раскрывается в связи с породой дерева, процессом его украшения и особенностями функционирования в обряде наряду с другими свадебными реалиями.

Чаще других для свадебного деревца используется ветка или верхушка ели, сосны, реже - другого дерева. Интересно, что термины с корневой морфемой йол-, йел- употребляются в тех селах, где используется только ель или сосна, а термины

с корнями г'іл'-, гил'-, в'і-, ви- там, где с этой целью используется не только сосна или ель, но также вишня, липа, слива или какое-либо другое дерево, и в этом случае обрядовый термин породой дерева не мотивирован.

Нам представляется, что термины с корнем ви-, в'і- связаны с глаголом вить, т.к. процесс украшения свадебного деревца косит название ви́ти вил'це́, тогда как гил'це́ чаще всего у̌бира́йут', а йе́л'це - ра́д'ат' или наража́йут'. Как показало картографирование, ареалы названий обрядового дерева и соответствующие им ареалы названия процесса украшения почти совпадают.

Свадебное деревце втыкают (у̌стирка́йут') в специально испеченный для этой цели хлеб или в коровай. В крайней западной части правобережного и восточной части Волынского Полесья обмотанные тестом и украшенные ветки дерева втыкают только в коровай. Называют их здесь ши́шки, шишки́.

Использование вил'ц'а́ в конце свадьбы указывает на его древний магический характер. Так, в значительной части сел правобережного Полесья вил'це́ нельзя было просто выбросить: его забрасывали на крышу, выносили в хлев, шо^у^б скоти́на ве^и^ла́с'а, закапывали под печь, сжигали в печи, разламывали и раздавали молодежи, участвующей в свадьбе. По-видимому, свадебное деревце олицетворяло продуцирующую силу жизни, к которой приобщались вступающие в брак.

О.А. Седакова (Москва)

ПОЛЕССКОЕ "БРОД" 'АГОНИЯ' И СВЯЗАННЫЕ С НИМ ОБРЯДОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Славянское *brodъ-, производное от глагола *bresti, *bredǫ, широко распространен во всех славянских языках и сохраняет в них большую семантическую близость, которая передается и производным, оформленным разными суффиксами лексемам: блг. бродило, србхр. brodíšće, словен. brodíšte, чеш. brodnice и др. По О.Н. Трубачеву (Этимол. сл., вып. 3, 37), славянский рефлекс сохраняет семантику исходного индоевро-

пейского *bhrdh-. Расходящиеся значения, как легко заметить, развивают одну из двух сем исходного: 'идти' + 'вода'. (Напр., русск. сиб. <u>бродни</u> – 'обувь' или <u>броденъ</u> – 'рыболовный снаряд', а также названия дороги вообще, переправы, судна, моста и т.п.).

Значение "брод" – 'агония', засвидетельствованное в полесских записях последних лет, по письменным источникам нам неизвестно. Как многие термины погребальной обрядности, это обозначение предсмертной муки отчетливо метафорично. В основу метафоры, очевидно, положено представление о смерти как о переходе через воду, находящее себе множество соответствий в поверьях и обрядовых действиях погребального обряда. Представление о преодолении водной преграды между миром живых и загробьем (на лодке, по мосту, вброд) относится к самым распространенным в разных, и не только индоевропейских, мифологических системах. Из восточнославянского материала, относящегося к погребальной обрядности, можно привести богатые иллюстрации такого представления. "Переправа на лодке": древние княжеские похороны в ладье; имитация формы ладьи в архаических надгробьях; общая для судна и гроба терминология (полесск. <u>дуб</u>); игровое детское поминовение, когда по талой воде отправляют щепки-кораблики "деду, бабульке" и др. "Переход по мосту": мощение мостов по мертвым, преследовавшееся церковью; мотив "наведения мостов" в погребальных плачах; обычай брать в баню лучину, которая после смерти окажется мостом через реку и др. В Полесье представление о переходе воды <u>вброд</u> особенно ярко: оно засвидетельствовано в рассказах о переходе душами некоей лужи. (ПА-74). Полесская лужа интересна тем, что перекликается с языческими традициями класть кладки по умершим через топкие места (а не большие, чистые реки). Ср. анализируемые Л.Н. Виноградовой мотивы волочебных песен ("пойдешь с нами ходить, Воды бувтаць, грязи тыптаць" и "По темной ночи грязи толочи"), изображающие страну умерших[I]. Брод и хождение по грязи неслучайно связаны с темнотой: в той же полесской быличке душа, переходящая лужу, сбивается с пути, если родные жгут в доме свет после похорон.

Сложность для истолкования <u>брода</u> 'агонии' составляет видимое несоответствие метафорического термина его разверну-

тому описанию: "Анхал за правым вухам, нечисць за левым. Хто з йих пераможа, той душу бярэ. Это брод называца"[2]. К такому описанию больше подошли бы термины, подобные арханг. "торги великие", "душу урывают" и т.п. Можно предположить, что здесь не механическое соединение двух разных представлений. Борьба "правой" и "левой", "чистой" и "нечистой" сил за душу в момент кончины (и, собственно, до погребения) несет в себе ту же идею испытания и мытарства, особой опасности момента, какая связана с мотивом "перехода воды". Соединение двух этих мотивов, отмеченность перехода (моста) как опасного, "нечистого" места дают фольклорные сюжеты "битвы у моста с чудовищем" (сказки, былины), "падения при переходе через мост" (лирические песни), запреты для детей глядеть под мост, т.к. там сидит Бука и др. Неслучайно известны славянские образования от корня "брод", обозначающие нечистую силу, напр. бродник 'колдун', блг. диал. бродница 'русалка, которая бродит повсюду'.

Но возможно и другое рассмотрение брода 'агонии'. Имея в виду другой полесский термин агонии горачка, можно предположить, что здесь - фонетическое изменение корня бред (е → о и отвердение р). Однако и такое истолкование не закрывает предложенной перспективы рассмотрения метафорического термина. Известно значение корня *bredъ- 'брод' (калин. Филин 3, 170). Так же, как *brodъ, *bredъ отчетливо соотносится с глаголами *bresti, *bredǫ, от которого исторически является производным (см. тж. словен. brêdnja 'переход вброд' при польск. brednia 'вздор' и близких ему русск., блр., укр. значениях слова).

Известно, что мотив "хождения", "бесприютного шатания" не менее значителен для языческих славянских представлений о смерти, чем "переход через воду". Сами названия "нечистых" покойников и их действий, такие как нипритомники блр., ходить, ходить вупором закарп., передают идею наказания души, "не принятой землей", не достигшей загробного покоя. Таким образом, временное состояние "брода", которое кончается для "чистого" покойника с завершением погребального обряда, может консервироваться. Устранить такую опасность, особенно сильную в момент агонии, призван обряд, действия которого особенно регламентированы в случае "трудной смерти" (которая

сама по себе истолковывается как свидетельство греховности умирающего).

---

[1] Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. М., "Наука", 1982, с. 171.

[2] ПА-75, Вел. Бор Хойникск. р-на Гомель. Зап. Н.А. Ткачевой.

С.М. Толстая (Москва)

К АРЕАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОЛЕССКОГО ТРАДИЦИОННОГО КАЛЕНДАРЯ

При значительном общем фонде полесских названий праздников могут быть выделены термины, приуроченные или тяготеющие к определенным ареалам внутри Полесья и противопоставленные другим терминам с тем же значением. Среди них, помимо известной пары Громницы – Стриченье для названия Сретения (2. II. ст. ст.), противопоставляющей западную часть Полесья восточной, можно указать еще целый ряд ареальных оппозиций: I. термины с корнем вод- для названия кануна Крещения, т.е. 6.I. ст.ст. (Водяная коляда, Водянуха и под.), сосредоточенные на западе Полесья, противопоставлены термину Голодная кутья с тем же значением, занимающему восточную область; 2. серия названий для трех святочных канунов (кануна Рождества, Нового года и Крещения), базирующихся на словах коляда и вечер (коляда, посна коляда, перша коляда, богатый вечер, щедрый вечер, водяная коляда и т.п.), характерна для западного Полесья и не известна в восточном, где представлены лишь соответствующие названия со словом кутья (голодная, постная, бедная, ведра, первая, вторая, третья, богатая, щедрая); 3. термины Паска и Великдень, известные на всей территории Полесья, обнаруживают следующее ареальное соотношение: Великдень употребляется преимущественно в центральных зонах Полесья и реже встречается на его западных и восточных окраинах, где преобладает Паска (реже Пасха); 4. сходное

распределение обнаруживают названия Страстного четверга: в западных (Ратновский р-н Волынской обл.) и восточных (север Черниговской обл.) районах представлен термин Страсть, которому на остальной территории соответствует Чистый четверг. К западной границе Полесья тяготеет и название Жилник, Жилный четверг, не зафиксированное на остальной территории Полесья, но имеющее соответствие в черниговском жиловик 'постный корж, выпекаемый в первый понедельник Великого поста или на крестопоклонной неделе'; 5. почитание Сухой середи (I-ая или 2-ая среда после Пасхи) ограничено западными районами Брестской и Волынской областей, а почитание Сухого четверга (четверг после Троицы) известно преимущественно на востоке Гомельской и в Черниговской обл.

Интересны и примеры локально ограниченных названий типа ку́готы или го́готы 'канун Нового года' при гогота́ты 'щедровать в новогодний вечер' (ср. южнославянский обычай кудахтанья и т.п. в рождественские праздники); бабы́ 'день, следующий за деда́ми – поминальными днями' (с. Стодоличи Лельчицкого р-на Гомельской обл.); Ве́дра кутя́ 'канун Рождества' (с. Плехов Черниговского р-на Черниговской обл.); Дравяна́я страсть 'среда на страстной неделе, когда моют все деревянное' (с. Присно Ветковского р-на Гомельской обл., зап. А.Л. Топоркова); Пинчу́чка 'последние в году деды, после михайловских' (Черниговская обл.) и др.

Г.И. Кабакова (Москва)

ИЗ ГЕОГРАФИИ И СЕМАНТИКИ ПОЛЕССКИХ ХРОНОНИМОВ ("белые" и "красные" дни)

На территории украинского Полесья неоднократно фиксировались такие обозначения последней недели Великого Поста, как біела няделя, билый тыждень (Черниговская, Волынская, Житомирская обл.). Хрононим был известен также в Харьковской и в южной части Могилевской губернии. Как правило, в качестве мотивировки крестьяне указывали на необходимость вымыть и побелить дом к празднику.

За пределами этой относительно компактной зоны хрононим в данном значении широко распространен у поляков: biełа nedila (Покутье) (но biała niedziela – Вербное воскресенье, Горы и Подгорье), а также применительно только к одному дню – у хорватов, словенцев bila, bijela subota, словаков – bíla sobota, чехов – bielá sobota. В Польше белыми иногда назывались также 4-ое и 5-ое воскресенья Поста (Краков), а в славянских зонах, испытывавших сильное германское влияние, – воскресенье после Пасхи (Валашско, Хорватия). Все перечисленные хрононимы бытовали исключительно среди католического и протестантского населения. Что касается православных славян, то у них названия типа бела неде<u>ља</u>, беле седмице относились исключительно к масленице (сербы, македонцы, черногорцы).

Сходные названия объясняются разными реалиями домашнего и церковного обихода. Если у православных славян мотивировкой служила "белая", т.е. молочная, скоромная еда (ср. локальное восточнославянское соответствие белая мясоедь 'время от Рождества до масленицы включительно' – д. Коробино Смоленского р-на), то у католиков – белая одежда принимающих конфирмацию накануне Пасхи. В Полесье на православной почве католический хрононим утратил старую мотивировку и появилась необходимость в новой – отсюда и предлагаемое в качестве объяснения требование "мести, билыти, завтра Велыкдень".

Другая южнославянско-полесская параллель – название кануна Светлого воскресенья – серб. црвена субота (Попово поле) и красна, красна субота, отмечавшаяся в разных полесских зонах – на западе (Пинщина), в центре (Житомирщина) и на востоке (Черниговский р-н). В одном из пунктов, где встретился этот хрононим, предыдущий день по аналогии также называется красным (красная пятница). Происхождение данного обозначения не вполне понятно, т.к. полесское объяснение (в субботу красят яйца) не может быть распространено на сербский пример, а толкование по красному цвету писанок также не вполне надежно: у южных славян эта окраска не самая популярная и не самая древняя.

Г.А. Цыхун (Минск)

ДВА ПОЛЕССКО-ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ СООТВЕТСТВИЯ: I. "ЛАМКАНИЕ"; 2. "ЖЕЛЕЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК"

Значение Полесья для реконструкции древней славянской культуры и праславянского этноязыкового пространства трудно переоценить. Незначительность непосредственного влияния неславянских культур, что связано со срединным положением и относительной изолированностью, позволяет при реконструкции древнего состояния рассматривать Полесье в качестве контрольной территории. Понятие "контроль" в научном эксперименте (а реконструкция, несомненно, является таковым) не исключает того, что и в самом контрольном образце происходят изменения, однако они отражают, как правило, внутренние, глубинные тенденции и характеризуются малой интенсивностью. Все сказанное заставляет с особым вниманием относиться к показаниям этого этноязыкового региона, особенно в тех случаях, когда они находят подтверждение на других славянских территориях. Поскольку названия элементов культуры составляют их необходимую характеристику (Генчев 1980), то реконструкция предполагает восстановление как содержания исследуемых фрагментов, так и их языковых обозначений. При этом несомненно, большей надежностью будут обладать те реконструкции, при которых удается идентифицировать в различных частях Славии не только фрагменты древней культуры, но и их названия. Ниже предпринята попытка отождествления некоторых фактов, отмеченных в Полесье и на Балканах.

I. На I болгарско-белорусском симпозиуме нами рассматривалась западнополесско-южнославянская изолекса <u>ла́мкаты</u> 'жадно хлебать' – <u>ла́мкам</u> 'делать усилия схватить ртом очищенное яйцо (обычай во время масленицы)' (Цыхун 1976). Жесткая связь южнославянского слова с обычаем заставляла предполагать, что речь идет об устойчивом архаическом комплексе название-обычай, по каким-то причинам утраченном в Полесье, см. его описание в "Сербском мифологическом словаре": "Ламкание – хватание зубами подвешенного яйца, местами яблока..." (Кулишич и др. 1970; по другим данным также халвы, Геров 1899). Однако широкое распространение обычая у южных славян

и отсутствие сведений о нем с других славянских территорий давало основания для предположения о его субстратном происхождении. В этой связи представляет интерес текст из д. Малеши (р-н Бельска) в "Очерке восточнославянской диалектологии" В. Курашкевича, представляющий периферийный западнополесский говор. В нем отражен сюжет, аналогичный южнославянскому "ламканию", не связанный, однако, с определенным обычаем и указанным выше глаголом. Все же такое раздельное существование в одном полесском ареале названия и прототипа обычая, соответствующих единому южнославянскому комплексу, подтверждает, на наш взгляд, славянский характер этого явления на Балканах.

2. Отмеченный в центральном Полесье мифологический персонаж "Железный человек, который живет в болоте" (У нас болота́, то каза́лі: не йдзі ӳ лес, бо там у боло́ці такі зеле́зны чолове́к ходзіць да ухопіць цебе́, д. Млинок-Переровский, Житковичский р-н) находит неожиданное соответствие в широко известном на Балканах сказочном образе, ср. болг. Железен човек, сербохорв. Гвоздени човек. Оставляя в стороне рассмотрение возможных неславянских параллелей, а также связь указанного персонажа с другими (ср. бел. Жалезная баба, серб. Гвоздензуб и др.), следует отметить поразительное совпадение характерологических черт мифологического образа, что, по словам К. Мошинского, в первую очередь должно учитываться при идентификации (Мошинский 1967). Кроме атрибутивного сочетания, содержащего два элемента ('железо' + 'человек'), наблюдается совпадение также третьего, адвербиального элемента ('болото'), ср. пассаж из сказки, записанной в р-не Сливена: "Утивӑ тоі нъ г'ол'ъ, извиквӑ, и излизӑ идин жилѐз'ън чувек" (Панайотов 1901). Субститутом этого элемента в Полесье может выступать 'лес' (ср. нейтрализацию противопоставления 'лес' - 'болото' в Полесье, Оссовский 1939; Толстой 1969), а на Балканах - 'колодец' (Кулишич и др. 1970). Если принять в качестве мотивирующей исходной точки связь понятий 'железо' и 'болото' (ср. наличие железных болотных руд в Полесье), то южнославянский субститут должен рассматриваться как забвение первоначальной основы, на которой мог возникнуть указанный мифологический образ.

Ф.К. Бадаланова (Москва)

"ОРЕХОВАЯ МАЛАНКА"
(К интерпретации поверий, связанных с орехом и молнией)

В некоторых деревнях Полесья существует поверье, согласно которому во время рябиновой ночи "маланка орехи съедает": "Проти девя́той пя́тницы по́сле Па́схи, проти деся́той – эта са́мая стра́шная ночь. У нас – рабі́навая ночь. Са́мае гро́знае вре́мя. Рабі́навая но́чка – э́та мала́нка бли́ская. Гро́ма нема́, а не́ба гари́ть. Раску́сиш аре́ха – а там тё́мна, мала́нка папали́ла" (с. Челхов, Климовск. р-на Брян. обл.). В этой деревне молния без грома называется мала́нкой и сухаве́ем: "Бывае ле́та, ўро́де не́ту аблако́в, не́ба све́тлае, чи́стае – а мала́нка: "Шчик-шчик!". Ка́жуть: "Во! Эта сухаве́й! Су́ша бу́деть, су́ххе аре́хи! Сухаве́й зьеў!" В с. Грабовке существует аналогичное поверие: "Як нарве́ш аре́хаў, дак пусты́х бага́та, чо́рные ў середи́не, гавара́ть: "Мала́нка съе́ла!". Мала́нка выяда́е аре́хи. Сейча́с рвэш аре́х – кусь, та́мака мала́нка, чо́рнае ў середи́не. И ка́жуть: "Сего́дня рабі́навая ночь вы́яла ўсе аре́хи!". В этом случае наблюдается закономерная семантическая трансформация: для местной традиции словом мала́нка обозначается не только сама молния без грома, но и то, что поражено этой молнией – орех с чернотой внутри, пустой орех: "Як рабі́нава ночь, мала́нка аре́хи выеда́е. Мала́нка – то е мо́лния без гро́ма. Рвэш аре́х – уку́сиш, а та́мака мала́нка е ў середи́не, чо́рна е. Гавара́ть: "Сего́дня рабі́нава ночь бууа́! Мо́лния ўсю ночь бли́скала! Вые́ла ўсе аре́хи!" В деревне Гнатовка на Черниговщине для понятия "молния без грома" существует атрибутивное словосочетание аріхава маланка (см. в наст. сборнике тезисы О.А. Могилы).

Аналогичные поверия, связанные с комплексом "молния: орех", встречаются и у южных славян. Здесь они прикреплены ко дню св. Ильи (2.УШ). Как известно, св. Илья у славян – покровитель грома, его атрибуты – гром и молния. В Сербии верят "да ћe лешници "омаћати", ако грми уочи св. Илиjе или на Илиндан"[1]. По всей территории Болгарии существует поверие, что если "на Или́нден гърмел гърми́", орехи будут плохи-

ми, пустыми[2]. Есть и поговорка: "Късметли́я като св. Или́я у оре́и и ле́шници, кога́ гърми́" (вар. "Честит като св. Илия в орѣси, кога грми"[3]) – т.е."кому-то не везет". В некоторых болгарских селах Молдавии (выходцы из восточной Болгарии) существуют гадания с орехом, которые приурочены ко дню св. Ильи: "На Или́нден шъ про́баме оре́я – шъ си про́баме късме́тя. Ако ти е у́бав оре́я – шъ ти е у́бав късме́тя. Прос оре́й – прос късме́т." (с. Кортен, Чадыр-Лунг. р-н)

Вероятно, полесскому семантическому комплексу "рябиновая ночь – молния без грома – пустой (спаленный) орех" соответствует южнославянский ряд: "Илинден – гром – пустой (спаленный) орех".

---

[1] Кулишић Ш., Из старе српске религиjе, Београд, 1970, с. 26.

[2] Геров Н., Рѣчник на блъгарскый язык с тлъкувание рѣчи-ти на блъгарскы и на русскы, ч. II, Пловдив, 1897, с. 325.

[3] Там же.

А.А. Плотникова (Москва)

НЕСКОЛЬКО ПОЛЕССКО-ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ ИЗ ОБЛАСТИ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ОБРЯДНОСТИ

Большое число полесско-южнославянских параллелей наблюдается в рождественских обрядах, связанных с практической магией и гаданиями о будущем. Отмеченный в центральном Полесье обычай грозить неуродившим плодовым деревьям: "Як бошь родить, бошь стоять, а як нэ бошь, так зрубаю" (с. Вышевичи Радомышленского р-на Житомирской обл., зап. авт.) широко распространен в виде диалога в Сербии и Болгарии, встречается также в Боснии, Македонии, черногорском Приморье. Другой способ ритуального воздействия на урожай сада связан с верой в оплодотворяющую силу предметов, которыми ударяют о дерево, кладут на ветки и т.д.: "На Богати вечор пекуть пироги. Тим пирогом придэмо ужэ, до яблони придэш, сметечко цэ ужэ поки-

даем, а с тим пирогом ужэ подвязывають яблони пэревеслами. Пирог на руках, и кожну яблоню стукнэш пирогом, шоб родила" (с. Вышевичи, зап. авт.). В западной Сербии с той же целью ударяли по стволу воловьим рогом (Јоваш, ОЧК, 179), а традиция привязывать к дереву рождественскую солому известна во многих районах Сербии и Хорватии.

Гадания об урожае будущего года по выпеченному хлебу обнаруживают сходство ритуалов в Полесье, Хорватии (сербы в р-не Карловца), Герцеговине (Попово поле), Боснии. Полесье: "На Богату кутью пирог таки пекуть, велики пирог. Так по том пирогу ямочки робять и говорять: -Це жито, це ячмень, це овес, просо, гречка, картопля. Ничого не кладут, тилько говорят. Як ямочки зоростают, буде зорожай. Як ямочки позападают - зурожаю не буде. Пашня не буде" (с. Выступовичи Овручского р-на Житомирской обл., зап. Ф.К. Бадалановой). Село Машвина (Хорватия): "Господар... удара шаре у тијесто ножем и чашом у средини. Ове шаре намијени семењу, па које најбоље набукти, оно ће те године најбоље уродити" (Бег, ЖОСГ, 92). Для указанных южнославянских областей такой способ выпечки главного обрядового хлеба ("чесница") многие авторы (Л. Мичович, Ш. Кулишич) считают наиболее архаичным.

Девические гадания Полесья сопоставимы с рождественскими гаданиями в Сербии, Боснии и Хорватии по порядку и структуре совершаемых действий, по типу текста, предназначенного для пересказа менее искусному участнику. Ритуальные предметы, напротив, не являются устойчивыми: место полесских хлебцев (балабушки, помпушки) в гаданиях Боснии и Сербии занимают кости ритуального животного, выпекаемого на рождество. Повторение одинаковых императивных или инфинитивных глагольных форм с последующим кратким выводом, построенным как двучленная синтаксическая конструкция, характерно для текстов исследуемых ареалов. Полесье: "Пойти до соседи, украсти дрова, унэсти у хату, пощитать, як до пари, як нэ до пари" (с. Вышевичи, зап. авт.). В Самоборе (Хорватия) в рождественскую ночь "как скупа звони к полноћки, онда пуца која би радо знала, ако бу оно лето замуж ишла, нек иде по дрва в дрварницу нацепана и нек ниш не броји, кулико је древ зела, само нек наручај заграби, однесе в кујну и нек нутри преброји ак је на пар, бу ишла оно лето замуж, ак ни, не бу ишла" (Lang,

Samob, 63, подчеркнуто мной - А.П.). Словесные клише, сходные с концовкой в хорватском варианте, можно выделить и в текстах других типов полесских новогодних девичьих гаданий.

С о к р а щ е н и я : Бег, ЖОСГ - Беговић Н, Живот и обичаjи Срба граничара, Загреб, 1887. Јоваш, ОЧК - Јовашевић, Д, Обичаjи у Чачанском краjу, Зборник радова народног музеjа, 2, Чачак, 1971. Lang, Samob - Lang, M, Samobor. Domaći običaji kod svetkovina, ZNŽO, ХУШ, 1913.

Э.Г. Азимов (Москва)

ПОЛЕССКИЕ ПОВЕРИЯ О ВИХРЕ

В Полесье сохранились многочисленные мифологические поверья о вихре. Вихрь обозначается обычно не отдельным термином (таких терминов не много), а предложением (текстом), причем, в одном диалекте нередко встречается несколько различных по содержанию текстов. Нами записано в Полесье четыре типа поверий о вихре (сильном ветре): а) вихрь является следствием самоубийства: Бу́ра - ктос' задави́вся чи пове́сився, лихэ́е як бу́ра така́... бура́н взорва́ўся и пошо́л и по́лэ разлома́л, дья́вол дово́л'ны штос' на свою́ ру́ку чалове́ка взаў (Р. Дбр. Лесовое). Ви́шэл'ник са́мый бол'шы́й грэх, ви́хор ночу́е на моги́ле ви́шэл'ника, ему прия́тно ви́хору, бо он ду́шу забра́в (Б. Пн. Н. Двор). Ви́хор кру́тит по доро́ге з нехри́ш'аных людей́, тэ кото́ры зада́влены, нехри́ш'аны таки́ (Р. Дрб. Крупово). б) вихрь появляется после смерти колдуна: Як колду́н умира́е, чэ́рти ду́шу вырыва́ют', бу́ра схва́тываеца, вид'ма́р умэ́р, бури́т' по е́му (Р. Дбр. Озерск). Як ви́т'ор вэли́к, ка́гут умэ́р колду́н, кто мо́жэ зна́ти, чи вун ду́шу отдае́ ви́т'ору (Б. Пн. Н. Двор). в) вихрь - результат различных действий черта: бура́н, чорт кру́тит, с зэмли́ копи́ца ввэрх нэсе́ (Р. Дбр. Лесовое). Чорт ка́жут' пое́хав як ви́т'ор си́л'ны (Б. Млр. Мокраны). Чорт коши́ца таки́, ви́т'ор, ви́хор, сатана́ подкида́еца (Р. Дбр. Крупово). г) вихрь - свадьба чертей: ви́хор быў, так жэни́лися тэ чэ́рти, вэсэ́ле чорто́ў, нечэсти́вых (Р. Дбр. Каменное). Чо́ртава виси́ля ча́сом як песко́м кру́цит (Б. Млр. Мокраны).

Отношение к вихрю как к нечистой силе отражается и в способах защиты от него – показывают ему кукиш, бросают в него нож, пуговицу. Увидеть чорта можно сквозь рукав одежды, вызывается вихрь свистом.

Аналогично могут восприниматься и другие природные явления, например: самоубийство считается причиной града или засухи, свадьба чертей – одно из объяснений слепого дождя.

Н.А. Старостенко (Гомель)

ПОЛЕССКО-СЛАВЯНСКОЕ КОЗА 'ПОСЛЕДНИЙ СНОП ИЛИ ГОРСТЬ КОЛОСЬЕВ' И КОЗА 'ОГРЕХ ПРИ ПОЛЕВЫХ РАБОТАХ'

Известный в Западном Полесье общеславянский термин коза в значении 'остатки несжатых колосьев', 'несжатая полоска нивы', 'последний сноп' и т.п., связанный с архаическими дохристианскими земледельческими обрядами (дожинки) и мифологическими представлениями (на других славянских территориях ему соответствует термин борода), может рассматриваться как семантическое производное от названия животного, которое, как известно, также выступает во многих древнейших мифологических и обрядовых контекстах (ср. рождественские хождения с козой). Эта связь подтверждается и такими свидетельствами, как гродненск. "у кого полоска недожата, спешат, чтобы коза не заблеяла".

Однако для второго значения термина коза, а именно – 'огрех при работе' (обычно жатве, косьбе, пахоте, сновании) можно предположить иное происхождение, не зависимое от названия животного. Коза в этом значении рассматривается некоторыми учеными как калька с лит. ožỹs, ožka 'козел', 'коза', которое означает также 'огрех при косьбе' и связано с понятием греха, ср. ožỹs 'прегрешение, о котором говорят на исповеди'[1]. Но его можно объяснить и исходя из фактов славянских языков. Необходимо обратиться сначала к лексеме огрех праслав. *grěxъ. Это слово можно считать девербативом от утраченного глагола со значением 'кривить во время работы, нарушать прямую линию, в результате чего возникают пропуски'[2].

Полесско-славянское коза 'огрех' мы рассматриваем также как девербатив, от праслав. kaziti 'портить, деформировать', о чем свидетельствует и ударение мн.ч. kazý 'недожатые загоны' (рукоп. материалы к словарю М. Федеровского - сообщение Г.А. Цыхуна), ср. также польск. koza 'искривление стен здания', блр. каза 'близна' и др. Возможно, уже в праславянском наблюдалась семантическая контаминация производных от kaziti и от утраченного глагола, к которому восходит девербатив grěxъ. После принятия христианства семантическая связь грех - коза, козел 'животное' поддерживается библейским мотивом о козле отпущения.

---

[1] Чекман В.Н. К проблеме литовско-белорусских лексических связей. - В сб. Baltistica УШ/2. Вильнюс, 1972, с. 147-156.

[2] Бернштейн С.Б. Из карпатского диалектологического атласа. К этимологии праславянского *grěxъ. В кн. Philologica. Zborník filozofickej fakulty. XXX, Bratislava, 1980, s. 31-35.

Е.А. Левковская, А.Н. Никончук
(Житомир)

ВОЛК В ЛЕСНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ПОЛЕСЬЯ

1. Слово воўк имеет в полесских говорах несколько дримологических значений: 'ветвь', 'развилка, рассоха дерева, два ствола, вырастающих из общего корня', 'одинокое, разветвленное, раскидистое дерево, выросшее на открытом месте' и 'вечнозеленое паразитическое растение омела'.

2. Эти названия имеют ярко выраженную отрицательную коннотацию, как и другие названия для тех же реалий, ср. наименования омелы: грибóк, гýбка, гýсен', кл'êшч, дúке дéрево, покóрчане дéрево, омелá покóрчана, ковтýн, глухá гол'á, чýдо, вúхорове кублó, чóртове з'êл'л'е, чóртова вехá, вêд'м'iне помелó, - в которых отражены народные представления о демоническом происхождении растения. Вероятно, и воўк в пе-

речисленных значениях может объясняться подобным образом.

3. Архаичность рассматриваемых полесских наименований подтверждается и ареалом их распространения. Граница слова воўк 'два ствола, выросшие из общего корня, совпадает с диалектной границей по Днепру, разделяющей восточнополесские и среднеполесские говоры. Эта граница обусловлена древним этническим размежеванием, которое имеет надежное археологическое подтверждение. За пределами Полесья подобные названия зафиксированы в русских говорах: волчо́к 'дикий побег, отпрыск от корня плодового дерева' (Даль).

Вяч. Вс. Иванов (Москва)

ОТРАЖЕНИЕ В ОБЫЧАЯХ ПОЛЕСЬЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ОБРЯДОВ ПОЧИТАНИЯ И РИТУАЛЬНОГО СОЖЖЕНИЯ КОНЯ (И ЕГО ГОЛОВЫ) И КОЛЕСА

В Полесье в канун Ивана Купалы сжигали кости коней, коров и овец, т.е. тех категорий домашних животных, культовая ценность которых (в перечисленном иерархическом порядке) доказывается соответствиями между славянскими (в том числе новгородской, где археологически засвидетельствовано приношение коня в жертву; возможность присутствия прибалтийско-финского этнического элемента не исключает и соотнесения со славянским в виду сходства роли коня в обеих традициях) и всеми другими основными архаическими индоевропейскими традициями. В частности, обрядовая значимость коня и конской головы, ритуальное украшение зеленью и сожжение которой характерно для западнополесских обрядов, а мифопоэтическая роль - для сербских песен, свидетельствуется совпадением славянских традиций с д р е в н е и н д и й с к о й , где во время ашвамедхи передняя часть расчленяемого коня - его голова посвящается богу огня Агни, отождествляется с утренней зарей, соотносится с одним из трех видов благополучия (tejas 'духовная энергия'), одной из частей трехчастного космоса и с одной из трех цариц; и р а н с к и м и , где тоже представлено обрядовое отделение головы коня; р и м с к о й , где при ритуале Equus October, многими деталями, связанными с конем, совпадающем с белорусским праздником Ярилы, обе половины в нем участвующих состязаются за обладание 'головой коня' (caput equi, другие следы почитания которой сохранились в римских легендах), к е л ь т с к о й , в которой не только есть в древнеирландском соитии царя с кобылой, потом убиваемой, точное соответствие обрядовому браку индийской царицы с конем, при коронации приносимом в жертву (с ритуальной инверсией ролей: O'Flaherty W. The Indo-European

mare and the king. - Slavica Hier., 1981, vol. 5-6, pp. 23-33; след аналогичного обычая, возможно уходящего корнями в эпоху доместикации лошади, реконструируется и по древнеисландским обрядам и по хеттским законам), но и представлена конная богиня Эпона (чьи руки покоятся на головах жеребцов), отождествимая с греческой конноголовой Деметрой и другими индоевропейскими конными божествами (преимущественно женскими или инвертированными), такими, как хеттский Пирва, принадлежавший к числу двух главных божеств Несы - древнейшего (дописьменного) центра хеттов (Ш - начало П тыс. до н.э.). Аналогичное божество представлено девушкой у коня в белорусском празднике Ярилы. В балтийской традиции, как и в славянской и германской, роль индоевропейской конской строительной жертвы может быть отражена в символике конских голов (двух - по числу божественных близнецов, соотносимых или отождествляемых с конями) на крыше дома. Значимость конской головы на трапезах мертвых у греков объясняется общеиндоевропейским обычаем жертвоприношения коня при царском погребении (как и при коронации), что непосредственно отражено в хеттском царском погребальном обряде. В его тексте приводится архаическое метрическое (восходящее к индоевропейскому восьмисложнику, отраженному и у славян) обращение к Богу Солнца с обрядовым комментарием: KUB XXX 24 Vs. П 1-6, Ú.SAL^{LAM} ^{D}UTU-uš a-a-ra i-ya-an ḫar-ak nu-wa-ra-aš-ši-iš-ša-an šar-ri-iz-zi ḫa-an-na-ri le-e ku-iš-ki nu-wa-aš-ši-kan ke-e-da-ni A.NA Ú.SAL GUD$^{HI.A}$-ya ANŠU.KUR.RA^{MEŠ} ANŠU.GÌR.NUN.NA$^{HI.A}$ ú-še-ed-du nu SAG.DU^{MEŠ} ANŠU.KUR.RA^{MEŠ} SAG.DU^{MEŠ} GUD$^{HI.A}$ ku-wa-pi wa-ra-an-da-at nu Ú.SAL^{LU} a-pí-ya pí-e-da-an-zi na-an-ša-an a-pí-ya še-er is-ḫu-u-wa-an-zi "'Солнца Бог, ему по праву Приготовь ты этот луг. Луг никто пусть не отнимет! Луг никто пусть не отсудит! Пусть на том лугу пасутся Для него быки и овцы, Кони с мулами пасутся!' Тогда туда приносят образ луга, где сожгли головы лошадей и быков, и там его (пепел) разбрасывают". Этот хеттский текст, согласующийся с археологическими данными о черепах ослов (более дешевой замене коней), найденных у хеттских мест кремации трупов, можно считать реальным комментарием к полесскому обычаю сожжения конских и бычьих черепов: W noc świętojańską (nakanunie Iwana Kupały) zbierała się ludność (zarówno

starzy, jak i młodzi, mężczyźni i kobiety) w najbliższym lesie, gdzie najstarsi wiekiem mężczyźni układali w kilku miejscach stosy z drzewa, obok których składali kości zwierząt (koni, krów i owiec), po czem stosy podpalano (Moszyński K. Zwyczaje świętojańskie na zachodniem Polesiu. - Lud słowiański, 1928, t. 1, z. 1, B 82). Ритуальное сжигание коня, коровы и овцы в великорусском ареале описано в XIX в., а по археологическим следам реконструируется для Новгорода начиная с X в. Данное точное хетто-славянское соответствие может быть возведено к общеиндоевропейскому источнику как на основании приведенных выше фактов, так и в виду общеиндоевропейского характера представления о загробном мире как луге, где пасется скот. Роль коня в загробном обряде сохранилась до нашего времени в таких архаических иранских традициях, как осетинская и курдская, и восстанавливается по археологическим данным об отдельном захоронении конских черепов, в том числе у таких народов с ираноязычными этнонимами, как авары.

В тех же западнополесских купальских обрядах сжигают и колесо, понимание которого как образа солнца свидетельствуется самими полесскими текстами и поддерживается как данными многих других славянских традиций, так и многочисленными индоевропейскими параллелями, в особенности индо-иранскими (колесо с колесницы ведийского Бога Солнца Сурьи, потерянное им во время состязания и подобранное конем Эташей; колесо Балсага в нартовском эпосе, позволяющем подтвердить догадку Афанасьева о древности словацкой сказки, где герои оборачиваются колесами и катятся с горы). В том общеиндоевропейском обряде кремации, который может быть восстановлен главным образом на основании далеко идущего соответствия между цитированным детальным описанием хеттского ритуала с гимнами "Атхарваведы" (в которых воспевается Агни, сжигающий людей и коров, и коней), существенную роль играла колесница, как и в переднеазиатском (древнемесопотамском) обряде, к которому, по-видимому, восходит этот общеиндоевропейский. В хеттском ритуале "второго рождения" царя Мурсилиса I вместе с быком, которого должны сжечь вместо царя (чтобы сохранить тому жизнь), к ритуальному месту сожжения отправляют и утварь царя (его неотчуждаемую принадлежность), и ту колесницу, на которой он стоял в тот день, когда его поразил Бог Грозы,

отнявший у него дар речи, возвращаемый этим ритуалом второго рождения (имеющим ту же цель, что психоаналитические методы выведения из истерической немоты). В полесском обряде сожжения колеса могла отразиться как эта древнейшая традиция, так и характерный для многих народов Европы нового времени обычай сожжения колеса, имеющий в конечном счете те же истоки. Но общеславянское происхождение некоторых полесских мифопоэтических формул, относящихся к колесу и солнцу, скорее говорит в пользу того, что и обряд сожжения колеса в Полесье так же древен, как и обычай сожжения конского черепа. В обоих случаях до нового времени дошла индоевропейская традиция, которая при мифопоэтическом характере кодирующих ее образов позволяет вместе с тем восстановить многие существенные черты (температурный потенциал, необходимый для кремации и сопоставимый с тем, который восстанавливается по данным истории гончарного дела и металлургии; роль одомашненных коней и колесных повозок, для изготовления которых опять-таки необходимы были орудия из металла), касающиеся культуры - как материальной, так и духовной, и социальной организации (царский конный ритуал, позднее воспроизводившийся на низших социальных уровнях).

Т.В. Цивьян (Москва)

АНАЛИЗ ОДНОГО ПОЛЕССКОГО ТЕКСТА В СВЯЗИ С МИФОЛОГЕМОЙ САДА

В Туровском словаре опубликован интересный текст о приготовлении свадебного каравая (Тураўскі слоўнік, т. 2, Мінск, 1982, с. 264-265). Особое место в нем занимает тема украшения каравая с а д о м , развернутая как ритуал, с распределением ролей, указанием чередования этапов, места, времени действия, с сопроводительными текстами и т.п.

Когда женщины раскатывают тесто, посылают "маршáлкоў" нарезать "росóх іс саду". Когда те приносят "сад", его берут женщины и "от так о цесто роскачваюць" (этими ветками?), иногда обваливают ветки в тесте и запекают их отдельно, до

каравая. Посадив каравай в печь, моют руки и стол, а воду выливают в с а д , под фруктовые деревья, с песней: "Мы на с а д воду носілі..,| Мы к о р о в а й згібалі". Готовый каравай ставят на стол, все садятся за стол, а "дружкі роб'яць этые цацкі на коровай", чтобы он "ночоваў нара́джоны". Текст предполагается анализировать в двух аспектах: I) сад как ритуальный объект; 2) отождествление каравая с садом.

I. Роль вегетативных символов в свадебном обряде общеизвестна, и украшение каравая зеленью и цветами также не уникально. Однако обозначение этого украшения термином с а д переводит его на уровень ритуального объекта с собственной символикой, если не мифологией. Постепенно складывается список таких "садов", которые входят в соответствующий ритуал как самостоятельная единица (= предмет), описываемая набором дифференциальных признаков, по которым определяются ее функции и семантика. В мифологическом плане сад приурочивается к мировому дереву и таким образом проецируется на три уровня, или мира: в е р х н и й (небесный, райский), з е м н о й (реальный, принадлежащий человеку) и н и ж н и й (подземный, принадлежащий миру мертвых). Земной сад имеет тенденцию к перекодированию в мифологический; отсюда - священные сады и "сады в миниатюре", ритуальные объекты, значение которых выходит далеко за орнаментальное. В предельном случае можно говорить, что в них содержится в свернутом виде семантика и даже сюжет обряда. Так, в оппозиции "Сады Адониса" (балто-балканский ареал) / литовский свадебный сад, **vestuvių sodas**, и полесский сад-украшение каравая можно видеть противопоставления "нижний сад/ верхний сад", смерть/жизнь, бесплодие/плодородие, прошлое/ будущее и т.д. В более широком плане будущее плодородие сада обеспечивается его изначальной нетронутостью, ср. **hortus conclusus** как символ девической чистоты; мотив охраны сада, сторожа, ограды в литовском "свадебном саде", наконец, толкование М. Детьена: бесплодие "Садов Адониса" происходит из-за преждевременного нарушения юношеской чистоты.

2. Связь "каравайного сада" с плодородием лежит на поверхности и подчеркивается дополнительно распределением ролей (женщины готовят каравай - мужчины сажают сад-ветки). До

сих пор, как будто, не говорилось об отождествлении каравая с садом. В работах В.В. Иванова и В.Н. Топорова (в частности: Исследования в области славянских древностей. М., 1974, гл. 9) главное внимание уделено отождествлению каравая с солнцем. Для известного же зачина "Караваю-раю" указывается связь с раем-мировым деревом и его верхним уровнем или с раем как обозначением возрастающей растительной силы (с. 246-247). Между тем полесский текст дает, как представляется, веские основания для отождествления каравая среди прочего и с садом: из сада берут ветки для сада; их с а ж а ю т на каравай; сам же каравай с а ж а ю т в печь, где он должен р а с т и ("росці, короваю"), и следят, чтобы он не з а с о х ("шоб коровай не вусох, шоб не засушиўса"). В связь с этим можно поставить магическое действие выливания воды "из-под каравая" в сад и вскрывающий эту параллель текст "вода на сад"/"гибание каравая", интерпретируемое как акт, связанный с плодородием. В свете сопоставления "каравай - сад" неслучаен другой распространенный зачин каравайных песен, ср. для Полесья: **U sad'u holije w'isyt', Sam Boh korowaj m'isyt'... (O. Kolberg. Dzieła wszystkie. Białoruś - Polesie. T. 52, Wrocław - Poznań, 1968, s. 202),** где с а д указывает и на свадебную символику вообще и на каравай в частности. В этом контексте обращение "Караваю-раю" может интерпретироваться как "Каравай-сад" в рамках семантемы "плодородие". В этом плане особенно интересно отождествление (почти превращение) двух самостоятельных ритуальных объектов, так сказать, символика в квадрате: сделанный руками человека "свадебный сад" сам по себе выражает связанную со свадьбой идею плодородия, но его еще контаминируют с другим объектом с той же символикой, причем каравай в буквальном и переносном смысле становится почвой для сада и залогом его успешного роста.

А.Б. Страхов (Москва)

РИТУАЛЬНО-БЫТОВОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ХЛЕБОМ И ПЕЧЬЮ И ЕГО СВЯЗЬ С ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ О ДОЛЕ И ЗАГРОБНОМ МИРЕ

В ритуально-бытовое обращение с хлебом спроецированы важные элементы общего миросозерцания славян. Так, правила дележа и поедания хлеба (запреты доедать чужие "озубки", брать за обедом второй кусок, бросать свой кусок недоеденным и т.п.), а также ряд святочных гаданий (с первым блином, с лепешками или кусками хлеба, представляющими гадающих и т.д.) основаны на вере в тождественность Доли (судьбы) человека и доли (куска) хлеба. Отсюда - акцент на *целостности* Доли, заключенной в неразрезанной буханке или в ненадкусанном ломте, и сакральная выделенность *первых* частей: "окрайчика", первого блина или булки в выпекаемой партии, изоморфных *целому*. Показательна информация о принятом на Брестщине ритуале дележа хлеба: "...брали боханку и шли *на двор* становились *где зашло солнце* и перекрестивши начинали резать. Ломтик отрежет хозяин и возвращается в хату" (Столин. р-н). Число операций определялось количеством членов семьи, а локус совершения обряда и ориентация на *запад* позволяет предположить, что наделение хлебом (= Долей) каждого осуществлялось как бы от лица предков.

К иному миру (прошлого) апеллируют локусы, временны́е моменты и атрибуты, выбираемые обычно для гаданий о будущей Доле, заключающей в пределе альтернативу: *благополучие/смерть*, которая, как и противопоставление прошлого будущему, на глубинном уровне снимается, благодаря общей зависимости благополучия мира живых от мира мертвых и сопричастности друг другу обоих миров во времени и пространстве обряда.

Процесс печения хлеба, правила вынимания его из печи осмыслялись славянами в связи с их воззрениями на загробный мир. Особую сакральность получала печь - вход в этот мир.

В Речицком Полесье рекомендуют, вынув хлеб, кинуть в печь одно или несколько поленьев: "тры па́лки дроў на́да кі-

нуть, и на́да браса́ть напэрэкро́стак: две так.., а трэ́тья, як пападэ́, звэ́рху..." На Ровенщине кладут одно "поли́но" в длину, иначе, "як умрэ́, так на том свэ́тэ нэма́ бэ́рвины, нэма́ куда́ пэрэйти́ чэ́рэз рэ́чку, шоп нэ замочи́цца" (Рокитн. р-н). В Дубровицком р-не "поле́нцэ" надо положить "шоп на том сви́те була́ бэрва́ чэ́рэс кана́ву" с кипящей смолой. На Волыни также считают, что "на то́му сви́ти по то́му поли́нови вылазять из пэ́кла".

Хлебу, который з а б ы л и вынуть из печи, сообщались особые свойства: "хто забу́цца не мо́жэ, хлеп тот ест". Если "чолови́к" умер у "жо́нки", она ест "забу́тний хлеп" (Рокитн. р-н); "забутько́ даю́ть диты́не" (когда отлучают ребенка от груди) и "стары́м, шоп забу́уся скори́йшэ, нэ пэрэжыва́ў" (Дубровиц. р-н). В Речицком Полесье "забытны́й" или "забу́тный хлеп" используют, "як хо́дить бале́знь яка́я": "атрэза́ють акра́йчык е́таяго хле́ба, со́ли немно́шка у тра́пачку завья́зывають и ве́шають на шу́лку (= столб)". Именно длительный контакт с печью обеспечивает хлебу свойство вызывать забвение. Ср.: "як ўста́неш, у́трам пе́чку тапи́ть, то нагни́сь, загляни́ у пе́чку (3 раза), - бу́деш (покойника) забыва́ть быстрэ́й". Смысл контакта с печью раскрывает его аналог: "зе́млю маги́льную сыплють за варатни́к пальта́, шоп ты забыва́ла скарэ́й" (Речицк. р-н).

Если в ряде традиций (в т.ч. славянских) идея забвения прошлого связывается с образом реки (воды) - границы миров, то в полесских воззрениях акцент преимущественно делается на очистительной стихии огня, чей образ, более безразличный к идее дифференциации миров и к идее Времени и однонаправленного его течения, восходит, быть может, к воспоминаниям об обряде кремации.

Л.Н. Виноградова (Москва)

АРХАИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ПОЛЕССКИХ МАГИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ И ОБЕРЕГОВ, СВЯЗАННЫХ С УХОДОМ ЗА РЕБЕНКОМ

Из многочисленных форм полесских магических способов, направленных на избавление ребенка от "крикс" и "ночниц" (т.е. от длительного плача, бессонницы), более подробного

рассмотрения заслуживают такие ритуальные действия, архаичность которых подтверждается свидетельствами средневекового церковного источника, датированного XIII веком. Он известен как рукопись брата Рудольфа, написанная по-латыни в стенах древнего монастыря в Рудах (Верхняя Силезия, вблизи нынешних польских Катовиц), и представляет собой свод поучений по вопросам святой тайной исповеди ("Summa de confessionis discretione")[1]. Восьмой раздел ее был специально посвящен осуждению варварских обычаев колдовства, применяемого местными женщинами по отношению к роженицам и новорожденным.

Независимо от решения вопроса об этнической принадлежности населения Верхней Силезии середины XIII в., чрезвычайно важно отметить факты совпадений описанных в источнике форм магии со свидетельствами полевых полесских записей, поскольку они могут подтвердить предварительные наблюдения этнографов и фольклористов, касающиеся обнаружения значительного числа параллелей среди фактов традиционной народной культуры в зонах Моравско-Силезских Бескидов - Карпат - и Полесья.

Так, очень точно, например, был описан в "Каталоге магии Рудольфа" широко известный по полесским материалам обычай выливать воду после купания ребенка под хату, где тоже есть младенец, с тем, чтобы передать ему "криксы" и избавить от плача своего ребенка. Ср.: "Воду после купания ребенка выливают под забор (двора) другой роженицы, дабы то дитя плакало, а их было бы спокойным" (Karwot, s. 22).

Особенно ценным можно считать тот факт, что в средневековом источнике было отражено содержание приговора, с которым обращались к лесным духам, чтобы они избавили ребенка от плача: "Вечером, держа ребенка на руках, выходят за двери и выкликают лесную бабу, которую мы называем Фауной, чтобы дитя Фауны плакало, а их оставалось бы спокойным" (Karwot, s. 23). В близко сходной форме этот ритуал с соответствующим приговором неоднократно фиксировался в Полесье: Если ребенок по ночам кричит, то в 12 часов ночи надо выйти на крыльцо с ребенком на руках и прокричать три раза в голос: "Лесовые

---

[1] Рукопись переведена на польский язык и опубликована Э. Карвотом (E. Karwot. Katalog magii Rudolfa. Źródło etnograficzne XIII w., Wrocław, 1955).

деды и бабы, ого! Баба-Яга, угу, угу, угу! Берите криксы и несите в лес, а моей Кате ночницы принесите!" – (Полесский Архив, 1975 г., с. Новинки Калинковичского р-на Гомельской обл., зап. Р.А. Агеевой; в данном случае под "ночницами" подразумевался "ночной сон"). Приговорные формулы с обращением к "лесной бабе" фиксировались также в экспедиционных материалах, относящихся к Житомирской области.

Из других упомянутых в рукописи магических приемов, сохранивших в своем составе вербальный компонент, обращает на себя внимание обычай исполнять обрядовый диалог с той же целью – чтобы ребенок не плакал: "...носят его (ребенка) вокруг очага, в то время как кто-нибудь идет следом и спрашивает: Что несешь? – и отвечает неразумная: Рысь, волка и спящего зайца!" (Karwot, s. 21). Как известно, обрядовые диалоги – одна из широко практикуемых форм славянской народной магии. В полесском материале фиксировались другие по содержанию, но сходные по структурному типу диалогические приговоры, направленные на избавление детей от бессонницы и плача.

В ряде случаев роль приговорной формулы в обряде оказывается настолько важной, что позволяет реконструировать элементы первоначального смысла ритуального действия. С этой точки зрения интересен комплекс полесских магических приемов, устойчиво сопровождавшихся формулой: "чем мати народила, тем и отходила". Ее произносили при следующих действиях: протягивая ребенка у себя между ногами; перешагивая через ребенка, положенного на полу под потолочной балкой или на пороге; проводя рукой сначала у себя между ногами, а затем тыльной стороной руки по лицу ребенка и проч. Действия этого типа и соответствующая формула приговора позволяют рассматривать символику протаскивания ребенка через отверстие, между ногами, перешагивания через него и ряд других как акт его повторного рождения, очищающего от "уроков" и порчи. Можно предположить, что они являются эволюционно более поздними формами обычая, не вполне ясно описанного в "Каталоге магии Рудольфа": "...тем местом тела, которое называют вратами нашего появления на свет, они (женщины) накладываются на ребенка..." (Karwot, s. 22), по-видимому с целью избавления его от плача.

Безусловно, заслуживают внимания и те свидетельства

средневекового источника, полесских параллелей к которым пока не обнаружено. Например, обычай класть новорожденного в мешок, чтобы он хорошо спал; красть пучок соломы, которым чистят печь, чтобы мыть им ребенка при купании; класть в колыбель заячьи уши, лапки кротов для спокойного сна; благославлять новорожденного соломинкой, на которой завязан узелок,и другие.

В.Е. Гусев (Ленинград)

ВОЖДЕНИЕ И ПОХОРОНЫ "СТРЕЛЫ" В ВОСТОЧНОМ ПОЛЕСЬЕ

В обрядовом фольклоре восточных славян особое место занимает обряд вождения и похорон "стрелы". В восточном Полесье этот обряд приурочен, как правило, к празднику Вознесения, реже - к дню вешнего Юрия и связан с первым выходом в поле для осмотра озимых хлебов. Обряд известен как белорусскому и украинскому, так и отчасти русскому населению пограничных областей трех родственных этнических групп.

С названием "стрела" связываются: а) песня с зачином типа "Як пущу стралу да й удоль сяла" ("Да летела страла да и вдолж села", "Да й пашла стрэла да и вдоль села", "Летила стрыла да в кинець сэла" и т.п.); б) особый тип "танка́" - шествие широкими рядами по улицам села к месту сбора под пение названной, а также других песен (на типовой напев "стрелы" с общей для них ритмо-метрической структурой); в) основной эпизод обряда - похороны "стрелы" (тряпичной куклы, девичьей ленточки, шпильки для волос или, в нарушение традиции, - щепочки и других случайных предметов), сопровождающийся катанием женщин по земле, пением ("Песенка мая маленькая,|Схаваю цябе к налетей[ку]"), хороводной игрой, причитанием ("Лялечка мая милая, Да схаваю я цябе к Ушэсцейку"), ритуальным смехом.

Местом, где совершается основной эпизод обряда, служит, как правило, окраина поля озимой ржи (при этом вместо похорон символического предмета возможно толкание избранной девушки в поле или лишь групповое катание женщин по озими),

реже – лужайка, дубовая роща или берег реки.

Рассматриваемый обряд, типологически близкий к другим весенне-летним обрядам, связанным с преданием земле символических фигур или с проводами русалки, не тождествен им. Пограничный характер обряда (он "замыкает" весну и "отмыкает" лето) определяет его полисемантику и полифункциональность. Это является причиной различных, подчас односторонних объяснений его смысла (связь с охотничье-производственной деятельностью славянских племен, связь с культом умирающего и воскресающего божества, связь с культом Перуна). В основной, на наш взгляд, аграрной семантике обряда взаимосвязаны продуцирующая магия, карпогоническая магия и охранительная магия. Местное население осмысляет обряд как средство защиты от грозы ("стрела" – молния).

Материалы, собранные в восточном Полесье белорусскими и украинскими фольклористами, экспедициями Московской консерватории, Института славяноведения и балканистики, а также автором настоящего сообщения совместно с музыковедом Ю.И. Марченко, свидетельствуют о локальных различиях в структуре обряда и о разной степени сохранности традиции. Обряд совершается в некоторых местах до настоящего времени (спорадически и не как массовое явление), сохраняя магические функции или трансформируясь в игру; известны случаи реконструкции обряда.

Песня "стрела", будучи обязательным элементом обряда, вместе с тем исполняется и вне обряда на протяжении всего цикла весенних хороводов. Поэтому жанр ее определяется и исполнителями, и фольклористами по-разному: то как "козацкая" песня, то как хороводная, то как обрядовая, то как оторвавшаяся от обряда и превратившаяся в хороводную или в лирическую, семейно-бытовую песню. Однако в большинстве случаев она является "танóчной" песней, под которую девушки и женщины идут по селу, собираясь на хороводы или расходясь после них. На основе анализа текстов песни устанавливаются четыре ее версии. При этом, хотя на ее типовой напев исполняются и другие (по тексту) песни во время шествия, только "стрела" начинает весь весенний цикл хороводов, а также каждый хо-

ровод* и завершает этот цикл, поскольку исполняется в последний раз непосредственно перед самим обрядом. Тем самым устанавливается как общая для нее и других песен, сопровождающих шествие, сигнальная функция ("сборная"), так и только ей одной присущая магическая функция, непосредственно связанная с функциями обряда.

Т.А. Агапкина (Москва)

О СПЕЦИФИКЕ ПОЛЕССКОГО ОБРЯДА ВСТРЕЧИ ВЕСНЫ

Немногочисленные описания обряда встречи весны и свидетельства о его бытовании в Полесье, зафиксированные в этнографической литературе 19-20 вв., а также современные полевые материалы позволяют выделить в качестве одной из его локальных форм "перекличку", или "перегукивание".

Основной ареал бытования этой обрядовой формы охватывает Гомельскую область, большую часть Черниговской области, а также юго-восточные районы Могилевской и северные районы Житомирской областей. Аналогичные или близкие этой форме обряды представлены на русском западе, в частности, в Смоленской области, и в Румынии.

Обряд сводится к тому, что в начале весны его участники в составе нескольких групп размещаются на некотором расстоянии друг от друга и перекликаются между собой. Различия между отдельными микролокальными традициями обряда касаются практически всех его элементов: состава участников, количества групп, места и времени проведения, и, наконец, наличия или отсутствия определенной цели действия ("гукать весну").

Моментом, объединяющим различные варианты обряда, является четко выраженный антифонический характер основного обрядового действия. Оно может представлять собой, во-первых, простое "перегукивание", то есть обмен определенными ритуальными возгласами, во-вторых, "обгукивание" на возвышенно-

---

* Набор хороводов и игр, исполняемых в течение одного вечера.

сти или у реки при участии одной только группы, имеющее при этом целью добиться резонирующего звука; в-третьих, собственно "перекличку", то есть обмен веснянками, и, в-четвертых, диалог между двумя группами, находящимися на некотором удалении друг от друга.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что диалоги перекликающихся сторон, а также веснянки, которыми обменивались поющие группы, были ориентированы друг на друга и имели взаимно корильный характер, а в ряде случаев просто представляли собой идентичные тексты, в которые подставлялись названия соседних - "перекликающихся" - деревень.

В свою очередь можно предположить, что веснянки такого типа послужили обрядовым источником одной тематической группы весенней необрядовой лирики, именно той, сюжет которой основан на противопоставлении двух соседних деревень. В пользу такого заключения говорит не только общая смысловая соотнесенность обрядовых и необрядовых текстов и их идентичное календарное приурочение, но и почти полное совпадение ареалов бытования описанной обрядовой формы и необрядовой лирики.

С.А. Китова (Ровно)

"ВОЖДЕНИЕ КУСТА" В ВОЛЫНСКОМ ПОЛЕСЬЕ

В традиционной культуре Волынского Полесья сохранились до наших дней многие архаические формы народной обрядности. Так, обряд "вождения Куста", зафиксированный древнерусскими летописцами (Софийская первая летопись под г. 6753, т.е. 1145), еще недавно можно было наблюдать в Волынском Полесье. По сравнению с аналогичным обрядом Пинского Полесья Волынский "Куст" имеет ряд особенностей: например, он не связан с ритуальными действиями, направленными на вызывание дождя, не включает обходы источников, колодцев, обычаев обливания водой, погружения в воду различных предметов и проч. Вместе с тем отчетливо видна близость многих фольклорных мотивов, образов и поэтики "кустовых" песенных циклов Пинского и Волын-

ского вариантов обряда. Тождественными можно признать и целый ряд ритуальных моментов в структуре обоих обрядов.

Наблюдаемый нами с 1965 года обряд "вождения Куста" в с. Сварицевичи Дубровицкого р-на Ровенской обл. по своему характеру более близок к восточноукраинским "Тополе" и "Перегене", связанным с празднованием окончания весенних полевых работ. "Куст" в Волынском Полесье – как это видно из его современного состояния – обряд исключительно девичий, что в известной степени роднит кустовые песни с веснянками, однако для песен "кустового" цикла более характерны минорные интонации.

По тематическому признаку эти обрядовые песни, разрабатывающие аграрно-земледельческий комплекс мотивов, перекликаются со святочно-новогодним циклом, а также с песнями полесского купальского обряда.

Е. Владимирова, Е. Зайцева (Москва)
А. Топорков (Ленинград)

РЕДКИЙ ОБРЯД ВЫЗЫВАНИЯ ДОЖДЯ НА ГОМЕЛЬЩИНЕ

В Полесской экспедиции 1982 г. в дер. Присно (Гомельская обл., Ветковский р-н) авторами отмечен ритуал вызывания дождя, обращенный к Матери сырой Земле. В конце 1970-х гг., поздним июльским вечером, три вдовы в будничном платье тайком отправились на поле с иконами Богородицы и Троицы. Трижды обходили по солнцу полосы жита, плакали на землю: "Штоб жэ Земля́-ма́тушка зна́ла, што ўдовы рыда́ли и Го́спада умаля́ли. На кале́ни става́ли и цэлава́ли Зе́млю. Прэсвята́я Бага-ро́дица по́йде к Бо́гу и бу́де праси́ть за нас. На́да пла́кать, што́бы Земля́ зна́ла и Бог знал". При этом пели:

Ой, Земля́-Земля́,
Ой, Земля́-ма́тушка,
Плач ы рыда́й,
Го́спада Бо́га умаля́й,
Го́спада упраша́й,
Дай Бог, Го́спади,
До́шчыку –
Земля́ жа́ждушчая.
Дай Бог, Го́спади,
До́шчыку,
Земля́ жа́ждушчая.
Го́спади, пами́луй,

Удáр грóмам,
Блúсьми мóланней,
Растварыща ўся землЯ́.
Гаспóдь, нашлé дóшчык.
О Гóспади,
Дай Бог, Гóспади,
Дóшчыку.
На гарóд и на пóле,
ЗемлЯ́ жáждушчая.
На сúрат и на ўдоў,
Спасáй младéнцаў малы́х.
Явúса к нам
На пóмач нам.
Спасы́ нас, Гóспади,
Не пабедú ты нас,
Гóспади,
Спасú сúрат и ўдоў.

Мы ж тябé умалЯ́ем
И к сабé прызывáем:
Явúса к нам
На пóмач нам,
Спасáй нас, Гóспади,
Ат такúя жары́.
Падýй, вéтрычак,
Нагани́ хмáрачку.
Гóспади, сам Гаспóдь
Исýс Христóс,
Пашлú нам дóшчыку,
Аджывú расьтéния
И напóй зямéльку,
Сухýю зямéльку.
ЗемлЯ́ жáждушчая,
Жáждушчая,
И вады́ хóчэ.

Происхождение дождя участницы ритуала понимают в соответствии с архаическими представлениями о взаимосвязи влаги подземной и небесной: "И пакá не вазбýде гром Зямлú, то дождь не пóйде. Як гром да маланья́ - ЗемлЯ́ жэ двúжэца, растварáэца. И пайдéт дождь. Васпарáэца ўсё, и ў гарý идéть. И дождь идéть з гары́".

Помимо названного случая к Земле обращаются, отправляясь в дорогу, и тогда, когда хотят кого-нибудь приворожить:

Мать сырáя ЗемлЯ́,
Спасáй менЯ́,
На тябé надéжа,
Спасáй нас.
Éсьли ты нас не спасéш,
Кто ж нас спасé?
Я ж па табé идý,

А ты мянé спасáй,
Укажы́ мне путь харóшый.
Памажы́ ты мне,
ЗемлЯ́-мáтушка,
Тýю пáру,
Катóраю я люблю́.

В докладе приводятся и другие материалы, свидетельствующие о сохранении в дер. Присно некоторых реликтов языческого культа Матери сырой Земли.

А.Ф. Журавлев (Москва)

МОТИВ ЗАВЯЗЫВАНИЯ УЗЛА В ПРОДУЦИРУЮЩЕЙ МАГИИ
(некоторые восточнославянские параллели к полесским скотоводческим обрядам)

Среди известных в Полесье магических средств, призванных обеспечить благоприятный исход случки коровы с быком, обращают на себя внимание магические приемы, одним из существенных акционально-семантических моментов которых является мотив 'завязывания узла'. Так, например, в западном Полесье распространено следующее средство: "Шнурóк (зáвјаску) од‿мішкá навјазáты на‿рóγы і‿вéсты до‿быкá либо погонять этим "шнурком""; "Когда ведут корову к быку, берут зáвяску от мешка, навязывают на рога, после случки снимают и снова завязывают ею мешок" (соответственно сс. Радеж и Олтуш Малоритского р-на Брестской обл. - собств. записи). Очевидно, мотив узла (завязывания, плетения) может реализоваться и в ткаческих ассоциациях: "Корову к быку гонят через нітá, разложенные на пороге хлева (сарая)" (с. Олтуш).

Семантика мотива завязывания узла чрезвычайно прозрачна: ср. этимологию слова супруг в связи с прягу, упряжь, запрячь и т.д., "брачную" семантику таких слов, как вязка, связь, союз, узы, путаться и т.п.

Этот мотив нетрудно обнаружить и в приемах продуцирующей магии, отмечаемых в других местностях; ср.: "Если корова приведена к быку из другого стада, то для той же цели (т.е. чтобы случка оказалась успешной. - А.Ж.) приведший опоясывается "моторкóм", на котором вел корову" (Полоцкий у. Витебской губ. - Никифоровский); "Aby krowa za jednym zachodem lub po kilku stanowieniach wreszcie się odpolowała, robią na tym powrózku, na którym ją do wołu prowadzono, 3 węzły" (Галиция - Świętek); сюда же примыкает магическое использование санной завертки (веревочная и т.д. петля для прикрепления к саням оглобель) в Нижнеудинском у. Иркутской губ.: "Когда корова долго бегается, но не может взяться (ну, забеременеть!), старухи учили поскрести завер(т)ку от саней - веревошну ли, из прутьев ли, все равно - и наскребыши скормить с хлебом корове" (Г. Виноградов), ср.: "Чтобы кобы-

ла жеребилась: ... Найти потерянное лошадиное путо завязанное, соскочившее с ног лошади, ночью. Путо это высушить, стереть в порошок и давать кобыле в овсе" (Болховский у. Орловской губ. – архив Тенишевского бюро) и др.

Мотив узла, магического завязывания, ярко выражен в распространенных на юго-западе великорусской зоны и территориях, примыкающих к Полесью, ритуалах, приуроченных к моменту отёла и состоящих в привязывании к рогам коровы женского платка или куска холста. В Жиздринском у. Калужской губ. покрышка, надеваемая на голову корове, специально изготовляется "из той части холста, в которой при тканьи его образуется много узлов. Это выражает желание хозяев, чтобы телка (данный обряд проделывается с первотельной коровой. – А.Ж.) телилась постоянно" (архив Тенишевского бюро); ср. в сходном смоленском обычае: "Когда корова телится, отрежут узлы от холста на обшивку, т.е. отрежут узенькую тесемочку, и завязывают корову молодухой, и до тех пор корова носит тесемочку, пока она развяжется..." (Ельнинский у. – Добровольский).

Эти же ритуалы (или схожие) исполняются и после отёла: "Если отелится первый раз корова, то хозяйка отрывает нижний (!) рубец своей рубашки и обматывает вокруг рогов коровы" (Украина – Чубинский); "Когда у нас корова первым телком отелится, бабы оторвут что, да ей на рога и повесют: это значит – молодую в сорочку наденут" (Пензенский у. Пензенской губ. – архив Тенишевского бюро; ср. выше завязать корову молодухой); "Если корова отелилась в первый раз, хозяйка... навязывает на рога, от зачинального (!) конца, полотна" (Ветлужский у. Костромской губ. – там же). Многочисленные записи обычая повязывания на рога отелившейся корове куска полотна, оторванного от подола хозяйкиной рубахи, сделаны участниками Полесских экспедиций (Городнянский, Репкинский, Черниговский р-ны Черниговской обл., Овручский р-н Житомирской обл. и др.).

М.Р. Павлова (Москва)

ПОЛЕССКИЕ ОБРЯДЫ И ПОВЕРЬЯ, СВЯЗАННЫЕ С ТКАЧЕСТВОМ

В докладе рассматриваются народные представления, относящиеся к одному из этапов ткаческого производства - снованию.

Считают, что процесс снования и результат этого процесса - основа-связаны с глубинными свойствами мироздания: "свет сновался", "паук свет сновал", "Адам и Ева засновались". Связь снования с потусторонним миром прослеживается в поверии, что после того как снимешь основу, надо на ней посидеть и посмотреть в окно: "трэ посидéть и в окнó трэ подивúца: кáже свéта побáчишь на том свете", "на том свете мáтэрь побáчу" (Рс). Не случайно поэтому процесс снования - самый насыщенный запретами, оберегами и магическими действиями.

I. Запреты.

1. Временныé запреты и ограничения распространяются на а) праздники - Благовещенье: Можно "засновать" дождь; Русальная неделя: На русальной неделе "не снуéмо, бо перепýтають нитки ‹ русалки › (Щ). Среда "середопостной" недели (четвертой недели Великого поста): "Бýдут хрестú робúца, як намáтывать на верстáть" (Рс, Пд); б) дни недели - понедельник: "У понедúлок свет сновáўся, Адáм и Éва засновáлись" (Рс); среда: "Сэрэдá - жóнка"; "сэрэдá - жýнка бэрэ́ для дóчок, богáто оснóвы пýйдет" (Рс); пятница: "Пя́тница - жóнка"; "у пя́тницы богáто дóчек е, не сновáли" (Рс); в) время суток - ночь: Необходимо кончить снование до ночи: основу оставлять на ночь нельзя, "лихэ́ хóдить снуé, домовúк" (Рс), "чéрти колыхáца бýдут ‹ в основе › " (Мкш); г) фазы луны. Когда месяц большой, т.е. "пóўны", то нúток пойдет больше: "Як кончáюца пóўны - снуют: мéньче нúток трэ́ба" (Вз); "Перед подпóўной сновáть ‹ надо › , щоб прибúток бы́ў. На схóдних днях не начинáют" (Рс).

2. Пространственные запреты.
а) до Благовещенья не вешают основу на дворе. Если вешаешь, "тре замикáть залéзной колóдкой (т.е. замком)" (Вз). Основу "до Благовещенья обливáли, но сушúли ў хáте, а после - и су-

шили во дворе́" (Мкш); б) при переносе из дома в дом основу замыкали замком, иначе в селе появятся волки, между селами "волки будут сноваться"; в) если сновали в чужом доме, основа должна там переночевать: "хто снуйе́ у ве́чери, сно́ву ки́дае и наза́ўтра прихо́дит и забира́е" (Вз). При сновании в чужой хате приносят с собой хлеб и соль. Благодарят хозяйку за стену. Оставляют нитки в том доме: "трэ покида́ть клучо́к ни́ток", "сную́ешь в яко́й ха́те, некоторые катушки оставля́е, что-нибудь оста́вить" (Вз).

3. Запрет на присутствие посторонних при работе. Лучше сновать, чтобы никто не видел. "Коли́сь на́ши замика́ли две́ри, шоб никто́ не пришэ́ў и не ви́шэў. По́ки не обийдут розо́ў ско́йко (т.е. не сделают нескольких витков), ‹ никого не пускали › . А тоди́ ужэ́ обкла́лы, тоди́ ужэ отчиня́ют дверь" (Рс).

П. Формулы-приговоры. I. Перед началом работы: "Як снова́лося ма́ты, хай так ро́бица и мене́" (Рс). "Господи Боже поможи́ и спор покажи́, хай осную́еца и на потканье́ остае́ца" (Рс). 2. Пожелания со стороны человека, увидевшего работающего: "Хай тоби́ бу́дет на уто́к" (Вз); "снуй здоро́во, што́бы бистре́й снова́ло" (Пд).

Ш. Обереги при сновании: Хлеб, соль, уголь. "Як почина́ют снова́ть чина́, вниз кладу́т кра́йчик хле́ба, соль, ву́голь и почи́на (т.е. глину от печки)" (Вз). Бросая угли на основу, надо сказать: "Шоб снова́лося и еще на уто́к острава́лося" (Щ). Если шли сновать в чужую хату, "в корзи́ну, в ни́тки кладе́ окра́йчика, си́ли, печили́ну. Там и лежит" (Рс).

IУ. Магические действия. Снимая основу, производили ряд действий, "чтобы было лучше полотно, чтобы лучше рос лен, чтобы лучше ткалось". Сняв основу, клали ее на лавку и садились, "шоб сади́лося ‹ полотно › , шоб пло́тно бы́ло" (Рс). При этом говорили: "Коб гла́дка як ла́ва, уру́члива як сра́ка" (Сн). Считали, что надо основой "об ла́ўку поби́ть, шоб мо́цно полотно́ бы́ло, потрепа́ла и сра́кою сел, шоб до́бре сади́лось" (Рс). Гвоздики на стене, "коло́чки", не оставляли голыми. Их обвязывали ниточками или льном, "шоб соро́чка не рва́лась" (Вз); "шоб не роски́далось, шоб не порвало́сь" (Рс).

Сняв основу, ее трижды поднимали высоко над головой, "шоб высо́кий л'он рос" (Рс, Мкш). Перед тем как сесть на ос-

нову, ее клали на пол и перепрыгивали через нее три раза, говоря: "Сновáлося, не рвáлося, и коб ткáлося не рвáлося". Каждый раз перед этими словами надо было плюнуть (Сн).

Принятые сокращения:

Вз – Возничи Овручского р-на Житомирской обл.
Мкш – Макишин Городнянского р-на Черниговской обл.
Пд – Подрожье Ковельского р-на Волынской обл.
Рс – Рясное Емильчинского р-на Житомирской обл.
Сн – Синин Пинского р-на Брестской обл.
Щ – Щедрогор Ратновского р-на Волынской обл.

Г.И. Трубицына (Москва)

НИТЬ И ЕЕ ОБРЯДОВЫЕ ФУНКЦИИ

Нитки, пояс, полотно участвуют во многих семейных и календарных обрядах, и их ритуальное использование имеет много общего.

Прядение регламентировано системой пространственно-временных запретов. В годовом праздничном цикле особо отмечаются святки и дни поминовения усопших. Связь с похоронной и святочной обрядностью прослеживается также на уровне мотивировок запретов. Днями недели, в которые запрещено прядение, в Полесье являются пятница и среда (с географическим варьированием пятница – пятница и среда). Варьирование запрета может быть также связано с противопоставлением шерсть – лен, конопля.

Превращение нитки в обрядовую реалию происходит путем образования дополнительного признака. Существенными оказываются следующие моменты: I. Материал, из которого прядется нитка: дикая конопля или крапива; красная шерсть (красный по отношению к шерстяному является сопутствующим признаком, в заговорах шерстяной заменяется шелковым, но не льняным или конопляным). 2. Способ прядения, отличающийся от обычного: левой рукой, закручивание нити слева направо. 3. Место, где

производится прядение: порог. 4. День, в который производится прядение: ночь на Ивана Купалу, Чистый четверг (с последним, как правило, объединяются 2й и 3й дополнительные признаки). 5. Время в пределах суток: до восхода солнца, в течение дня или ночи (нить входит в круг "обыденных" предметов, изготовленных за один день или от захода до восхода солнца: полотно, реже сорочка, пояс, нитка). 6. Использование отходов: пухлика (пушок, отделяющийся в процессе ткания при движении берда), концов (невытканные остатки ниток) выймы, недоходни, отворотки (излишек основы при навивании на станок, если допущена ошибка при сновании). 7. Необработанность нити (суровая нитка - важно наличие влаги, невысушенность).

Магическое действие оказывают нитки, ритуально уже использовавшиеся: нитки, которыми обвязывались нит или бердо при переносе или передаче.

Выделяются следующие формы использования обрядовой нитки: обвязывание, опоясывание, перетягивание через дорогу, измерение, завязывание узлов (в двух последних формах нитку уничтожают - закапывают или сжигают). Обрядовые нити употребляются в лечебных целях, как оберег, средство ворожбы, для отгона волков от деревни или как оберег скота от волков.

А.Ф. Ошуркевич (Луцк)

О МУЗЫКАЛЬНЫХ ТРУБАХ В ВОЛЫНСКОМ ПОЛЕСЬЕ

Факты свидетельствуют, что среди наиболее распространенных музыкальных инструментов в Полесье в далеком прошлом были трубы, имевшие в разных микрорегионах свои особенности.

О трубах-лигавах как особом роде трембит упоминает в своей монографии А.И. Гуменюк[1]. Как известно, трубы отличаются от трембит тем, что они значительно короче. Звук, сильный и немного гнусавый, извлекают, вдувая воздух через деревянный мундштук.

Еще до недавнего времени трубы встречались и в западном - Волынском Полесье. Были они длиной до трех метров: использовались для сигнализации, при сельскохозяйственных ра-

ботах и т.п. Обычай трубить во время озимого посева был зафиксирован в некоторых селах бывшего Ковельского у. В с. Щедрогор в первый день посева - вечером по возвращении с поля домой крестьянин брал трубу и начинал трубить. Это делали для того, "щобы так трубило жито", то есть чтобы обеспечить хороший урожай[2].

Интересные данные о полесских трубах обнаружил Ф.Д. Климчук в дер. Симоновичи Дрогичинского р-на Брестской обл., где этот музыкальный инструмент бытовал до конца 20-х гг. XX в. Трубили обычно здесь на Ильин день - для оповещения о начале осени. Правда, исследователь одновременно отмечает, что "игра на дрогичинской трубе в последние годы ее бытования носила в основном увеселительный характер, хотя сохраняла и некоторые ритуальные черты: начинали трубить в определенный день, который в эпоху язычества считался праздником бога-громовержца Перуна"[3].

Вообще музыкальная труба еще в недалеком прошлом была тесно связана с некоторыми народными верованиями, что неоднократно отмечали этнографы[4]. Рудименты этих верований отражены в обрядовых песнях и волшебно-легендарных сказках.

До недавнего времени в некоторых селах, в том числе в Шепеле Луцкого р-на Волынской обл., из коры молодой ивы, липы или вербы изготовлялись пастушеские трубы для развлекательных целей. Они были длиной 30-40 см с диаметром раструба 5-7 см. Кору, вырезанную полосами спиралевидным способом из дерева, конусообразно скручивали и в нижний тонкий конец трубы вставляли трость. Внешний конец ее зачищали до такого состояния, чтобы при вдувании воздуха она могла вибрировать и издавать звук. Для извлечения большего количества разных по высоте звуков на корпусе трубы иногда прокалывали произвольно несколько дырок. Корпус инструмента мог долгое время сохраняться, трость же быстро высыхала, деформировалась, требовала замены[5].

Сравнительно небольшая пастушья труба, изготовленная в начале нашего века из жести, была обнаружена нами недалеко от зоны Полесья - в селе Кутрове Гороховского р-на Волынской

обл. Ее можно считать своеобразным прототипом первобытных деревянных труб Полесья.

---

[1] См.: Гуменюк А. Українські народні музичні інструменти. К., "Наукова думка", 1967, с. 28.

[2] Теодорович Н.И. Волынь в описании городов, местечек и сел. т. У, Почаев, 1903, с. 391.

[3] Климчук Ф.Д. О полесском варианте одной карпато-полесской изопрагмы. - "Карпатский сборник". М., "Наука", 1976, с. 136.

[4] См.: Мошков В.А. Труба в народных верованиях. - "Живая старина", 1900, вып. Ш, с. 297.

[5] Сведения получены от уроженца с. Шепель Луцкого р-на Волынской обл. Е.М. Палюха, 1946 г. рожд.

В.В. Аниченко (Гомель)

ПОЛЕССКИЕ ТРАДИЦИОННЫЕ НАРОДНЫЕ ПРИМЕТЫ

В полесских традиционных народных приметах, явившихся результатом многовековых наблюдений местных жителей за явлениями неживой и живой природы, можно выделить несколько семантических групп.

Наиболее распространенными являются приметы, предсказывающие

а) погоду в течение суток: Раніцай вялікая раса і туман - на добрую пагоду, сухарос - на дождж. Павуцінне спелецца па траве - на цяпло. Вясёлка на захадзе - на дождж, на ўсходзе - на пагоду, раніцай - на дождж, вечарам - на добрае надвор'е. Гром грыміць доўга і не рэзка - на непагадзь, адрывіста і нядоўга - на ясную пагоду. Дождж скрозь сонца - на непагоду. Адуванчык сціскае свой шар - на дождж. Белы гарлачык на возеры закрываецца - на дождж. Кветкі моцна пахнуць - перад даждждом. Моцна рыпіць снег - на ясную пагоду. Дым ідзе слупам - на мароз, а рассцілаецца нізка - на адлігу. Калі ноччу быў іней - днём снег не выпадзе;

б) погоду в пределах года: Калі дуб раней ясеня распус-

ціць ліст – на цёплае лета. Многа рабіны – на дажджлівую восень, мала – на сухую. Позді роскв іт рабіны – на доўгую восень. Гром у верасні – на цёплую восень. Урадзіла цыбуля з тоўстым лускавіннем – быць халоднай зіме;

в) время сева, цветения и уборки хлебных злаков, огородных растений, овощей: Сей авёс, калі бярозавы ліст стане распускацца, да распускання асіны, калі ліст на дубе распусціцца на заечае вуха. Сей ячмень – пакуль цвіце каліна. Не сей пшаніцу – пакуль дуб не распусціць лісце. Вольха зацвіла – сей грэчку. Рабіна зацвіла – пара сеяць лён. Калі цвіце шыпшына і вішня – сей кукурузу. Калі распускаецца дуб – сей гарох. Зазелянела бяроза – саджай бульбу. Зацвіла яблыня – садзі гуркі, памідоры, гарбузы. Зацвіла асіна – сей буракі, моркву;

г) качество урожая: Брусніцы даспелі – значыць авёс даспеў. Зацвіла чырвоная канюшына – значыць паспелі ў лесе ягады. Ураджай на сасновыя шышкі і асінавыя почкі – ураджай на ячмень. Калі жыта зацвіце разам з сасной – будзе добры ўраджай. Вялікая раса – на ўраджай гуркоў. Калі вярба рана распусціла лісточкі – не чакай добрага ўраджаю;

д) грибную пору: Воблакі сталі чапляцца за лес – ідзі па грыбы. Закаласілася жыта – пачалі расці каласавікі, а выкаласілася – з'явіліся баравікі, падбярозавікі, падасінавікі. Зацвіла асіна – наступіла пара збору смарчкоў. Запладаносіла асіна – з'явіліся падасінавікі, чаромха – першыя падбярозавікі, ліпа – сыраежкі і лісічкі, верас – рыжыкі. Даспеў авёс – пара першых апенак;

е) сезонные перемены: Прышоў Пятрок – апаў лісток, Ілля – апала два, Барыс – усё пагрыз, Міхал – усіх з поля паспіхаў, прышла прачыста – стала чыста. Прышоў Пятрок – час дня ўвалок, Ілля-прарок – два часы ўвалок.

Множество примет о погоде основано на наблюдениях над поведением животных и насекомых перед предстоящим изменением погоды: Калі краты з восені нацягваюць у свае норы шмат іржышча або саломы – зіма будзе суровая і снежная. Пчолы восенню ляток воскам залепліваюць, пакідаючы ледзь бачную шчыліну – на халодную зіму, пакідаюць яго адкрытым – на цёплую. Пчолы позна вечарам вяртаюцца ў вулей – на дождж, а раніцай іграюць – будзе ясны дзень. Перад дажджом пчолы не лятаць

далека ад вулля, а перад добрай пагодай - стаямі далека ў полі. Калі з прыбліжэннем хмар пчолы не хаваюцца ў вуллі, а прадаўжаюць работу - дажджу не будзе. Жураўлі ляцяць высока - зіма ячшэ далёка, а нізка - восень блізка. Ластаўкі лятаюць нізка над зямлей (вадой) - на дождж. Заспявалі рана пеўні - цяпло наступіць. Чайкі многа купаюцца - быць непагадзі. Калі мышы робяць высока гнёзды на траве - дажджлівае лета будзе. Лятае навозны жук - на добрую пагоду. Калі ўсе вароны сядаюць галовамі ў адзін бок і блізка да ствала дрэва - будзе моцны вецер. Салавей пачынае пець, калі нап'ецца расы з бярозавага ліста. Стрыжы лятаюць высока - на ясную пагоду. Цвыркун моцна трашчыць - будзе непагода. Вечарам моцна стракочуць конікі - на добрае надвор'е. Прыляцелі снегіры - будзе снежна на двары. Качкі крычаць - навальніцу клічуць. Куры неспакойна кудахчуць - на непагоду, а круцяць хвастамі - на завею. Свіння пішчыць і стараецца напягнуць саломы ў сваю бярлогу - на буран. Сінічка з раніцы пачынае пішчаць - чакай адлігі. Калі позняй восенню вылятаюць камары на сонейка - зіма будзе мяккай. Калі гракі прама на гнёзды ляцяць - дружная вясна. Калі мышы ў лёне гняздо саўюць - зімой будзе многа снегу, а калі мышы адкрываюць норы на цёплы бок (старану) - зіма будзе суровая. Калі птушкі ўюць гнёзды на солнечным баку дрэў, - на халоднае лета. Галкі чародамі ляцяць - на дождж. Гракі крычаць - пагода сапсуецца. Жабы крумкаюць - будзе дождж. Птушкі прыціхлі - чакай грому. Конь храпе - на непагоду, фыркае - на цяпло, трасе галавой і закідае яе ўверх - на дождж. Коні спяць стоячы - на холад, кладуцца - на цяпло. У які бок кладзецца звер - з той стараны чакай ветру. П'яўка з'явілася на паверхні вады - чакай дажджу, поўзае па дну - будзе ясна. Вялікія мураўіныя кучы к восені - на суровую вясну. Калі ў добрую пагоду большая частка хадоў у муравейніку закрыта і мураўёў не відаць - чакай дажджу, непагоды. Павук размяшчае сваю павуціну колам - на пагоду. Павук узмоцнена пляце павуціну - на сухую пагоду. На непагоду - павук вешае сетку гарызантальна.

Материал полесских традиционных народных примет может служить объектом исследования в двух отношениях - лингвистическом и этногенетическом.

А.В. Гриб (Минск)

НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ТРАДИЦИОННОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ С. БУРМАКИ ДРОГИЧИНСКОГО РАЙОНА

Ниже приводятся выдержки из материалов по традиционной духовной культуре, собранных автором в своем родном селе в 1982 г.

Бородавки. Способы выведения бородавок: 1) Взять из-под правой пятки три раза песка и три раза потереть бородавки при молодом месяце. 2) Завязать узлами нитку вокруг бородавки, закопать в землю при луне и помочиться на это место. 3) Умыться росой до восхода солнца. Вал. На валу кладбища хоронили самоубийц, некрещеных детей. Воркун (ворон). После дня св. Петра птицы превращают кукушку в воркуна. Гром. Первый гром предвещал: на западе - мокрое лето, на востоке - сухое лето. Девять. При встрече с волком необходимо девять раз проговорить "Отче наш". Дети. Появление детей объясняли детям так: "бусе́к" (аист) бросает через дымоход. Дождь и солнце. Дождь идет и светит солнце - плачут неродившиеся, умерщвленные в утробе матери дети. Если хоронят самоубийцу во время дождя - долго будет идти дождь, при солнечной погоде - долго не будет дождя. Жаба. Убивали жабу (ночью), чтобы вызвать дождь. Коса. Косу подкладывали под порог хлева при первом выгоне скота, затыкали под "стрі́ху" для оберега скота от всякого зла. Крест. Крест из бумаги делали во время приглашения покойников на кутью. Купаться. Нельзя купаться до цветения льна. На Купалу нельзя купаться, поскольку еще не святили воду. Лапти. Чтобы вывести клопов, везли их в лапте с плачем на дорогу и выбрасывали. Пчелы. Фрагмент приветствия хозяину во время колядования: "Отчины́ окно́, шоб дав бiг добро́, отчины́ сі́ны, шоб пчо́лы сі́лы". Сны. Сны предвещали: рыба - плохой год или смерть, жарить рыбу - смерть, ловить живую рыбу - прибыль, черная корова - урожай, черная лошадь - страшная болезнь, красная лошадь - успех, верхом на лошади - большой успех в жизни.

Е.А. Охомуш, А.Т. Сизько (Днепропетровск)

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД АРХАИЧЕСКИМИ ЭЛЕМЕНТАМИ НАРОДНОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ СТЕПНОЙ УКРАИНЫ

В докладе анализируется полевой материал, собранный в 50 нас. пунктах Степной Украины по вопроснику Института славяноведения и балканистики на тему "Дождь. Гром. Град".

I. Обряды, связанные с первым весенним громом. Выполнение этих обрядов не только может защитить людей от грома, но и предохраняет от болезней, способствует благополучию и т.п. Наиболее распространены обычаи: во время первого грома тереться спиной о дерево либо прикасаться ею к другим предметам; бить или тереть голову камнем, произнося при этом заклинания; обнимать дуб либо грызть его кору или полено; умываться или обливаться дождевой водой; зажигать свечи, лампаду перед иконами и молиться и т.п.

2. Обряды от страха перед грозой: подпаливали волосы на голове взрослых и детей, окуривали дымом членов семьи; рисовали копотью от свечи кресты в избе. Рисовали мукой на стене крест и давали детям поесть этой муки.

Детям запрещалось смотреть в зеркало, не разрешалось сажать их на стол; им давали целовать хлебную лопату. Во время грозы зажигали страстную свечу, крестились три раза перед иконами, произносили молитвы и др.

Многие действия выполнялись не только для того, чтобы не бояться грома, но и с иной целью: так, ели цвет пшеницы или ржи, чтобы быть красивым, умывались водой с цветом ржи, чтобы не болеть, ели хлеб, который грызли мыши, чтобы не болели зубы.

3. Действия, защищающие от грома. Не работали в праздники (Антония, Ильи, Благовещения, в громовую субботу и др.); в страстную пятницу жгли освященную вербу в конюшне; рисовали копотью от свечи кресты на дверях и окнах хаты; в дни поминовения усопших (на проводы) оставляли на ночь еду покойникам и др.

Кроме этих повсеместно известных обрядов, в Степной Украине бытовали и специфические локальные ритуалы: хранили во дворе гнездо ремеза, найденное в лесу; клали по углам хаты

освященные сухие яблоки; на праздник водосвятия кропили священной водой все содержимое двора и дома, а вокруг дома чертили линию мелом.

4. Действия, предотвращающие грозу или ослабляющие ущерб от нее. Выбрасывали из хаты хлебную лопату, ухват, кочергу и другие предметы; забрасывали на хату топор, кочергу; выносили во двор стол с хлебом и солью; вешали икону "Неопалимая Купина", крестились и читали молитвы.

Известны в Степной Украине обряды и ритуалы магического характера, направленные на то, чтобы остановить тучу или отвернуть ее от села: махали на тучу платком и другими предметами; крестили ее рукой, хлебной лопатой, произнося при этом молитвы либо заклинания. Когда началась гроза, переворачивали к стене стол вместе с наполненными тарелками.

А.Т. Хроленко, И.С. Климас,
Т.М. Малыхина (Курск)

С ПОЛЕССКОЙ ПРОГРАММОЙ В КУРСКОЕ СЕЛО

Летом 1982 года диалектологическая практика студентов Курского госпединститута включала дополнительную работу практикантов по программам, составленным проф. Н.И. Толстым и его сотрудниками на материале Полесья.

Обследовалось несколько населенных пунктов Курчатовского района Курской области (окрестности поселка Дичня). В работе приняли участие 38 студентов и 3 преподавателя.

Опросы нескольких десятков информантов дали достаточно большой и, полагаем, интересный материал. На одни вопросы все информанты отвечали почти одинаково. Например, колосья, оставленные в поле после жатвы, называются Илья-борода (борода к Ильину дню). Костры жгли на Ивана Купалу. Молодежь творила бесчинства на Новый год (снимали ворота, затаскивали на крышу сани). Игра солнца наблюдалась под Петров день (раннее утро 11 июля): играить сонца. Спутанное жито звалось заломом (их делали знахари, колдуны). Хлеб из ржаной муки, который пекли в будни для каждодневного употребления, назы-

вался корвега (корвежка). Дождь, который идет, когда светит солнце, называется слепым ("Ведьма масло калотить"). На троицу хату украшали ветками клена (чаще), дуба, березы, но не осины ("праклятая дерива. Асину ставили, иде карова стаить, штоп ведьма ни заходила"). Прясть замашку в пятницу нельзя было: постный день, а прясть волну (шерсть) можно было. Знатоки полесского материала могут сравнить эти материалы со своими.

На ряд вопросов анкеты ответов не было. Например, не знают, что такое волколак. Некоторые обряды у курян отсутствовали. Например, хозяина поля во время жатвы перевяслом не обвязывали и снопами не обставляли. Мытье хлебной дежи ни к какому празднику не приурочивали. Не катали на бороне (корыте, тачке) тещу или кого-либо еще.

На ряд вопросов давались разные ответы, что, видимо, свидетельствует об угасании того или иного обряда.

Практикантами записано несколько десятков народных лирических песен, легенд, заговоров, детских песенок и считалок.

Полученные материалы еще требуют углубленной интерпретации и сопоставительного анализа.

Последующее планомерное обследование западных районов Курской области по полесским программам даст возможность увидеть сходство и различие курского и полесского материала, уточнить те или иные изоглоссы, проходящие через оба региона.

VIII. ФОЛЬКЛОР

Ю.И. Смирнов (Москва)

СОБИРАНИЕ ОБЩЕСЛАВЯНСКИХ И СХОДНЫХ С НИМИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ В ПОЛЕСЬЕ (1974-1980)

Ко времени первой поездки в Полесье мы имели определенные представления о сюжетном составе эпической традиции южных славян, украинцев и словаков, поляков и русских. Был составлен и опубликован список схождений между эпическими песнями славян, наряду с песнями подбирались и прозаические параллели. При этом отмечалось, что наиболее всего перекликаются между собой песни южных славян и русских, а не менее половины русско-южнославянских перекличек подтверждается словацким и западноукраинским материалом. Схождения дают преимущественно те районы расселения славян, где собиратели бывали сравнительно регулярно (Русский Север, Западная Украина, Западная Болгария и др.), благодаря чему даже в случайном и произвольном сборе материала, многократно повторенном во времени, отразился объективный и закономерный характер сходства между фольклорными традициями славянских народов. Поэтому столь важен последовательный и целенаправленный сбор материала, проводимый как в местах, часто посещавшихся собирателями (для подтверждения и уточнения их результатов), так и в местах, плохо или совсем не обследованных (для определения отношения их традиции к известным традициям).

Полесье особенно привлекательно как район, где славяне поселились раньше, чем они освоили Балканы и все те места, которые потом стали называться Россией, и где неславянское влияние было явно незначительным на протяжении последних порядка полутора тысяч лет. Записанные в Полесье тексты, как правило, могут считаться общеславянскими по происхождению. И, следовательно, наоборот, записанные в других славянских районах тексты, сходные с полесскими, также можно считать общеславянскими. Полесье стало для нас контрольным полигоном для проверки природы сходства между повествовательными пес-

снями славян.

Самая серьезная и непреодолимая трудность освоения такого района, как Полесье, густо заселенного, с селами обычно в 300 и более дворов, состояла в том, что нам приходилось рассчитывать главным образом на собственные силы, в лучшем случае дополняемые добровольной помощью других участников экспедиций. Коллективная работа безусловно могла бы охватить большее число пунктов и обеспечить более массовый сбор материала, что углубило бы представления о характере полесской традиции в целом и по отдельным местам, о распространении конкретных сюжетных форм.

Мы проводили поиск и сбор текстов в пределах упомянутого списка схождений, хотя и не придерживались его, если исполнители предлагали не отмеченные в нем, но созвучные тексты: благодаря им расширялся сам список схождений. Опрос проводился только по сюжетам. Обнаружить в каждом селе как можно больше сюжетов - вот что было главной целью. В случаях фиксации редких или чем-то интересных текстов через определенное время делались повторные записи. Перед непосредственной записью исполнителю обычно предоставлялась возможность обдумать и прорепетировать текст.

Довольно скоро было замечено, что в одном и том же селе могут бытовать разные по происхождению версии или сходные формы одного и того же сюжета (сюжеты-"дубли"). Их поиску и записи придавалось большое внимание: фиксация сюжетов-дублей означает выявление смешанности репертуара и, следовательно, неоднородного в этническом плане характера местной традиции.

Нас интересовало как бытование конкретных форм каждого отдельного произведения, так и определенной совокупности, набора произведений в обследуемых селах. Обнаруживая бытование каких-то текстов, можно было предполагать (и это подтверждалось), что с ними вместе бытуют и некие другие тексты, связанные с первыми тематикой, логикой творчества и, может быть, какими-то еще, пока неизвестными узами.

В нашем собрании около I.500 текстов, содержащих приблизительно 200 с лишним сюжетов и их разновидностей. Среди них преобладают сюжетные песни, по функции относимые исполнителями либо к "простым", т.е. поющимся в любое время, либо к обрядовым (колядки, веснянки и др.). Имеются также духов-

ные и исторические песни, сказки, былички, предания. Некоторые подробности о нашей работе и первые публикации текстов см. в сб. "Славянский и балканский фольклор" (М., 1978; 1981).

Здесь мы не стремимся опережать ход публикаций текстов и выносить конкретные суждения о характере полесской эпической традиции. Скажем пока лишь одно: ныне Полесье дает больше параллелей в общеславянском плане, нежели Западная Украина и Словакия, и уже поэтому полесские тексты обязательно должны учитываться в сравнительных исследованиях славянских эпических традиций. Хотелось бы надеяться, что этот предварительный, но весьма существенный итог наших поездок в Полесье побудит работников местных полесских центров заняться - в координации в Институтом славяноведения и балканистики - целенаправленным сбором массового фольклорного материала.

К.П. Кабашников (Минск)

О НЕКОТОРЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФОЛЬКЛОРА ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Вопрос о региональных особенностях фольклора Гомельской области рассматривается на материале 5 фольклорных экспедиций, проведенных ИИЭФ АН БССР в течение последних пяти лет. За это время было обследовано 13 районов, свыше 100 населенных пунктов и записано около 7 тысяч фольклорных текстов. В жанровом отношении материал этот разнообразен: записаны обрядовые песни, частушки, различные жанры народной прозы, пословицы и поговорки, загадки, заговоры, фрагменты народной драмы.

Все экспедиции работали по единой программе, что дает широкие возможности для сравнения результатов и обобщений. Наряду со сплошным фольклорным обследованием уделялось внимание выявлению межэтнических фольклорных контактов и региональных особенностей в жанровом составе, сюжетном репертуаре отдельных жанров.

В связи с проблемой этногенеза славян большой интерес

для исследователя может представить анализ жанрового состава наиболее древнего пласта устнопоэтического творчества – календарной обрядовой поэзии. В записях, сделанных в Гомельской области, мы находим: произведения отдельных жанров, распространенных на территории всей республики, например, жатвенные песни, хотя здесь они имеют местные отличия; произведения, достигшие наибольшего развития и распространения как раз в данном регионе, например, весенние песни. В то же время некоторые жанры представлены здесь по сравнению с другими регионами Белоруссии очень слабо, фрагментарно, что также придает своеобразие изучаемому региону.

В зимнем цикле календарно-обрядовой поэзии в ряде районов более развито предновогоднее и новогоднее щедрование с соответствующими песнями, чем рождественское колядование, характерное для большинства других районов Белоруссии. Как неотъемлемая часть рождественских (новогодних) обрядов до сих пор в народной традиции сохранилось хождение с "козой", еще недавно здесь водили "коня", носили "звезду". О силе и устойчивости традиций народной драмы свидетельствуют записанные фрагменты бытовавших ранее народных театральных постановок "Царь Мамай", "Золотой конь", связанных с более ранними формами народного театра.

Весенний цикл в наших записях представлен наиболее полно. Особенно богата весенняя поэзия между Днепром и Сожем и по притокам Сожа, где когда-то расселялись радимичи. Несколько слабее, но тоже достаточно разнообразно представлена она и по Припяти, где жили дреговичи. К специфическим чертам весеннего цикла на Гомельщине следует отнести обряд "вождения стрелы" с сопровождающими его песнями, который в наиболее полном виде сохранился по одному из левых притоков Сожа, но выявлен нами и за Днепром – в Лоевском и Хойницком районах.

Несмотря на обилие и жанровое разнообразие весенней поэзии – веснянок, хороводных песен, русальных и других, здесь слабо представлены волочебные песни. Более всего их записано в северных районах области – Рогачевском и Светлогорском, примыкающих к центральным районам республики, где произведения этого жанра активно бытуют до сих пор.

В противоположность хорошо развитому весеннему циклу

летние календарные обряды и поэзия представлены беднее. Особенностью данного региона является почти полное отсутствие купальских песен, причем их бытование не отмечено как между Сожем и Днепром, так и по Припяти.

Дальнейшее изучение региональных особенностей устнопоэтического творчества в связи с проблемой этногенеза славян предполагает как одно из важнейших условий картографирование различных явлений народной поэзии не только на территории обследуемого региона, но и на более широком пространстве. В данном случае, говоря о жанровом составе календарной обрядовой поэзии Гомельской области, целесообразно провести картографирование основных жанров, бытующих здесь, также на остальной территории Белоруссии и прилегающих областей РСФСР и УССР.

Ф.Т. Евсеев (Нежин)

РУСАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ И ПЕСНИ РОССИЙСКО-УКРАИНСКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

I. Педагогическим институтом г. Нежина в 1979 г. проводилась работа по собиранию фольклора в селах российско-украинско-белорусского пограничья. Были обследованы три населенных пункта, находящихся на территории РСФСР (с. Хоромное, Брянской обл., Климовского р-на), УССР (с. Клюси, Черниговской обл., Щорского р-на) и БССР (с. Веселовка, Гомельской обл., Добрушского р-на). В каждом из них фольклористы зафиксировали материал по русальным обрядам. "Проводы русалок" отличались везде местным своеобразием. Обряд в обследованных селах в настоящее время находится в различной степени сохранности. В Хоромном бытование его искусственно поддерживается местными работниками культуры до наших дней. В двух других селах он уже утрачен; причем если на Черниговщине "проводы русалок" были еще в 50-е годы, то в Гомельской обл. исчезли, видимо, уже в 20-30-е годы.

2. "Проводы русалок" в с. Хоромное представляют собой следующее. Несколько женщин, увитых хмелем с ног до головы,

идут по селу с пением русальных песен и гукавок. К ним присоединяются местные жители. У Дворца культуры процессия останавливается, с русалок срывают хмель, который впоследствии женщины кладут на капустные грядки.

В с. Клюси "русалкой" обычно была девушка, одетая в тонкую белую сорочку. Обязательный атрибут ее - венок из полевых цветов. Девчата провожали ее в лес, где играли, пели, плели венки, завивали березки. После этого "русалку" отводили в жито. Венки девушки приносили с собой и клали на капустные грядки.

В Веселовке - по воспоминаниям старейших жителей села - русалка должна была выглядеть как старая горбатая баба с хвостом (из травы) до самой земли. Женщины и девушки вместе с "русалкой" шли за село к яровому житу с пением русальных песен. При этом на лугу разводился костер, через который прыгали и молодые, и старые. Потом вели "русалку" в жито и возвращались домой. Венки также несли на капустные грядки, - чтобы росла хорошая капуста.

3. В Хоромном и Клюсе обряд проводился в последнее воскресенье "гряной" (русальной) недели. В Веселовке информанты точной даты назвать не могли, во всяком случае было сказано, что обряд проводился в один из дней после Троицы.

4. В двух первых населенных пунктах было зафиксировано несколько сюжетов русальных песен. В белорусском селе исполнители текстов песен вспомнить не могли, хотя свидетельствовали об их бытовании в начале века.

В с. Хоромное записаны две русальные песни: "Провяду русалку..." и "В поли пшаница стояла..." Здесь первой песней начинается, а второй заканчивается шествие "русалок". В Клюси же зафиксировано пять песен: "Гряная грянуха..." (открывался обряд), "Повяду русалку..." (заканчивался), "На гряной нядели...", "Ляжала дорога не широка...", "У поли пшаница..."

Песня "У поли пшаница...", записанная в Хоромном и Клюси, есть в сборнике П.В. Шейна[1], где она отнесена к троицким. Сюжет же песни "На гряной нядели..." широко распространен у восточных славян. Он представлен в сборниках А.И. Дея, В.Н. Добровольского, И.И. Земцовского, З. Радченко, Е.Р. Романова, П.П. Чубинского, П.В. Шейна[2]. Остальные варианты

записанных в с. Клюси русальных песен в точно таком виде не фигурируют в этих изданиях.

5. Записанный материал демонстрирует, что в трех селах российско-украинско-белорусского пограничья, расположенных довольно близко друг от друга, "проводы русалок" различались как этнографическими деталями, так и песнями, сопровождающими обряд.

---

[1] Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. I, ч. I, Спб., 1877, с. 196-200.

[2] Iгри та пiснi. Весняно-лiтня поезiя трудового року. Изд. подг. А.И. Дей. - Киïв. 1963, с. 308-309.
Добровольский В.Н. Смоленский этнографический сборник.- Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. XXУП, Спб., 1903, с. 475;
Поэзия крестьянских праздников. Изд. подг. И.И. Земцовский. - Л., "Советский писатель", 1970, №№ 619-621, с. 444-446.
Радченко З. Гомельские народные песни (белорусские и малорусские). Спб., 1888, № 2, с. 54;
Романов Е.Р. Белорусский сборник. Вильна, 1912, вып. 8-9, с. 207;
Чубинский П.П. Труды этнографо-статистической экспедиции в Западно-русский край. Т. Ш, Спб., 1877, № 2А, с. 187;
Шейн П.В. Указ соч., № 201.

В.И. Харитонова (Москва)

О ТРАДИЦИИ ПРИЧИТАНИЯ В ПОЛЕСЬЕ

Территория восточных славян по характеру голошения и особенностям жанра причитаний делится на три зоны: северную (СВСЗ), центральную (ЦВСЗ) и южную (ЮВСЗ). Бо́льшая часть Полесья входит в ЦВСЗ. Специфика голошения ЦВСЗ заключается в песенно-речитативном исполнении причети. Почти весь украинский ареал можно вполне определенно отнести к ЮВСЗ, которой присуще голошение речитативного типа, иногда переходящее в говор.

Наиболее показательными для регионального членения являются особенности стиха причети, его метрическая организа-

ция. Это позволяет выделить на полесской и прилегающей к ней территории по меньшей мере пять относительно самостоятельных районов.

Очень сложной в этом отношении оказывается Белоруссия, что вполне естественно, поскольку ЦВСЗ является переходной. Центральная и северо-западная часть республики - регион (I)[1], где отмечено сочетание разных типов причети. Преобладают же здесь тексты с 6/7-сложным стихом, тяготеющим к четкой двухударности, метрическая структура которого неоднотипна. Такой короткий стих вообще не характерен для восточнославянской причети. Любопытно, что у литовцев в традиции западных дзуков и средних аукштайтов отмечена аналогичная структура стиха похоронних плачей[2]. Следует заметить, что именно на этой белорусской территории записаны свадебные причитания. Тексты последних наиболее четко выдержаны в метрическом отношении. Среди похоронных же плачей есть произведения, исполнение которых близко к речитативному, стихи их несколько увеличены; они могут быть 3 и 4-ударными. Это может свидетельствовать о разрушении ее местной традиции.

Восточная Белоруссия образует совместно с прилегающими областями РСФСР регион (П), причеть которого отличается разнослоговой структурой стиха, тяготеющего к амфибрахическому началу строк. В отдельных случаях встречается рифмовка (по 2-3 строки). Величина стиха колеблется довольно значительно: от 6 до I5 слогов. Метрическая схема его обычно трехударна.

Весьма своеобразна традиция причитания Западно-Припятского региона (Ш). Здесь при песенно-речитативном голошении отмечается довольно ровный 8-I2-сложный стих причети, в основном, четырехударный; часто встречаются строки с анапестическим началом и дактилическим окончанием, что отличает СВСЗ. Этот район выделяется и в лингвистическом отношении[3].

Восточная же часть Припятского Полесья характеризуется голошением, близким к речитативному типу. Стих причети этого региона (IУ) значительно различается по величине. В основном это 7-, I3-сложник, тяготеющий к трехударной структуре; ритмика его нерегулярна и незакономерна. Общая организация текста причитания несколько схожа с украинской.

Украинское Полесье представляет собой практически единый регион (У), отличающийся речитативным голошением. Приче-

ти с украинским типом речитатива[4] присуще чередование разнослоговых (от 4 до I6), с различной метрической схемой строк. При этом равновеликие односхемные стихи образуют 2-х, 4-х, иногда 3-х-строчную группу. Чаще всего они попарно рифмуются; встречается также рифмовка всей группы стихов. При исполнении украинский речитатив (как и южнорусский) может переходить в слегка ритмизованную речь, напоминая причитывание (приговаривание), а не голошение.

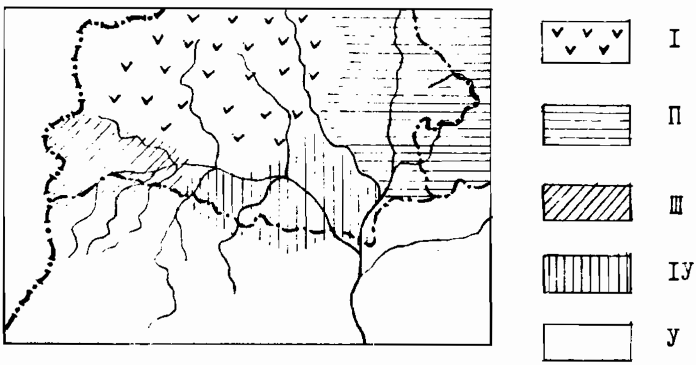
Для уточнения этих выводов необходим музыковедческий анализ причитаний.

[I] См. обозначения на карте-схеме.

[2] Саука Л.[illegible]. Ме[illegible]р литовских похоронных плачей. - Труды АН Литовской ССР. Серия А, т. 2 (39), 1972, с. I33.

[3] Мартынов В.В. Лингвогеография Припятского Полесья и этногенез славян. - В кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1966, с. I3I-I4I.

[4] Данилов В. Одна глава об украинских похоронных причитаниях. - Киевская старина. Т. 9I, 1905, с. 202-204.

О.А. Пашина (Москва)

ЖНИВНЫЕ ПЕСНИ ВОСТОЧНО-БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ

Особенность песенной календарной традиции восточно-белорусского Полесья – музыкально-стилевая оппозиция песен зимнего поздравительного цикла и песен весенне-летних. Доминирующее положение в традиции занимают весенние и жнивные песни, наиболее устойчиво сохраняющие специфическую темброинтонацию и исполняющиеся в течение целого сезона.

Жнивные песни представлены в традиции каждого села одним основным политекстовым напевом (собственно жнивных), наряду с которым существуют еще два, отличающихся от основного либо ярко выраженной обрядовой приуроченностью (бородные песни), либо формой бытования (напев песни "Пора мати жито жати").

Последний напев почти повсеместно поется с одним текстом (с другими встречается редко), распространен на всей исследуемой территории, характеризуется устойчивостью мелодико-ритмической структуры, не имеющей связей с основными напевами жнивных песен. По содержанию поэтического текста эта песня может быть трактована как зажиночная, но исполнителями так не осознается. Выделение зажиночных песен как самостоятельного вида на данной территории не встречается.

Напев бородных песен также отличен от основных напевов "жнива". По типу организации он сходен с детскими закличками, щедровками и пр. По музыкально-стилевым признакам может трактоваться как один из наиболее архаичных типов в системе напевов, связанных со жнивом.

Два основных напева жнивных песен локализованы в двух ареалах, соответствующих бассейнам Припяти и Днепра.

Припятский напев хорошо известен в музыкальной фольклористике по исследованию З. Эвальд. Установленная ею связь жнивных песен с весенними подтверждается нашими материалами. В бассейне Припяти существует две полноправных исполнительских традиции "жнива": сольная и ансамблевая. Родство жнивных песен с плачами и колыбельными (осознаваемое исполнителями), вероятно, следует рассматривать как типологическое, связанное, в частности, с сольной традицией исполнения.

Днепровский напев менее исследован. В бассейне Днепра преобладает ансамблевая традиция исполнения. Для жнивных песен здесь характерен иной тип ритмической организации, обнаруживающий связи с ритмической организацией местных свадебных песен. (Характерно, что и тексты жнивных песен в других традициях записаны как свадебные.) Ритмическая структура днепровских жнивных песен - модификация структуры сиротских свадебных песен. На витебско-псковском пограничье часть жнивных песен называют "ржаными сиротскими".

Каждый из двух основных напевов "жнива" включается в свою, отличную от соседней, систему календарных песен. Так, на Припяти пение "весняных" песен непосредственно сменяется пением жнивных (в этом ареале гряные, русальные и купальские песни нами не записаны). Кроме того, напев "весняных" связан здесь с циклом весенних обрядов (закликание весны, "як Купайлу кладуть", Юрий) и является знаком всего сезона. В бассейне Днепра функция "весняных" песен сводится лишь к закликанию весны. Наряду с веснянками в цикл весенних песен активно входят рельные и карагоды. Переход от пения "весняных" песен к пению жнивных осуществляется через гряные, русальные, ивановские песни. Граница между весной и летом часто оформляется обрядом проводов русалок или вождением (похоронами) Сулы (Стрелы).

Каждый из напевов жнивных песен, записанных нами на территории восточно-белорусского Полесья, имеет свой ареал распространения, выходящий за пределы исследуемой территории. Припятский - самый характерный для Белоруссии - встречается также в белорусском Поозерье и в пограничных районах Псковской области. Днепровский - в белорусском Поозерье, кроме того, в Брянской, Смоленской и Псковской областях, т.е. на восток и северо-восток от исследуемого региона. Напев бородных песен, повсеместно известный в этой функции, в очень узком ареале (псковско-витебское пограничье) бытует как напев собственно "жнива".

А.В. Гура (Москва)

ОБ ОДНОМ МАЛОМ ФОЛЬКЛОРНОМ ЖАНРЕ В ПОЛЕСЬЕ
(словесная передача птичьих голосов)

В Полесье записано значительное число небольших текстов, в словесном виде воспроизводящих голоса птиц - прежде всего, их ритмическую и отчасти звуковую сторону. Эти тексты, облеченные в традиционную народно-поэтическую форму, имеют ярко выраженную ритмизированную структуру, словесные повторы, иногда рифму и по своему характеру близки таким фольклорным жанрам, как прибаутки, потешки, анекдоты, дразнилки, заклички, приговоры, поговорки. При этом они неотделимы и от области народных представлений, поскольку основу их составляет мифологическая семантика, определяющая символику птиц в традиционной духовной культуре. Передача птичьих голосов вербальными средствами представляет собой малый жанр, находящийся на пограничье народных верований, языка и фольклора.

Крики птиц толкуются в народе как предвестье тех или иных событий (напр., сорока стрекочет - к вестям, удод поет - к дождю), а тексты, имитирующие эти крики, часто имеют характер примет. Например, голос удода "ху́да тут!" означает неурожай, а "бу́ду тут!" - урожай. Крик совы "Аста́нь сама́!" или "скова́й!" предвещает покойника, а "спови́й!" - рождение ребенка. Многие тексты, воспроизводящие голоса птиц, обозначают начало различных хозяйственных работ. Так, журавль, прилетающий весной, кричит "Ори́!" чибис - "Кири́к, сей овэ́с!", грач - "Сей пшани́цу скарэ́й, сей пшани́цу, бу́дам падбира́ць, бу́дам падбира́ць!" жаворонок - "Сêй тытю́н!" или "Качубе́й, Качубе́й, вяди́ ко́ней паскаре́й - ужэ́ прата́-алачки, ужэ́ прата́-алачки!", коростель - "Дери́, дери́ ло́зу, постолы́ бу́дуть!", удод - "Трава́ кошалём стои́ть!", перепелка - "Пить-пало́ть, жи́та жать и ве́ники вяза́ть!" и т.д.

Иногда тексты, словесно передающие птичьи голоса, включаются в разного рода ритуализованные ситуации. Таковы, например, своеобразные формы диалога человека с птицей, различные по своей функции. В обрядах встречи весны обращаются с закличками к первым весенним птицам (напр. к аисту). Пение

прилетающего весной жаворонка передается словами: "Тиливо́з, тиливо́з, кида́й са́ни, бери́ воз!" А в ответ ему кричат: "Тиливо́з, тиливо́з, весну́ нам приво́з!" Голос совы "Поховаў!" предвещает покойника, и чтобы отвести несчастье, говорят: "Да пoхова́й сэбе́, а нэ нас!" Услышав карканье вороны "Краў! Краў!", оправдываются: "Я не краў, я за сваи гро́шы браў!" На крик удода "Ху́да тут!" отвечают: "Як табе́ ху́да тут, дак атпраўля́йсь у дру́га ме́ста, марш!"

Пастухи дразнят имлу́ (иволгу?): "Имла́, имла́, свыню́ ссаў!" А она им отвечает: "А ты кобилю! А ты кобилю!" Определенные фонетические особенности этого текста (кобилю), возможно, связаны с некоторыми архаическими приемами ритуальной речи, засвидетельствованными в Полесье: говорение измененными голосами, в частности, подражание пастухов детской речи. Ласточка или жаворонок дразнят пастуха за обжорство: "Пасту́ух! Злый ду́ух! Вдо́ма жырэ́, в по́лэ бырэ́. Прыхо́дять до до́му: "Дай, ма́ты, йи́сты, дай, ма́ты, йи́сты!" Соловей насмехается над неумелым мужиком: "Дед, дед, дед, са́ло пэк, пэк, пэк, круты́ў-вэрти́ў, круты́ў-вэрти́ў, а са́ло кап-кап-кап!" Удод своим криком "ву-ту-тут, ву-ту-тут!" или "ту-тут, ту-тут! там-там, там-там!" выдает охотника, вора или инородца (обычно еврея). Элементы подражания голосам птиц содержатся и в закличках, которыми дети дразнят птиц - коростеля, аиста и др.

Рассматриваемые тексты обнаруживают связь и с более крупными фольклорными жанрами - легендами и сказками. Так, чириканье воробья "Жыв-жыв!" и щебет ласточки "Паме́р-паме́р!" находят свое объяснение в народной легенде о распятии Христа, крик ворона "Вкрав!" и голос кукушки "Ку-пи́в!" - в легенде о том, как св. Петр украл коней. Коршун, согласно легенде, отказался копать реку, как все птицы, и был наказан богом: он может пить только дождевую воду с листа и поэтому кричит: "Дай, бо́жэ, воды́!" или "Пи-ить! Пи-ить!" В Полесье известна сказка о том, как соловей позаимствовал у клеща заднюю часть туловища и не вернул обратно. С тех пор, завидя клеща, соловей угрожает ему травлэй собаками: "Лы́ска, Лы́ска! На, на, на! Цу-цу! Взяў, взяў! Бери́, бери́! О-то-то-то!" Другая сказка повествует о том, как удод пообещал кукушке купить чобoты и не сдержал слова. Кукушка до сих пор его про-

сит: "Ку-пи́ть! Ку-пи́ть!" А удод отзывается: "От-от-от привезу́! От-от-от привезу́!" Толкование криков кукушки "Кук-Кук! Кук-Кук!" или "По Ку́ку! По Ку́ку!" содержится в сказке о птичьем царе Куке (АТ-221В*), а "Ку-пин!", "Найду́!" "Каптýр!", "Якýб!" и т.п. - в сказке о муже-уже (АТ-425М; см. тезисы Е. Максимовой в этом сборнике). Звукоподражательный разговор птиц лежит в основе сказки-прибаутки о том, как птицы затеяли совместную пахоту и поломали плуг (АТ-220*).

Наконец, словесно воспроизводимые крики птиц тесно соприкасаются с лексикой и фразеологией, например, мотивируют некоторые названия птиц. Ср.: крики воробья "Жыв-жыв!", "жыд-жыд!" и такие его названия, как жыве́ц, жы́ўчик, жывку́н, жыд; крик удода "Ху́да тут!" и его названия худату́т и худодо́д; крик коростеля "Драть-драть!" и его название драч; крик кулика "Гры́щю! Гры́щю!" и его название грыщь, гры́щик и т.д. С криком вороны "Укра́ў! Укра́ў!" (обвинение в краже) связано выражение над тобой ворона каркаеть (о человеке, заподозренном в воровстве).

Ю.И. Смирнов (Москва)

БАЛЛАДА "ПЛЕНЕННАЯ ТАТАРАМИ ДЕВУШКА ГУБИТ СЕБЯ"

В 1974 г. в с. Стодоличи Лельчицкого р-на Гомельской обл. БССР мы обнаружили бытование баллады "Плененная татарами девушка губит себя" и записали 6 вариантов (два опубликованы: ЭП I, № 25, 26). Тогда еще не были изданы записанные ранее белорусскими фольклористами три ее варианта (Баллады, кн. I, № 89, 90; кн. 2, № 597), поэтому мы, естественно, оценивали фиксацию баллады как обнаружение неизвестного текста. В последующие годы предпринимались попытки найти эту балладу в других местах, но лишь однажды, в 1975 г. студенты Житомирского пединститута нашли балладу в Лугинском р-не (ЭП II, № 70). Таким образом, ареал бытования баллады, по-видимому, ограничен Гомельской обл. (3 пункта) и примыкающими к Гомельщине р-нами Минской и Житомирской обл. (по I пункту).

Очень хочется надеяться, что местные фольклористы займутся активным поиском этой баллады.

По степени полноты повествования стодоличские варианты можно считать самыми подробными. По отношению к ним житомирский текст сильно стяжен и не имеет концовки; речицкий вариант (Баллады, № 89) также не имеет концовки; у петриковского варианта (Баллады, № 90) концовка заметно скомкана и вне сравнения непонятна; в слуцком тексте (Баллады, № 597) резко опущена середина повествования, в которой описываются действия матери похищенной девушки.

Нам известны русские и западноукраинские формы, родственные нашей балладе, что безусловно служит подтверждением древности заложенного в ней эпического стереотипа. А возник ли стереотип ранее татарских нашествий? Для этого нужно искать подтверждение в виде родственных эпических форм за пределами Полесья и примыкающих к нему районов, там, где заимствование или сотворчество - в виде формы изначального возникновения текста - исключаются как для Полесья, так и для контрольного района.

Самые точные параллели к балладе обнаруживаются у южных славян в виде песен о похищении девушки турками (арапами, немцами и др.). В них девушка губит себя обычно еще на пути в чужую землю. Она просит у похитителей нож якобы для того, чтобы разрезать яблоко и освежить уста, и, получив нож, вонзает себе в сердце: эта концовка превратилась в типическое место, переносившееся и в иные по содержанию южнославянские тексты. Поскольку наша баллада по типу адекватна южнославянским песням о похищении девушки, постольку можно утверждать, что и она, и эти песни в своей основе сохранили общеславянский балладный сюжетный тип.

Вместе с тем в южнославянских песнях о похищении девушки нам пока не встретилась та срединная часть полесской баллады, где описано, как мать обратилась в кукушку и прилетела к похищенной дочери в татарскую землю. Уже поэтому можно полагать, что в балладе слились воедино два сюжета: о похищении девушки чужеземцами и о матери, птицей прилетевшей к похищенной дочери. Сюжет о матери очень напоминает чрезвычайно популярную, общеславянскую по происхождению балладу "Замужняя дочь кукушкой прилетает домой" и представляет собой ее

антитезу. За пределами нашей баллады сюжет о матери, птицей прилетевшей к похищенной дочери, в виде самостоятельной песни нам не попадался (хотя иные общеславянские формы типа "Мать кукушкой прилетает к убитому сыну" имеются). Можно было подумать, что сюжет о матери - производный от баллады "Замужняя дочь кукушкой прилетает домой", локальная форма, сравнительно недавно возникшая на местной почве.

Этой мысли противоречит, как представляется, бытование аналогичного сюжета в Герцеговине. Именно его обнаружение побуждает утверждать, что сюжет о матери, птицей прилетевшей к похищенной дочери, - тоже скорее всего общеславянский по происхождению. В условиях же Полесья он прочно слился с сюжетом о похищении девушки чужеземцами.

Принятые сокращения

Баллады - Балады. У дзвюх кнігах. Укладанне, сістэматызацыя, уступны артыкул і каментарыі Л.М. Салавей. Мінск, 1977-1978.

ЭП I - Смирнов Ю.И. Эпика Полесья. - В сб.: Славянский и балканский фольклор. М., 1978.

ЭП II - Смирнов Ю.И. Эпика Полесья (по записям 1975 г.) - В сб.: Славянский и балканский фольклор. М., 1981.

Е.В. Максимова (Москва)

НЕКОТОРЫЕ ПОЛЕССКИЕ ВАРИАНТЫ СКАЗКИ "МУЖ-УЖ" (АТ-425М)

Одним из наиболее распространенных прозаических сюжетов полесского фольклора является сюжет о муже-уже и жене-кукушке. Он был записан во многих селах Полесья, хотя нередко - в неполном или трансформированном виде.

Наиболее общая схема построения этого сюжета такова: уж заставляет девушку стать его женой (ложится на платье купающейся девушки) - чтобы попасть к нему и детям, жена должна произнести имя ужа; это имя узнает мать жены - назвав имя

ужа, теща убивает его; жена ужа обращается в кукушку, сын – в соловья. Таким образом, в данном сюжете можно выделить три эпизода: "сватовство ужа" – "имя ужа" – "обращение вдовы ужа в кукушку".

Трансформация сюжета связана с выпадением одного или двух эпизодов или с доминированием одного из них над другими. Для рассказчика может быть наиболее важным I-ый эпизод ("сватовство ужа"), тогда 2-ой и 3-ий эпизоды становятся все более схематичными и могут отпасть совсем (уж взял в жены девушку, и они жили долго и счастливо). С первым эпизодом обычно связан мотив похищения платья избранницы и возвращения его только после того, как девушка соглашается стать женой похитителя. Этот мотив отсутствует очень редко, как правило в том случае, когда отсутствует весь I-ый эпизод. Если же "сватовство ужа" в сюжете присутствует, а мотива похищения одежды нет (змей заставляет девушку выйти за него замуж), то исчезает и мотивировка вынужденного согласия девушки; в результате сюжет перестраивается, теряет эпизоды, связанные с браком девушки и ужа, и кроме неполного первого эпизода содержит лишь неполный третий (змей превратил в кукушку девушку, которая отказалась выйти за него замуж).

В сознании рассказчика может доминировать и третий эпизод ("обращение жены в кукушку"). В этом случае выпадение двух первых эпизодов происходит нечасто, т.к. их присутствие поддерживает логику повествования и является необходимым для мотивировки главного в данном случае эпизода сюжета. Тем не менее, иногда "сватовство ужа" и "имя ужа" выпадают, и тогда сюжет либо содержит лишь 3-ий эпизод (у женщины погиб кто-то из близких, и она стала кукушкой), либо – 2-ой и 3-ий (парень женился на девушке, оказалось, что он – уж – и далее традиционное развитие сюжета), либо два первых эпизода, содержащие мотивировку обращения женщины в птицу, заменяются другими объяснениями появления кукушки (напр., христианизированный вариант: кукушка – женщина, помогавшая преследователям Христа).

Интересным является 2-ой эпизод сюжета – "имя ужа". Он включает в себя три связанные с именем момента: сообщение имени вводит человека в круг "своих" для носителя этого имени (уж сообщает свое имя жене; лишь зная его, она может про-

никнуть к мужу); сообщение имени врагу равносильно предательству (дочь выдает имя мужа матери); знание имени врагом является причиной гибели носителя имени (теща убивает ужа, позвав его по имени).

Иногда эпизод "имя ужа" выпадает из сюжета, тогда I-ый и 3-ий эпизоды логически связываются уже не фонетическим подобием имени ужа крику кукушки (имя ужа обычно воспроизводит этот крик; кукушка зовет мужа: "Каптур", и т.п.), а народным восприятием кукушки как символа женского горя ("После смерти мужа стану я кукушкой-горькушкой") или особенностями этой птицы (после смерти мужа жена-кукушка нигде не имеет пристанища).

Варианты сюжета о муже-уже могут различаться не только по составляющим их эпизодам. Варьируются также место действия (обычно - река; но также и: море, лес, лесная дорога, куча хвороста; место не указывается), герой (обычно - уж; но также и: змей, гад; проклятый парень; заколдованный парень - либо уж, либо то уж, то человек; колдун), героиня (обычно - девушка; но также и: курица - "курка"; по-видимому, замещение шло следующим образом: жена стала кукушкой - жена-птица - курица), дети героини (обычно - мальчик и девочка, обратившиеся в соловья и ласточку; но дети могут не упоминаться, может прослеживаться судьба одного сына; дочь может стать и растением - крапивой), убийца ужа (обычно - мать жены ужа; но также и: сестра, брат, сама жена; но в любом случае убийца - член семьи жены ужа), орудие убийства (обычно - топор; но также и: огонь; орудие не уточняется). Имя ужа (обычно - Каптур, Яйтур, т.е. звукоподражательное воспроизведение крика кукушки; но также и: Есип, Хфедор; Вуж, ты мой муж).

Варьируются также причины обращения жены ужа в кукушку, связанные с отношением женщины к происшедшему: ее превращает в кукушку большое горе или она обращает в птицу себя и детей по своему желанию - если тяжело переживает гибель мужа; превращение в кукушку может быть и наказанием предавшей мужа женщине (в этом случае обыгрываются такие особенности кукушки, как отсутствие гнезда: наказанная нигде не имеет пристанища); в кукушку женщину может обратить и проклятие преданного ею мужа - или проклятие ужа, за которого девушка отка-

залась выйти замуж; наконец, превращение в кукушку может расцениваться как искупление чужой вины: баба (мать жены ужа) убила зятя - пусть баба (жена) и страдает.

В вариантах сюжета о муже-уже встречается и перенос функций одних персонажей на другие. Так, предательство ужа может совершить не жена, а дочь; убивает ужа не мать или другой представитель семьи женщины, а она сама.

Разнообразны формы бытования сюжета: он может представлять собой быличку, легенду, апокриф (женщина, предавшая Христа), сказку о животных (уж и курица), волшебную сказку (заколдованный юноша).

Ф.К. Бадаланова, О.А. Терновская
(Москва)

О СОВЕ СМАЛЕНОЙ (СОВА И КУРИЦА)

Среди белорусских жнивных песен встречаются тексты, основывающиеся на изолированном и потому непонятном сюжете с упоминанием ребенка и совы. Например: Жнiце, жнiчкi, жнiце, / А лавiце саву ў жыце./ - Нашто нам сава тая?/ А трэба нам кугакала,/ Да коб яно заплакала,/ Мы ж бы яго скалыхнулi,/ Сэрэдзiнкай б аддахнулi. Этот текст по своим внешним признакам, (в частности, чередование в его вариантах слова сова со словом бог) относится к группе ритуально-мифических, но его обрядовая функция и смысл не ясны прежде всего из-за того, что мотивы ребенка и совы не свойственны жатвенной обрядности белорусов.

Связанный с обыгрыванием слова pęp (pępek), т.е. пуп, в функции названия последних колосьев мотив ребенка является характерной чертой польской этнодиалектной зоны. Здесь распространено достаточно однозначно мотивируемое представление, согласно которому жать или вязать последние колосья "стыдно". Например, в Вармии девушки ни за что не соглашаются вязать последний сноп (pępek), чтобы "не завязать пупка новорожденному". Этот род поверий наиболее развит у кашубов, где последние колосья называются bęks или bękart, т.е. байстрюк, внебрачный ребенок.

Во время летней экспедиции 1982 года в с. Грабовка Гомельского р-на наше внимание обратил на себя фразеологизм <u>буде тябе сава смаленая</u>, имеющий предостерегающую функцию. Так пугают, предостерегая, детей: "Ажэ вот хто куды иде – ци матка, ци сестра: "Иди, иди – буде тябе сава смаляная!"" Так предостерегают взрослых: "Як каму-та замечаеш, гаварать: "А то буде тебе сава смалена!" Например, адна жэншчина плахая, а другая – харошая. У адной, например, сын и у другой сын. И адин буде вадить, и другой буде вадить. Люди деўки гаварать: "Не иди тади к плахой! Иди к харошэй! А к той не хади, а то буде тебе сава смалена!"". Так предостерегают девушек: "Буде тебе сава смалена – быструка принесеш, нагуляеш ребёнка". Отсюда бранная функция выражения: "Буде тебе сава смалена! Найдеш ребёнка", – ляяцца". Оно относится к группе женских проклятий: "Эта не мужчински пагаворки, эта бабски". ("Бабы праклинают, а мужики матерацца. Бабы бальшинства хазяйства и детей праклинають: "Шчоб ты не ўрадила, не вырасла! Шчоб ты заўтра колам лежала! Шчоб умерла! Шчоб тебе черти схватили!""). Выражение <u>сава смаленая</u> бывает, в частности, обращено к родившей до брака девушке: "Ты сава смаленая!". Эти фразеологизмы связаны с поверьями о крике совы: "Сава як галосить недалеко – смерть буде. Як сава крычить – байстручка деўка радить. Кались у нас сава кричала, як дитя, – деўка радила. Де кричить сава, як галосить, – на смерть, як квакае, как дитя, – девушка радить".

Смалёность совы во фразеологизмах <u>сава смаленая</u>, <u>буде тябе сава смаленая</u>, очевидно, соответствует смалености ритуальной курицы в свадебном обряде Грабовки, где ритуал смаления курицы (<u>курицу смалить</u>) завершает свадьбу: "На третьи день сватьбы передеюцся кто как. Кто пад циганах, кто пад любой. И несуть курицу. Или жывую, или голаву атрубають. Ўся свадьба идуть. Курицу на палки несуть, шчоб люди бачили. А ўпереди идэ пияны с саломой пад мышкай. Даходять да речки, салому запалили – курицу нада смалить. Кались жывую прама насили ў речку. Приде, галаву атрве – любый. Данесуть да речки. Там обсмалять, абскубуть и варять суп и делають на ўсих. Як курицу смалили, причуды делають. Хто як придумае. И кажух навывараt аденуть, делаецца ў гульни. Делають маладой

и маладáя. Идýть, вы́мажуцца ў крáску, ў сáжу. Як мурзáтые. Жэ́нщчина е маладú, а мужчúна – маладáя. Юбку адéне дырáваю. Хватý дéлають из анýчки, што пад нагáми, шчо нóги абтирáли. Як смешнéе. Мóгуть крапúву настры́кать, травы́ любú. Для смéху. Пéрак жмéню настры́кають ў галавý, як венóк сплятýть. Цебýлю стры́кають, шчоб тарчáла. А там вóзле рéчки памúюцца, кýрицу абсмáлять, дак назáд. И канéц свáдьби."

Смаленая курица представляет собой продуцирующий предметный символ. <u>Савá смáленая</u> – его пародийная языковая форма, не имеющая собственного предметного содержания.

Перекрещивание мотивов ребенка и совы в поверьях о сове проясняет обрядовую функцию рассматриваемого текста жнивной песни, позволяя отнести его к группе содержащих мифическую угрозу (сова) подгоняющих ритуальных дразнилок. В реальных текстах песни, как и в том, который был процитирован, исконное соотношение мотивов ребенка и совы бывает затемнено мотивом ловли мифического животного – покровителя урожая. Благодаря этому мотиву устанавливается корреляция образов совы и курицы в цикле обрядов, связанных с жатвой.

Антонимичность символов совы и курицы, наблюдаемая в культурной традиции Грабовки, не является их локальным свойством. Она характерна для славянской символической системы в целом и объясняет целый ряд ритуалов, поверий и лексических образований календарного и семейного циклов.

В.В. Кóзлов (Гомель)

НАРОДНЫЕ ПОВЕРИЯ О ДОЛЕ В ПОЛЕССКОЙ СКАЗКЕ

Поверия о Доле органично входят в сюжеты многих полесских сказок. По словам Е.Р. Романова, Доля обычно представляется в виде красивой обнаженной девушки и сопровождает человека повсюду[1]. Как правило, все жизненные бедствия, нужда, бездетность ставятся, по народным поверьям, в зависимóсть от своей доли ("відаць, доля наша такая").

В ряде сказок Доля является непосредственным персонажем, активно участвующим в развитии сказочной коллизии. В

сказке, записанной нами в 1971 г. в д. Краснополье Речицкого р-на Гомельской обл., сюжетную основу составляют поиски героем своей Доли и ее чудесное дарение (тип АТ 564): "І пайшоў ён шукаць Долі. Ішоў, ішоў ён лесам, стаміўся, астанавіўся каля дуплістай асіны і ўздыхае цяжка: "Ой, Доля, Доля." "А я тут." "А, дык гэты ты – Доля! Да чаго ж ты давяла мяне? Дзеткі мае галодныя, есці просяць, а есці няма чаго." "На табе торбу, – кажа Доля. – Калі адкрыеш яе і скажаш: "Скок з торбы!", то будзе перад табой розная яда. Калі ж пад'ясі, скажы: "Скок у торбу!", і ўсё ў торбу ўбярэцца, як бы нічога і не было."

Доля может оказывать помощь в хозяйстве, в определении жизненного пути человека. В сказке "Искал человек Доли", записанной в 1971 г. в д. Балашовка Речицкого района (АТ 735), помощь Доли изображается так: "Аднойчы ў нядзельку пайшоў бедны жыта глядзець. Бачыць, у Багатага брата ходзіць жанчына, зрывае каласы ў беднага і кідае багатаму. Ён падыходзіць да яе і кажа: "Ах, ты, баба бясстыжая. Ён і так багаты, а ты яму яшчэ маё калоссе кідаеш."–"Чалавеча, не лайся, я – яго Доля, таму я яму памагаю." А ён кажа: "А дзе ж мая Доля?"– "Твая вон на бярозе ў канаўцы калышацца." Доля может подсказать человеку, чем он должен в какой сфере заниматься. В вышеприведенной сказке Доля советует бедняку: "Ты не па сваім назначэнні жывеш. Табе не нада быць пахарам, а нада таргоўляй займацца."

В некоторых случаях герой действует более активно: он не смиряется со своей Долей, а находит ее, затем побоями и угрозами заставляет служить себе.

Не всегда Доля предстает в традиционном облике девушки. В одной из сказок, записанной в 1980 г. в д. Холмеч Лоевского района, Доля представляется старухой, живущей в хатке на курьих ножках, с низким голосом. И функция ее – определять, кому какая назначена судьба. Это уже своего рода распорядительница судеб всех людей. "Увайшоў мужык. Бачыць, хата і праўда малая – печ ды адразу дзверы. Лёг ён каля дзвярэй. У 12 гадзін ночы стукае ў акенца і маўляе: "У гэты час нарадзілася 12 младзенцаў. Якая іх судзьбіна?" Бабка адказвае: "У таго, хто нарадзіўся ў гэты час, будзе шчаслівая судзьба." Праз 2 гадзіны ізноў хтось пастукаў у шыбу і кажа: "У гэты

час нарадзілася 14 младзенцаў. Якая іх будзе судзьба?" Незадаволена бабка, што будзяць яе ноччу, і кажа: Чакае іх у жыцці і радасць і бяда." Праз 3 гадзіны зноў нехта стукае. Раззлавалася бабка ды як крыкне: "Будзь ты праклятьı са сваімі младзенцамі!" Судьба-доля человека в этом сюжете ставится в зависимость от времени его рождения.

Таким образом, анализ современных записей полесских сказок на Гомельщине позволяет говорить о Доле как одном из демонологических персонажей, подобных русалке и Бабе-Яге.

---

[1] Е.Р. Романов. Белорусский сборник, вып. восьмой, Вильна, 1912, с. 286.

Н.А. Саскевич (Минск)

ЛЕГЕНДА О КАМЕННОМ КРЕСТЕ

1. В селе Погост Житковичского района Гомельской области, расположенном в начале междуречья Припяти и ее правого притока Ствиги, бытует легенда о каменном кресте, приплывшем против течения по Припяти и "вознесшемся" на ее берег напротив села. Местные жители называют его: божы крэст, камéнна божа мацер, чэсны крэст. Еще в 30-е гг. XX столетия на массовые поклонения кресту, ежегодно происходившие на престольный праздник Воздвижения, прибывали жители из окрестных и дальних селений, удаленных от места "вознесения" на 50-100 км, причем поклонение носило типичный религиозно-обрядовый характер (например, оно аналогично поклонению источнику в с. Челхов в Климовском р-не Брянской обл., расположенному на 300 км восточнее, - согласно наблюдениям автора).

2. В ночь перед поклонением кресту молодежь в ночном "чудила": сжигала кепки в костре, обрезала уздечки на лошадях, у других табунщиков воровала трубы для отпугивания волков и др. По-видимому, эти "чудачества" носят более древний характер, чем поклонение кресту.

3. Ко дню поклонения в селе была приурочена большая ярмарка. Одним из обычаев Погоста является то, что его жители

на ярмарке никогда ничего не продавали, а только покупали или воровали (те, которые "чудили" в ночном).

Текст легенды

З ко́лісьнёго так росказваюць: тоды ў селе екіх тры ро́ды жыло. Осеньнёе ночы каме́нные крэсты по рэцэ плулі, тры брацьця йіх плуло, не меньш. Да проці ж воды. Одзін проці Семурэдзец ўознёсса, другі проці Погоста, трэці проці Турова. Удзень людзі огле́дзелі ёго да на собе ў веліку цэркоў занеслі - вона ў концэ села стояла, дзе зарэ клуб, коло Тура. Аж крэст за ноч назад явіўса. Поп побачыў да сказаў: "Ето божы крэст. Трэ цэркоў нову зробіць, дзе вон ўознёсса". Да зробілі людзі цэркоўку дзерэўяну кругом камня, з куполом, алтарэм. Поп посвеціў. А над рэкою на шпілю зробілі крэст на подставі з цэглы, метры на поўторы. Ето, значыць, указаніе божое мацер.

Да сталі людзі наеждаць кожны год к етому дню. Ето шчыталосо Уоздвіжэньне; ўоздвінуцца ўсе людзі сюда на поклон чэсному крэсту. Наеждало, што божэ мой! Возамі, лодкамі, пехото́ю шлі... з Пінска, Городка, з Лельчыч, Петрыкова, Мозыра. Зо ўсёго свету. По 20-30 чоловек ночовало ў кожной хаці. А колькі ў селе хато́ў? Упара́ну ў веліхой цэркві служаць да йдуць селом к каме́нной божой мацер. Дзьве божых мацеры по тры чоловекі неслі, бліскучые, два хвонарэ, малые ко́рогі по одному чоловеку несло. Ідуць, а зво́ны звоняць. Зайдуць да ў цэркоўцы служаць. У правом вуглу чэсны крэст стоіць, свечкі́ коло ёго горяць. Велікі-велікі крэст, чоловек п'яць подымалі. Да ек бу на чоловека вудае́: і голова, і плечы, і рукі ў ёго, а ўнізу ек стоўп. Людзі поўстройваные. Цоловалі чэсны крэст коло грудзей. На ёго навешаюць, шо божэ мой! А кра́му, а полотна, а хвартуко́ў!.. Прынесе хустку, шо вона сто рублей варта. Не шкодуе, ето ж оброк, - обрэка́ласа, шоб бог просціў ее грэхі. Шо обхорошаць ёго!.. І грошы - не копейкі́. Покладзе, так покладзе! Ето ж усе цэркві доход.

Ярмолок бўў круго́м цэ́ркоўкі. Петрыко́ўцы - чоботы, городчукі́ - жалезяч'е, туроуцэ́ - крам, полешукі - грыбу сушаные, чорніцы. Усе було, усе, шо на свеці е, зво́нкі дажэ продавалі, шо на коней чэплялі. А куповалі за грошы... Погошча́не не продавалі.

Ек перэд Уоздвіжэньнем коней уночы хлопчакі пасьцілі, то ў чугунцэ сц... одзін одному. Обруці поотрэзвающь; трубу, шо воўкоў пужаць, украдуць у другом табуні. Ек хто засне, то ёго світу пропаляць, шапку ў огонь кінуць да згорыць. А на другу ноч усе ў новух шапках – на ярмолку ўкрадуць. Вучўдивалі.

О.В. Белова (Москва)

МОТИВ "ГРЕШНОЙ ИВЫ" В ОДНОЙ ЛОКАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

В результате анализа материалов, собранных по разным программам в селах Тхорин и Листвин Овручского р-на Житомирской обл. (Полесская экспедиция 1981 г.), определился круг представлений, связанных с <u>ивой</u> (приметы и поверья, характеризующие иву как "нечистое", "червивое", имеющее отношение к нечистой силе дерево). При этом каждое сообщение, касающееся ивы, сопровождалось присказкой с ярко выраженным цитатным характером: "Ива чэрвива Сусу Христу кроў спустила".

Одновременно в селах Тхорин и Листвин было зафиксировано широкое распространение сюжетов "Богородица ищет сына" и "Сон Богородицы" (исполняются среди песен, которые поются в Пост) со следующим описанием крестных мук Христа: "Ўзяли Христа замучили, На хрэст ручки розопнули (2), Шепшыною пидпэрэзали (2), Тирноў вэнок накладали, За ногти дрова забивали, <u>Ни яке дрэво нэ загрэшыло</u>, <u>Загрэшыла ива чэрвива</u> (2), <u>Сусу Христу кроў спустыла</u>".

Среди опубликованных текстов духовных стихов, колядок, песен подобная вставка ("грішна ива") отмечена у Гнатюка, Головацкого, Чубинского, Кольберга и др., что дает возможность определить ареал распространения сюжета: Буковина, Прикарпатье, Подолия.

Одно из возможных объяснений связи представлений об иве с фольклорными текстами (духовный стих, песня, колядка) – предположение о вторичности комплекса примет и поверий по

отношению к песенному тексту. В этом случае представляется возможным следующим образом охарактеризовать механизм появления круга представлений об иве как "нечистом" дереве: I) выделение драматического мотива "предательства" из текста песни; 2) дерево-предатель награждается всевозможными отрицательными качествами (приметы и поверья); 3) примета сопровождается цитатой из исходного текста, цитата постепенно превращается в поговорку (ср. "Иуда-предатель").

О тесной взаимосвязи песенного текста с кругом мифологических представлений говорит следующий факт. В с. Курчица Новоград-Волынского р-на Житомирской обл. не удалось записать ни одного текста о крестных муках Христа с упоминанием ивы. Одновременно проявилось и отсутствие разнообразных поверий об иве. В данном селе представления об иве свелись к одному: "Е така́ дереви́на, шо чорт завъе́дуе - ги́вина".

А. Архипов (Москва)

ПОЛЕССКИЕ РУКОПИСНЫЕ СБОРНИКИ КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Полесские народные рукописные сборники еще не были предметом собирания и изучения. Между тем они весьма разнообразны при устойчивости типов и чрезвычайно информативны.

Владельцы этих сборников рассматривают их как рукописные молитвенники, что предопределяет их состав: канонические молитвы, духовные стихи, псальмы и стихи, почерпнутые из дореволюционных и довоенных православных и католических церковных изданий, колядки, баптистские песнопения, заговоры, объяснения церковных обрядов. Некоторые сборники содержат также толкования снов и описания приемов гадания. При систематическом исследовании сборники могут стать важным источником по этнографии, в частности, по современному состоянию "двоеверия", и фольклору.

Приводим некоторые примеры из сборника, принадлежавшего покойной Ярыне Михайловне Петручик, д. Щедрогор Ратновского р-на Волынской обл. (сохраняется орфография подлинников).

I. "Молитва". Нагори Горянський в долине сиянський там церковна стояла там божая мати лижала прийшов до её син Божий Мати моя возлюбенная чи ти спиш чи ти так лижиш я несплю я так лижу снився мені сон як у тім кров що тебе биш катовали зан гтики шпицм (неразб.) гнали Терновий винець накладали плащаницю в поразали ни есть то сон то истинна правда таку муку задавали. Внедилийну рано де сонічко сходить там божа Мати свого синочка заручку водить повила иого на утринню з утринні на службу с лужби на вечірнню з вечерні на сине море на синим мори каминь лижить пристал стоеть за пристолом Исус Христос сидить ручки зложив головку склонив на присвятніщую рану розтворив. Ты Петре и Павле бачите мою муку. Возьмите Христа у руку пуйдіте повсьому світи закажите старому малому кривому слипому хто буде молітву впіти не буди в огні кипити хто буди рано и вечур говорити той буде в неби жити небо отвороне грих отпущоний. Христом стелюся Христом накриваюся господу богу поклоняюся сходила царица сход ла владычиця Знибеських кругов становилася сходіла владичиця к сіротам і вдовам благочистівим дівам не ходіте деви не сіта тоя вам зашлю ризи золотие Ангола хранітеля.

Еслі вам мало того то я вам зошлю сина свого розпятого если вам мало я до вас сама зійду вас у вічнее царство увиду из вами буду жити віковати на віки веком Амінь.

2. "Неділя".

....

7) Ангел з неба злитае
Гришника питае
Ой деж тая грішна душа
Неділі незнае.

8) Ой не можна християне
У неділю довго спати
Ой бо буде грішна душа
В огні погоряти.

9) Ой не можна християнам
У неділю рано ести
Ой бо гришна душа
В пекельному місці.

IO) Ой не можна християни
В неділю хлеба пекти
Ой бо буде грішна душа
Погибати впеклі.

II) Ой не можна християнам
В неділю волося чесати
Буде злий діавол живцем
Буде тіло рвати.

I2) Ой не можна Хрісстіяни
В неділю риби піймати
Буде злий діавол душу
На три круки брати.

....

(Всего I8 куплетов.)

3.

К опищ	Р иноцим
Л юципера	А нтихрист
У влекаюся	Д уха
Б ездну	И дольск
	О слепения
Т арторный	
Е кран	К оварство
Л юципера	А нтыхристовь
Е му	Р озвленащыися
В еры	Т о такий
И он	И звергнутся
З абрав	
О дурманив	
Р озум	

А. Ключевский, О. Терновская
(Москва)

О ПИСЬМЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ ПОЛЕСЬЯ

Традиционно принято считать, что фольклор существует в устной форме, поэтому в русской научной терминологии термины фольклор и устное народное творчество являются синонимами. Между тем, ряду жанров традиционной культуры свойственна письменная форма, несмотря на то, что они не могут быть отнесены к книжной культурной традиции. Особенно многообразен письменный фольклор современного города, прежде всего школьный и студенческий (разнообразные графитти, заветные песенники, анкеты, объявления и т.д. и т.п.). Некоторые из городских по своей природе жанров письменного фольклора интенсивно развиваются в деревне, где находят для себя более благоприятную почву, чем в городах (например, школьные заветные тетради). Однако культурной традиции деревни свойственны и свои собственные письменные фольклорные формы. Материалом к их описанию могут послужить, в частности, сообщающие новый статус хранимым ими текстам тетради с заговорами, духовными

стихами, листочки со спасительными молитвами, святые письма и т.п. Понятие письменного фольклора относится к области явлений, возникающих на стыке собственно фольклорного и литературного культурных пластов. С его помощью в ряде случаев оказывается возможным установить изоморфизм между внешне несхожими жанрами обеих культур (типа кроссворд-загадка). В докладе рассматриваются некоторые жанры письменного фольклора Полесья.

СОДЕРЖАНИЕ

Подписано к печати 25.02.83. А-07931.
Объем 9,75 п.л. Тираж 250 экз. Зак. 111.

Офсетное производство типографии № 3
издательства "Наука"
Москва К-45, ул.Жданова, 12/1.